

Клим Тимофеевич Сулимов

**КУЛЬТУРА
ОТЕЧЕСТВЕННОГО СОБАКОВОДСТВА
XX–XXI вв.**

Комментарии, реплики, размышления

Москва
2016

УДК 636.04

ББК 46.73

С89

Сулимов К.Т.

С89 Культура отечественного собаководства XX–XXI вв. (комментарии, реплики, размышления). М.: Институт Наследия, 2016. – 210 с.

ISBN 978-5-86443-212-9

Сулимов Клим Тимофеевич, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник РосНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, член научно-координационного совета по отечественным породам собак России.

Научный консультант отдела кинологического мониторинга ПАО «Аэрофлот».

Материал, подготовленный К.Т. Сулимовым в области общей и прикладной кинологии, представляет собой собственные комментарии к двум альтернативным теориям происхождения домашней собаки, к фрагментам истории отечественного собаководства, реплики и размышления на тему о стандартах пород и практике полевых испытаний охотничьих и служебных собак второй половины XX столетия, о нетрадиционном использовании естественных пород и перспективах выведения новых в настоящем и обозримом будущем.

Затронуты проблемы так называемых бесхозных дворняг.

Значительная часть книги посвящена критическому рассмотрению породных признаков главных отечественных пород и отродий отечественного разведения, функциональным особенностям основных статей собаки и ее поведению.

Может служить пособием для изучения становления пород, их преобразований в условиях отечественной культуры собаководства.

УДК 636.04

ББК 46.73

ISBN 978-5-86443-212-9

Содержание

Понятийная часть	5
Введение	8
Изменчивость, наследственность, отбор	10
Ближайшие родичи домашней собаки	13
К происхождению домашней собаки	15
Пример возврата межпородных метисов к собаке-парии	22
Особенности культуры лайки, как аборигенной породы	25
Версия возникновения декоративных пород	42
Зоотехническая отсталость и изуверства собаководческой субкультуры	46
Культура породного экстерьера и поведения собаки	47
1. Общий вид	47
1.1. Рост (размеры)	48
1.2. Половой диморфизм	50
1.3. Формат	54
2. Голова	55
2.1. Мимика	63
2.2. Прикус	63
2.3. Глаза	64
3. Конечности	66
4. Шерстный покров (псовина), окрасы	68
4.1. Длинношерстность, короткошерстность, нормальношерстность	72
4.2. Окрасы	76
5. Хвост	79
6. Поведение	84
6.1. Пищевое поведение, охотничий инстинкт	84

6.2. Лояльность человеку и антропофобия	88
6.3. Груминг и другие формы поведения	100
6.4. «Террагоржевый рефлекс»	101
6.5. Половой отбор и родительское поведение	103
6.6. Подражательное поведение	107
6.7. Функциональное состояние и «вязкость»	108
6.8. Стиль	113
6.9. Чутьё	115
6.10. Ольфакторное поведение	116
6.11. Слух	137
6.12. Зрение.....	138
6.13. Осязание	138
6.14. Болевая чувствительность	139
6.15. Голос	140
6.16. Формирование рабочего поведения	147
6.17. Сторожевое и бойцовое поведение	151
6.18. Хоминг (возвращение домой, нахождение дороги к дому)	154
6.19. Врожденные культура поведения и общее послушание	155
6.20. Формирование новых качеств, врожденного поведения	156
6.21. Рассудочная деятельность и «телепатия»	162
Заключение	189
Резюме и постскрипtum	190
Литература	198

Понятийная часть

Ключевые слова, термины, сокращения

1. «Допородная» норма вида домашней собаки (*Canis familiaris L.*), описанная Карлом Линнеем, представлена собакой-парией, наиболее сохранившейся в своем австралийском подвиде *Canis familiaris dingo* и в промысловой лайке.

2. Порода – продукт труда человека и его культуры, основная единица классификации целостной упорядоченной группы домашних животных одного вида и общего происхождения, характеризующаяся специфическими морфо-физиологическими и хозяйственно полезными свойствами, определенными требованиями к условиям жизни, передающимися по наследству, поддерживаемые племенной работой в едином направлении и сходных природных и хозяйственных условиях ее воспроизводства и использования.

Чистопородными называют животных одной породы, которая в течение шести и более поколений не подвергалась скрещиванию с другими породами.

Порода состоит из отродий и чем она старше и шире ее ареал, тем больше в ней отродий (119).

3. Отродье – составная часть породы, под которой понимают ее локальное подразделение, отличающееся одним или несколькими признаками, имеющими распространение, ограниченное местом его образования. Этим термином следует обозначать еще несформировавшуюся породу аборигенных собак, имеющую с соседними породами общее происхождение и использование, несущественно с ними различавшуюся размерами, сложением, окрасом и другими признаками, не влиявшими на ее продуктивность (119).

Нерационально создавать (признавать) из отродий, образующихся временной изоляцией, самостоятельные породы одного направления использования.

4. Элиминация – гибель отдельных особей или целых групп организмов, например, в результате действий хищников или естественного отбора. (127)

5. Гибрид – особь, рожденная от скрещивания разных видов.

6. Метис (помесь) – особь, рожденная от скрещивания разных пород одного вида.

7. Бастард – особь с наследственно устоявшимся генотипом из генофонда помесей и гибридов, размножавшихся «в себе», без заметных расщеплений к возврату исходных видов и пород. Из бастардов, обладающих специфичной продуктивностью, при накоплении в их генофонде «критической массы» особей, позволявшей их размножать без вредных последствий инбридинга, образуются отродья скрещиваемых пород и новые породы.

8. Реципрокное скрещивание – два варианта скрещиваний одних и тех же исходных видов или пород, отличавшихся по половой принадлежности родительских пар.

9. Полифилия – происхождение вида от нескольких предковых групп, не связанных близким родством (ср. монофилия).

10. Фертильность – репродуктивная способность.

11. Полиандрия – спаривание самки с несколькими самцами.

12. Кроссбридинг – скрещивание животных разных пород или видов.

13. «Дингоид» – межпородный метис, обликом напоминающий динго.

14. «Лайкоид» – межпородный метис, обликом напоминающий лайку.

15. Сибсы – потомки одних и тех же родителей – братья и сестры. Полусибсы – двоюродные братья и сестры (78).

16. Релизеры – сигналы организмов, вызывающие инстинктивные ответные реакции особей того же вида или только у членов семейной группы, реже у представителей того же рода и как исключение семейства и более далеких таксонов (127).

17. Компрачикосы люди, уродовавшие детей для продажи в качестве шутов в XII – XVII веках.

18. Анимизм – одна из примитивных форм религии, вера в существование духов и потустороннюю жизнь.

19. Реверсия – возврат, в результате обратных мутаций, в исходный (дикий) тип. Возвращение к норме вида в результате многоступенчатого межпородного скрещивания.

20. Молоссы – особо крупные догообразные охотничьи и пастушеские собаки (35).

21. Паратость – резвость гончих, с которой они преследуют зверя, что не всегда достоинство, слишком паратые гончие про- скакивают повороты следов и скальваются с гона (78).

22. Щипец – морда лайки от перелома межглазничной впадины до мочки носа. Прежде щипцом называли только морду борзых (78).

23. Волчий шакал (*Canis lupaster*) он же, или его подвид (*Canis simensis*) – один из первых вероятных предков домашней собаки, обладающий лаем.

24. Криминалистическая одорология с судебно-одорологической экспертизой – наука, использующая запаховую информацию (odor – запах) с мест происшествий в раскрытии и расследовании преступлений по запаховым следам индивида (ЗСИ) и запаховым препаратам с применением специально подготовленных собак-детекторов, служебно-розыскных собак (СРС) и служебно-поисковых собак (СПС).

25. ВНД – высшая нервная деятельность.

27. ЦНС – центральная нервная система.

28. Сенсбилизация – повышение чувствительности. (В нашем контексте к воздействию запаховых раздражителей.)

29. «Принцип Луи Долло» неповторяемость эволюции.

30. Брингзель (бринзель) апортировочный предмет, поноска.

31. Обратный мутагенез или реверсия, восстановление предковых признаков, возвращавших пробандов к норме их вида или породы.

32. Ваба. Вабить, значит подражать вою волков с целью вызвать у них ответный вой. Служит одним из способов обнаружения местонахождения волков при охоте на них.

33. ОШ. Обыкновенный шакал.

34. ОВ. Обыкновенный волк.

35. ШПБ. Шакало-псовый бастард.

36. ГШФ. Гладкошерстный фокстерьер

37. ЖШФ. Жесткошерстный фокстерьер.

38. ОКД. Общий курс дрессировки.

39. ЗКС. Защитно-караульная служба.

40. ССП. Стереотипное сигнальное поведение.

41. ИЗ. Индивидуальный запах.

Введение

Эволюция вида домашней собаки (*Canis familiaris L.*), возникшей, по палеонтологическим данным в Северной Африке скрещиванием нескольких видов рода *Canis*, насчитывает более 100 тысячелетий, пройдя вслед за эволюцией *Homo sapiens* (человека разумного) ряд стадий.

В настоящей стадии, связанной со смешением этносов, домашняя собака испытывает на себе противоречивое воздействие разных культур.

Если одни народы по-прежнему используют шкуру и мясо, а не только рабочие качества собаки (62), то уже, наряду с японцами, значительная часть людей Европы и Нового Света самозабвенно любит это первое домашнее животное, хотя третьи, живущие рядом, как бы им в пику, терпеть не могут собаку из религиозной или личной неприязни. Но что отраднo, четвертая немалая группа граждан становится терпеливым большинством и к бесхозной дворняжке, поняв, что в собаке человек нашел своего друга, еще не видя в ее дружбе главного качества, выработанного тысячелетиями – всепрощения человеку любой его слабости и коварства.

Следует учитывать и массу не вполне адекватных лиц, втянувшихся в модное разведение декоративных и бойцовых пород, в надежде, что они, введя их в бизнес, «выведут и в люди». Среди этих господ и их клиентов много тех, кто, оставляя на произвол судьбы надоевших им недавних «любимцев», вносят в популяции собак-парий, свободно живущих без хозяев, агрессию к человеку, не свойственную им в норме, а культивируемую лишь в соответствующих породах.

Наряду с «мусором» декоративных пород это засоряет и уродует живущих на воле «дворняг» (собак-парий), их «сестру» лайку и другие естественные породы.

Эти и подобные им «деятели» из охотничьей среды участвуют в истреблении вольных псов под одну гребенку с выемсками полицейских пород, проявлявших недопустимую агрессию к человеку.

Кастрация кобелей промысловых и ездовых лаек, а теперь и бесхозных городских метисов, *кастрируемых* для выпуска на

занимаемые ими территории в целях «охраны» от заселения размножающимися вольными сородичами, вносят в эволюцию собаки свою противоречивую лепту.

Дать выжить и, преодолев все невзгоды, сохранить «внепородную» норму вида, «задача» эволюции домашней собаки не из простых, и могла бы стать безнадежной, кабы, не так называемый «обратный мутагенез», индуцируемый межпородными скрещиваниями, возвращающими «многомерных» метисов к так называемый «допородной» норме вида.

Такой возврат неизменно происходит при свободном размножении в «себе» так называемых «беспородных», а на деле еще «многопородных» метисов, воспроизводивших на промежуточных стадиях признаки пород, участвовавших в их происхождении, а на завершающей стадии реверсии воспроизводит, по понятиям охотоведов, и так называемых «лайкоидов», чрезвычайно похожих на австралийского динго.

«Самоочищение» метисов обратным мутагенезом от агрессивных к человеку, «извращенцев» рода *Canis*, было бы не столь продуктивно без «подпитки» хранительницы нормы вида *Canis familiaris* кровью волка. Но на вопрос о роли в эволюции *Canis familiaris* волчье-псовых гибридов, «отобравших» у волка (*Canis lupus*), не столь уж опасного, как оказалось, для человека, его былую славу «абсолютного врага» домашней и охотничьей фауны, нет объективного и однозначного ответа.

Если в Природе волко-псовые гибриды проявляют агрессию к человеку, то они происходят от волчиц, спарившихся с кобелями военно-полицейских отродий немецкой овчарки, сторожевых пород и их метисов, не найдя себе пары из-за разрежения популяции волков их истреблением. Такие волко-псовые гибриды могут оказаться опаснее и вреднее самого волка. Но, к счастью, размножаясь «в себе» или с волками, они возвращают свое потомство к норме видов либо волка, либо собаки.

Изменчивость, наследственность, отбор

Домашние виды, подвергаясь спонтанной изменчивости и искусственному отбору, формируются в породы, распадающиеся на отродья, образующие, в свою очередь, новые породы (119).

Рецессивные мутации, проявляясь в потомстве гомозиготных носителей, при однородном разведении и инбридинге остаются в последующих поколениях (118).

Если они повышают продуктивность пробандов, то их, путём однородного подбора пар закрепляют в породе в качестве её признака. А продолжая подбор пар в этом направлении, усиливают признак, нередко гипертрофируя его до состояния, несовместимого с жизнью у крайних выразителей такого признака.

Естественный отбор, элиминацией носителей вредных мутаций, укрепляет вид, а, сохраняя в нём изменения, адекватные условиям существования и, накопив их «критическую массу», позволявшую носителям без вреда размножаться «в себе», образует подвиды.

Так произошло с образованием у домашней собаки единственного её подвида, австралийского динго, чему способствовала географическая изоляция, длившаяся более 10 тыс. лет.

Особей с изменениями, вредящими виду, естественный отбор устраняет и в породах, но искусственный отбор, разведением носителей таких изменений «в себе», дестабилизируя породу, образует из них отродья, не всегда продуктивные (10, 119).

Отродья, представляя форму существования породы, не влияя существенно на характер её использования, образуются со временем в каждой изолированной её популяции. Таковы отродья немецкой овчарки военно-полицейского назначения, так называемой «породы»: «Восточноевропейская овчарка» (ВЕО), «Волчак» и другие, в отличие от её коренного «пастушьего отродья», с тем же названием, а по существу другой породы, имеющей с ней лишь часть общих корней.

Становления аборигенных пород занимают столетия, отродья возникают в них за десятки лет, столько же уходит на образо-

вание заводских пород, а на их отродья требуется лишь ряд поколений пробандов инбредного разведения.

Изъятия из породы носителей как желаемых, так и «балластных» признаков, дестабилизируют и обедняют её генофонд. Их возврат возможен скрещиванием её генофонда с породами, сохранившими эти признаки, либо с дикими родичами рода *Canis*, несущими их в норме, либо путём обратного мутагенеза за время свободного размножения без вмешательства искусственного отбора (11).

Становление в тропических и субтропических регионах пород нелающих собак происходило в результате естественного отбора под прессом тигра, леопарда, ягуара и других крупных кошек, добывавших особей, выдававших лаем своё местопребывание, но оставшихся у поселения людей (37, 38), в отличие от лающего предка домашней собаки *Canis simensis*, оповещавшего свою стаю о приближении крупных хищников и уходившую от опасности.

Собака-пария, прошедшая с человеком через ареалы крупных кошачьих в австралийскую изоляцию, длившуюся более 10 тыс. лет, образовала подвид нелающего пса *Canis familiaris dingo*, сохранившего в своём облике норму вида.

Но если аборигены Австралии за это же время своеобразно «преуспели» в развитии культуры, изобретя бумеранг, то одичавший динго стал, в отсутствие врагов и конкурентов непревзойдённым универсальным охотником (85, 86).

Колонисты же, увидев поначалу в нём «лишь» угрозу своему овцеводству (3) и истребляя его ядами, которых он научился избегать, уничтожили архаичного плотоядного эндемика Австралии сумчатого волка.

Занявшись же динго всерьёз, один из овцеводов вывел из него лучшую в мире овчарку, но затем его преемники, скрещивая её с травильными породами, до того её «улучшили», что от динго в ней практически ничего не осталось. (39).

Заводскую породу разводят линиями, закрепляя в них её признаки и очищая инбридингом от вредных мутаций. При этом профилактикой инбредной депрессии служат скрещивания линий, семейств и отродий, вызывая в первом поколении (F1) пробандов резкое повышение жизнеспособности так называемую, гибридную силу или гетерозис (113, 118).

Гетерозис, проявляясь ещё сильнее в F1 при скрещивании пород и видов, повышает у пробандов их продуктивность, на чём основано всё пользовательное животноводство.

Дальнейшее их разведение «в себе» хотя и сводит гетерозис на нет, но выщепления и перекомбинации признаков приводят в F-2-3 появление как «новых», так и в результате обратного мутагенеза давно утраченных форм, из которых доминируют филогенетически более ранние образования вплоть до реверсии «доподродной» нормы домашней собаки.

Питомник Минобороны (МО) «Красная звезда», скрещивая собак крупных пород служебных, охотничьих и даже декоративных, за 15 послевоенных лет вывел из пользовательных метисов в целях охраны стратегических объектов ряд караульных пород (83). Но с кадровой ротацией, потеряв интерес к такой работе, производственники питомника перенесли понятие «пользовательных» как на случайных метисов, так и на малоценных особей чистых пород, исказив и её прежний смысл.

С первой половины 70-х годов век возродился интерес к гибридизации собаки, не только с волком, давшим в Западной Европе, не менее четырех волчьих отродий военно-полицейской немецкой овчарки, но и с обыкновенным шакалом (*Canis aureus L.*), сперва в научных, а затем и в научно-производственных целях.

В конце 60-х годов в Кильском институте истории домашних животных (ФРГ) проф. Вольф Герре, с целью изучения морфологии головного мозга псовых рода *Canis* и их гибридов, скрестил среднего пуделя с самкой обыкновенного шакала (32). А во второй половине 70-х годов, во ВНИИ МВД СССР осуществили уже реципрокное скрещивание обыкновенного шакала европейского подвида (*Canis aureus moreoticus*) с метисами оленегонной лайки и гладкошерстного фокстерьера с целью использования гибридов в криминалистической одорологии (11).

При размножении шакало-псовых гибридов «в себе», наряду с доминантным наследованием признаков шакала и рецессивным пород, отмечен возврат и к далеким «палеоформам» не только рода *Canis*, но и отряда *Carnivora* (23).

В потомстве, повторявшем ростом и окрасом новогвинейского динго или, напоминавших вымерших койотоподобных предков домашней собаки, 2 раза рождались и стопоходящие щенки, соответствуя вымершим переходным звеньям между семейством псовых и семействами медведей и енотов, так называемыми урсоканисами (36).

Ближайшие родичи домашней собаки

Семейство псовых (*Canidae*) с родом *Canis*, по морфологическим признакам занимают в отряде хищных (*Carnivora*) нижние ступени эволюции (36). Но благодаря высокому уровню развития ВНД и сенсорных систем у видов рода *Canis*, «вставших» на синантропный путь эволюции, из коих койотоподобные виды Евразии вымерли, образовался вид домашней собаки (*Canis familiaris*), наиболее сохранившийся в своём австралийском подвиде *Canis familiaris dingo*.

Часть видов, принимавших участие в образовании домашней собаки более длительном, чем полагают зоогенетики, вымерли или оказались на грани выживания, другие процветают и поныне (36). Роду *Canis* палеонтология насчитывает порядка 2 млн лет.

С уменьшением ископаемого возраста видов в них падает и количество подвидов.

Если у североамериканского койота (*Canis latrans*), старейшего из ныне живущих представителей рода, более чем за 1 млн лет образовалось на континенте Северной Америки свыше десятка подвидов, то у обыкновенного волка (*Canis lupus*) за 800 тыс. лет эволюции в Евразии и Северной Америке их сформировалось чуть меньше.

Сомнительно, что у шакала (*Canis aureus*) в Евразии и Африке за 500 тыс. лет становления вида образовалось по одному подвиду на каждом материке.

Скорее всего, что систематика его подвидов, обитающих как в пойменных зарослях (тугаях) субтропиков, так и за их пределами ещё может расшириться.

То, что домашняя собака (*Canis familiaris*), обитающая на всех континентах, кроме Антарктиды, за 100 тыс. лет от появления в Африканском Роге очагов одомашненных видов рода *Canis* и за 10 тыс. лет изоляции в Австралии, «обзавелась» лишь одним подвидом *Canis familiaris dingo*, сомнений не вызывает.

Блиские к домашней собаке виды рода *Canis*, возможно её гибридные родичи с обыкновенным шакалом: африканский волчий шакал (*Canis lupaster*) и его подвид *Canis simensis*, обладаю-

щие собачьим лаем, а также мексиканский рыжий волк (*Canis rufus*), пребывая на грани выживания, не исчезают, а обязаны своим статусом, продолжавшимся расщеплениям на исходные виды: собаки-парии и шакала и собаки-парии и койота.

Хотя койот (*Canis latrans*), волк (*Canis lupus*), шакал (*Canis aureus*), динго (*Canis familiaris dingo*) ещё многочисленны, но их подвидам: *Canis latrans incolatus*, *Canis lupus albus*, *Canis aureus moreoticus* и *Canis lupaster (simensis)* нужна не только охрана от истребления, но и от скрещиваний с собакой.

Другим, как *Canis latrans incolatus*, требуется как защита от гибридизации с домашней собакой, так и перепромысла. В то же время метисы собаки-парии и европейских пород, став «вездесущими», в Северной Америке уже угрожают засорением не только койоту, но и обыкновенному волку, а в Африке и волчьему шакалу.

На Аляске и в Новой Англии подвиду койота (*Canis latrans incolatus*) грозит исчезновение из-за перепромысла и скрещиваний с домашней собакой и волчье-псовыми гибридами, засорившими уже более 20% его популяции.

Истребление на Балканах европейского подвида обыкновенного шакала (*Canis aureus moreoticus*), а в тундре Евразии и Северной Канады полярного подвида обыкновенного волка (*Canis lupus albus*), поставили эти подвиды на грань выживания.

Лишь на Северном Кавказе у шакала в последние годы, по сообщению зоолога А.Д. Левковича, наметились рост численности и расширение ареала, но полярному подвиду обыкновенного волка это не светит.

От засорения признаками декоративных пород и агрессивностью к человеку военно-полицейских пород страдают как сами собаки-парии, так и аборигенные породы. В то же время, по нашей версии, африканский подвид обыкновенного шакала (*Canis aureus algirensis*) и койот (*Canis latrans*), скрещиваясь с собаками-париями, возможно «не дают исчезнуть» ни африканскому волчьему шакалу (*Canis lupaster*), ни мексиканскому волку (*Canis rufus*).

К происхождению домашней собаки (по Ч. Дарвину, А. Брему, С.Н. Боголюбскому, раннему К. Лоренцу и др.)

Вслед образованию в Африканском Роге (около 195 тыс. лет назад) вида *Homo sapiens* (человека разумного), там же менее чем через 100 тыс. лет появились и очаги одомашнивания псовых синантропов из рода *Canis*, близких к современным обитателям этих мест.

В настоящее время они представлены: волчьим шакалом (*Canis lupaster*) с подвидом *Canis simensis*, обладающим настоящим собачьим лаем, и африканским подвидом обыкновенного шакала (*Canis aureus algirensis G*) (140).

На примере комменсализма обыкновенного шакала с крупными хищниками Африки: львом, гепардом, пантерой и гиенами можно понять, как эволюция его ближайших родичей привела их к синантропии, ибо люди, также охотясь на крупных животных, но не используя всей добычи, стали оставлять шакалу во вскрытых ими тушах больше поживы, нежели его прежние сотрапезники — львы и гиены, выполнявшие для него ту же работу.

По К. Лоренцу (79, 80) опиравшемуся в теории происхождения домашней собаки на Дарвина (38), переход части популяции обыкновенного шакала и близких к нему видов под покровительство человека, оказалось ему, как и льву, полезным, ибо шакалы, как никто обладая сторожевыми качествами, оповещают своих сотрапезников о непрошенных «гостях», которыми у льва и других крупных хищников являются их сородичи, а у человека его соплеменники.

Свидетельством признания более поздними аборигенами Африки сторожевых услуг за конкретным видом шакала служит изображение ими бога Анубиса с головой зверя, крайне похожего на *Canis simensis*, охранявшего «Врата Царства Мёртвых», святая святых древних египтян. К тому же лишь этот вид в роду *Canis*, наряду с домашним псом, адекватно реагируя на тревожную ситуацию, оповещает всех настоящим собачьим лаем.

Неважно, что лай он мог перенять у павианов, обитающих в тех же стациях и также лаем оповещавших своё стадо о грозящей

опасности, исходящей, в частности от леопарда или других крупных хищников, если не наоборот, те не научились этому у него. Такая вокальная мимикрия наблюдается и в других таксонах, занимавших общие стации.

Сторожевыми услугами *Canis simensis* и африканского подвита обыкновенного шакала, самых близких к домашней собаке видов, от кого она и унаследовала сторожевые качества, человек пользовался не менее 50 тыс. лет, вплоть до его перехода с генофондом этих гибридов на евразийский континент.

На примере обыкновенного шакала, который в отличие от обыкновенного волка активно защищает своих щенков от любых посягательств, что характерно и собаке, складывается и своя версия приручения шакалов древними людьми, где приручение щенков путём их отлова у вблизи поселившихся родителей не представляется вероятным, ибо те должны, погибнуть, когда щенкам исполнится не более двух месяцев, тогда их ещё можно поймать, но не обязательно удастся выкормить. Зато их щенки-изгои в возрасте трёх с половиной месяцев, покидая семейную стаю под натиском своих агрессивных и более сильных сибсов, могли сами находить покровительство у женской части ближайших поселений людей, что наиболее вероятно, ибо такое наблюдается и теперь со щенками собаки-парии, волка и детёнышами других высших позвоночных.

Поскольку за 50 тысячелетий из африканских синантропов мог образоваться лишь генофонд гибридов, а не настоящий домашний вид, мы условно назвали его «прасобакой».

Перейдя за человеком с Севера Африки на Юг Евразии, шакало-койото-образная «прасобака» оказалась в ареалах: евразийских подвидов обыкновенного шакала с их более узкой болотной стацией, малопригодной для жизни человека, где и африканской «прасобаке» было жить неудобно. Зато стации в ареале ещё не вымершего евразийского койото-подобного вида (*Canis volgensis*), теснимого подвидами волка, (*Canis lupus*) были пригоднее для обитания людей и их «прасобаке».

Там, где мог жить человек, его «прасобака» соприкасалась как с близким ей койотоподобным *Canis volgensis*, так и с южными подвидами обыкновенного волка, стации которых также были пригодны как человеку, с его «прасобакой», так и другим, кроме евразийских подвидов обыкновенного шакала, обитавших в пойменных зарослях тугаёв и колючих кустарниках предгорий Балкан и Кавказа.

Волк, занимая широкий ареал, но не заходя в стацию евразийских подвидов обыкновенного шакала и поэтому с ними не скрещивающийся, в «прасобаке» мог «находить» партнёров для гибридизации. А те, начав скрещиваться вначале с более близким им койотоподобным *Canis volgensis*, через посредничество его гибридов перешли к скрещиванию с мелкими южными подвидами обыкновенного волка.

Их потомки, с продвижением за человеком на Север, стали скрещиваться и с крупными подвидами волка, замещая его доминантными признаками рецессивные признаки шакалообразной «прасобаки», но сохраняя, как, в частности, в строении мозжечка, морфологическое сходство не с волком, а с шакалом и койотом (193).

Скрещивание потомков «прасобаки» с волком позволило человеку обрести таких комменсалов, которых он уже мог использовать и для совместной охоты, сделав такую возможность необходимой.

Однако тотальное «замещение» в геноме «прасобаки» генетического материала шакала, признаками волка шло вслед формированию вида домашней собаки *Canis familiaris*, а не впереди него.

Хотя самый наглядный признак шакала сохранился у малорослых отродий шпицев в их размерах, но этот главнейший его морфологический признак не пользуется у околонуточной кинологической общественности должным вниманием.

«Неокритиков» Дарвина, не «жалующих» симпатией, шакала и спекулирующих на малоубедительных выводах зоогенетиков о происхождении домашней собаки исключительно от волка, больше убеждает относительная достоверность этих исследований, позволяя тешиться версией о становлении домашней собаки без участия несимпатичного им зверя.

Однако фертильность шакало-псовых гибридов, получаемых естественным путём, а искусственно и шакало-волчьих, а также отсутствие настоящего волка (*Canis lupus*) в Африке, где очаги одомашнивания псовых рода *Canis* находят до выхода *Homo sapiens* с его «прасобакой» в Евразию, указывают лишь на состоятельность теории Дарвина о происхождения домашней собаки не столько от волка, сколько от африканских «канисов», которых волк лишь дополнил своим генетическим материалом на более поздних этапах становления *Canis familiaris*.

Одной из посылок к ревизии теории Дарвина о происхождении домашней собаки и пересмотру классификации Линнея, послужила вышедшая в 1950 г. работа Р. Маттея, где он привёл свои подсчёты хромосом у псовых рода *Canis*, насчитав у шакала (*Canis aureus*) 74 пары хромосом против 78, у остальных видов этого рода: койота, волка и домашней собаки, дав повод и известному зоологу В.Г. Гептнеру вернуть обыкновенного шакала из рода *Canis*, куда его относил Линней, в отдельный род *Thos*, где обыкновенный шакал «успел уже побывать», также неудачно отнесённым в него предшественниками Гептнера.

Домашнюю собаку Гептнер был вынужден посчитать не видом, а вопреки Линнею, лишь подвидом волка, ибо за 30 тыс. лет, что генетики «отвели» возрасту собаки, вид образоваться не мог. И хотя в 1952 г. Р. Маттей опубликовал опровержение своих ошибочных подсчётов, «отношение к шакалу» Владимир Георгиевич не поменял, придав больше уверенности и «неокритикам» Дарвина в их «модном» наступлении на его теорию происхождения домашней собаки.

Однако в 1971 г., изучая морфологию мозжечка у домашней собаки, койота, обыкновенного шакала и волка, Д. Аткинс (193) подверг версию происхождения собаки исключительно от волка серьёзной критике, настаивая на большей близости собаки к шакалу и койоту. И хотя современный койот, эндемик Северной Америки, не мог быть предком домашней собаки, но близкий к нему, живший в Евразии и вымерший в голоцене койотоподобный вид *Canis volgensis*, палеонтологи полагают, мог участвовать и в становлении вида домашней собаки.

Если придерживаться версии зоогенетики о 30 тыс. лет от начала участия волка в становлении вида домашней собаки в Евразии, то это может относиться лишь к его скрещиванию с уже сложившимся видом *Canis familiaris*, чей облик наиболее полно сохранил в Австралии её единственный подвид, динго (*Canis familiaris dingo*), на что указывают и реверсии к нему «многопородных» метисов, дающих обратным мутагенезом при размножении «в себе» так называемых, «дингоидов».

Домашняя собака, по нашей версии, неоднократно возвращаясь с человеком на их историческую родину, не могла избежать скрещиваний и со своими африканскими родоначальниками, образовав с ними гибридный вид *Canis lupaster* (волчий шакал), с его подвидом *Canis simensis*, ставшими «загадочными» видами-

эндемиками Африки, у которых генетики опять находят доминирующие признаки волка, а не шакала.

По свидетельству А. Брема, волчий шакал, рыжий, как собака-пария, обладая её манерой закручивать хвост вверх, взяв от собаки-парии ряд генетических признаков волка, остался, шакалом (14, 19).

Известный зоолог А.Д. Поярков считает этот «исчезающий» вид *Canis lupaster* «африканским койотом». Вместе с тем только ему должно принадлежать видовое латинское название *Canis aureus* («золотистый пёс»), а не обыкновенному шакалу, имеющему всюду серый окрас.

Неподходящее обыкновенному шакалу название могло перейти на него по ошибке К. Линнея, не различавшего переходные формы черепов от *Canis lupaster* к черепам обыкновенного шакала. А поскольку Линней мог исследовать лишь шкуры этих видов, одинаково порыжевшие от консервации солью, то этим и объясняется казус в названии обыкновенного шакала «золотистым псом».

Аналогично, и черепа мексиканского волка (*Canis rufus*), схожие с черепами собак и койотов, указывая на «собачий след» и в образовании этого вида, так же вызывают знакомые споры о его статусе. Но и в этом, аналогичном случае, суть нашей версии остаётся той же: рыжая собака-пария, повсюду двигаясь за человеком, перейдя Берингов пролив, десятки тысяч лет назад ещё доступный для перехода по льду, образовала и на американском континенте, с легко скрещивающимся с ней «настоящим» койотом, мексиканскую (ушастую) собаку-парию и «второго рыжего вида-эндемика», теперь уже Северной Америки рыжего мексиканского волка (*Canis rufus*), которого, по аналогии с его африканским родичем, было бы логично называть «волчьим койотом».

А на Юге Азии собака-пария прошла с человеком и через обширный ареал красных волков рода *Canis*, не скрещиваясь ни с одним из его подвидов из-за слишком далёкого с ними родства. Но до перехода с человеком в Австралию, она оставила аборигенам Новой Гвинеи своего «измельчавшего в пути», также не лающего, а «поющего» ново-гвинейского динго.

Оказавшись в Австралии через 35 тыс. лет от появления в Евразии, собака-пария была единственным домашним животным аборигенов до колонизации этого материка европейцами.

Без крупных азиатских кошек, лишивших динго лая, и без конкурентов рода *Canis*, также не лающих, а щебечущих, как ткачики, эта собака-пария частично вернулась к полудикому образу жизни, образовав подвид домашней собаки *Canis familiaris dingo* и одичав абсолютно лишь с колонизацией материка овцеводами европейцев.

Не вытеснив крупного сумчатого волка, архаичного плотоядного эндемика Австралии, динго стал косвенной причиной его исчезновения, ибо сгубившие этого зверя в начале прошлого века яды, овцеводы применяли для истребления динго (3).

Динго, «варригал» на языке аборигенов, сохранил свой первозданный облик собаки-парии, а одичав, стал охотником на все доступные ему, виды местной фауны, включая древесных кенгуру, приобретя в своём поведении те охотничьи качества, о которых с восхищением писали Дарвин, Брем и известный учёный-охотовед Пётр Александрович Мантейфель (19, 38, 85, 86).

Изучая гибридов динго с гончей и лайкой, Пётр Александрович отмечал в наследовании ими универсального охотничьего инстинкта и непревзойденных вязкости, выносливости и исключительной способности влезать на деревья (не хуже древесных кенгуру), присущих этой собаке-парии.

О тех динго, поступивших в Московский зоопарк в 1931 г. из Англии, С.Я. Маршак написал для детей замечательные стихи, которые художник-анималист Е.И. Чарушин сопроводил уникальными зарисовками этой собаки с натуры.

Мне, автору этих строк, посчастливилось ещё видеть динго в послевоенные годы. Потрясала его способность, прыгая с места, подниматься по стене своего помещения до потолка и, выполнив задний кульбит, сбегать с противоположной стороны.

Двух щенков динго удалось вырастить в условиях городских квартир. Оба вели себя как домашние собаки. Так же отзывались о динго любители этих собак из бывшей ГДР.

Я, автор этих строк, наблюдал поведение 10-месячной самки динго в подмосковном лесу, где в ловле июньских хрущей и в скорости бега она несопоставимо превосходила свою сверстницу, оленегонную лайку. Но, убежав в лесу от напугавшего её велосипедиста и как бы «потерявшись», она через неделю нашла путь к дому.

Отданная 11-месячной в Московский зоопарк, при встрече через 11 лет, под конец своей жизни, она вспомнила мой подзыв. Её радость от встречи со мной вызвала у меня слёзы.

В 70-х годах XX в. динго вошёл в моду в ГДР, но вскоре из-за вирусных эпизоотий, уносивших жизнь этим псам, его разведение сошло на нет.

Процветание динго, продолжавшееся в Австралии более 10 тыс. лет, 200 лет назад прервали европейские колонисты-овцеводы, став смертельными врагами этой замечательной собаки-парии (3). Антропофобия, конвергентный признак всех высших позвоночных, развившаяся и у динго в ответ на гонение человеком, препятствует теперь его лёгкому в недавнем прошлом возвращению в домашнее состояние (38, 196). Сейчас дикого динго от домашнего, ещё сохранившегося у аборигенов Австралии под названием «варригала» можно отличить по степени закрученности хвоста. У дикого динго он закручивается слабее.

Пример возврата межпородных метисов к собаке-парии

В один из октябрьских дней середины 60-х годов мне, охотоведу-кинологу Центрального Совета Всеармейского Военно-Охотничьего Общества (ЦСВВОО), автору этих строк, будучи в командировке в Юрьевецком охотхозяйстве ВВОО, довелось наблюдать за охотой пары местных «дворняжек», в которых ещё угадывалось их метисное происхождение от лайки и русской гончей.

Не испытав в охотхозяйстве тотальных гонений, они пребывали в состоянии приобщения к полу-вольной жизни собак-парий и, оставаясь лояльными ко всем людям, «кормильцами человека».

Они показали незатейливую охоту на зайца-беляка с разделением своих функций на гонца и ловца, положивших в историческое время породогенеза у домашней собаки начало древнейшим породам: борзых и гончих.

«Патронаж», популяции зайца-беляка волчьей семьёй, сохранившейся в этой части охотничьего хозяйства, не охотящейся на него вблизи своего логова, но не позволявшей этого и сородичам, так повысил в хозяйстве плотность этого зайца, что она стала притягивать к волчьим угодыям местных собак полакомиться зайчатиной. Но находиться в угодыях, охраняемых волками, псы могли только с людьми, поэтому они ненавязчиво сопровождали всех, кто шёл за чем-либо в лес.

В сопровождении двух таких собачек оказались и мы с начальником охотхозяйства, решив под вечер пройти краем леса для осмотра его «биотехнических мероприятий».

Вначале я подсадовал на компанию «бродячих собак», в чём, по долгу службы, должен был упрекнуть и начальника охотхозяйства, не выполнявшего обязанности их отстреливать. Но вскоре нам обоим об этом его упущении сожалеть не пришлось, ибо через час мы вернулись домой с парой беляков, добытых без выстрела, поскольку охота на не побелевшего зайца ещё не была открыта, да и разглядеть его в смешанном ельнике в осенние сумерки было бы безнадежно.

А на опушке леса «несостоявшийся выжлец», но не «комплексавший» по этому поводу «побудил» беляка, «маровато»

погнав его, как отметили бы судьи. Но его серо-пегой напарнице, похожей на лайку, этого было вполне достаточно, чтобы «сэкстраполировать», где к ней «на штык» прискачет беляк. Крадучись, но не больше чем этого требовалось, она вышла ему навстречу и тот, в считанные секунды, был ею добыт.

Первый трофей сука «вежливо уступила» начальнику охотхозяйства, за что тот, дождавшись её напарника, продолжавшего «гнать», предложил собачкам традиционные «пазанки». Но те, отказавшись от лапок, вновь ушли за настоящей добычей. Нам оставалось, не теряя суки из виду, не мешать их охоте, ибо второго зайца, добытого так же быстро, она уже попыталась унести от нас подальше. На подзывы и уговоры её расстаться и со вторым трофеем, прибежал «напарник», приняв наши голоса за приглашение к разделу добычи. Бросив след и выбежав из чащи, он тут же ринулся на суку в драку, что и помогло нам завладеть их вторым зайцем. Ничуть этим не обескураженные, собачки тотчас прекратив свару, не мешкая, уже были в работе. Третий трофей сука сразу унесла от нас на безопасное расстояние, но не настолько проворно, чтобы это могло показаться нам «вызывающим».

Там, не ссорясь с подоспевшим напарником, собаки быстро и деловито разорвали зайца на две части и, проглотив их, сытые, весело побежали к деревне.

По сообщению этнографа Е.А. Оборотовой, в Ханты-Мансийском АО лайки также уходят в тайгу на охоту за зайцем-беляком, и трофеи иногда приносят домой.

В Средней Азии сходным образом ведут себя тазы и тайганы, самостоятельно добывая и принося хозяевам зайца-толая.

Дворняжки

«Эх, будь ты хорошей породы,
А то ведь простая дворняга!»
«Старик! Ты не знаешь природы:
Ведь может быть тело дворняги,
А сердце – чистойшей породы!»

Асадов Э. «Стихи о рыжей дворняге»

История знает работы Великого В.Л. Дурова по гипнозу и телепатии с его неприятными дворняжками, ставившими в тупик психолога В.М. Бехтерева и других, не менее известных психологов и нейрофизиологов того времени.

Уже в наши дни физиолог ВНД и дрессировщик И.Л. Брейтшер оставил нам образы, сыгранные его «дворнягой» по кличке «Брѐх» в кинокартинах: «Пѐс «Барбос» или необыкновенный кросс», «У переправы», «Эскадрилья Нормандия-Неман», и в ряде др.

Незабываемым выступлениям этого пса противостоят заурядные экранизации с немецкими овчарками, неизменно привлекающими внимание публики своим узнаваемым обликом, но и постоянно требующим во время работы дублёров.

В роли главного героя в кинокартинах: «Белый Клык», «Ко мне «Мухтар»!», и в других подобных фильмах использовали полдюжины немецких овчарок, что, к счастью, было легко осуществлять. Неповторимый же облик «Брѐха» в роли «Барбоса» и в других сыгранных им ролях, не позволял по ходу съѐмок делать ему замены, да «Брѐху» этого и не требовалось. «Брѐх» в руках Игоря Львовича, подававшего ему команды, за кадром, по его жесту легко перевоплощался из свирепого пса, в ласковую «Каштанку» и другие подобные персонажи и любым аллюром, двигался в указанном ему направлении,

У нас деревенские стада коров, овец и коз, как правило, пасут с дворняжками, аналоги которых в странах Нового Света представляют недавние бастарды и непризнанные породы, как Бордер-колли, Блю-Лейси и др. (39).

Но если «Брѐха» дрессировал учёный физиолог, то пастухи своими трудовыми успехами обязаны врождённым качествам наших деревенских «дворняжек».

Однажды на полевых испытаниях спаниелей, для оценки их «апортировки» из воды водоплавающей дичи, им забрасывали с берега отстрелянного чирка. Но ни один из них не смог проплыть 20 м и подать плававшего на виду подранка. Наблюдавший эту картину пастух, находившийся при стаде с мелкой «дворняжкой», предложил свои услуги, и судьям ничего не оставалось, как, подавив своё сомнение, принять от него помощь, послушно выполненную его собачкой.

Таланты «дворняг» проистекают из их гетерозиготности, как и заурядность «высоко породных» собак от их высокой степени гомозиготности.

Особенности культуры лайки, как аборигенной породы Экстерьер, поведение, использование

Лайка по определению известного исследователя её аборигенных пород проф. Н.А. Смирнова, объединяет остроухих собак нашей страны и по телосложению она неотличима от северной собаки-парии Старого Света, и «допородной» нормы вида домашней собаки (*Canis familiaris L.*) (142).

Местные различия вносит лишь её спорадическая гибридизация в Природе с Евразийским волком, да повсеместная метизация с немецкой овчаркой, а в недалёком прошлом с южными аборигенными породами борзых и молоссов.

Лайку, как и собаку-парию, кроме стоячих ушных раковин отличает хвост, закрученный вверх, и псовина, повторяющая волчью, с тем же зонарносерым окрасом либо с классическим для собаки-парики, рыжим, а также пегим и любым другим, указывая и на присутствие генетического материала иных пород, что, однако, ничего не говорит о времени привнесения его в генофонд современной лайки.

По размерам лайка распадается на три породные группы. Самая крупная – ездовая, высотой в холке до 70 см, самая мелкая – оленегонная до 40 см и до 60 см самая распространённая – охотничья. В местах их соприкосновения находятся переходные формы смешанного типа и «универсального» использования.

На долю одомашненной «прасобаки», выведившей Номо sapiens «в люди», выпало и её мясошкурковое назначение, сохранённое «благодарным» ей человечеством до наших дней, например, у гиляков острова Сахалин, и в ряде других регионов, где, наряду с охотой и ездовой службой, лайка выполняет и своё посмертное мясошкурковое назначение, хотя доля её «пищевого» использования определённо сужается.

Шубная индустрия, потребление мяса собак в Китае и в сопредельных с ним странах создали её мясошкурковые породы, как чау-чау и шар-пей, ставшие у нас декоративными, а там – конкурирующие с дикой и звероводческой пушниной.

Наши скорняки, также издавна занимавшиеся выделкой собачьего меха, а затем и домашней кошки, не создавая пород, предпочитали воровской промысел такой пушнины, за что народ прозвал их «собачниками» и «живодёрами».

Обзываемые и битые за свой промысел, они даже пытались сменить слишком одиозные названия своей продукции. Но неприятие публикой их глумления над «братьями меньшими» помешало прижиться придуманным ими названиям для собачьего меха «сторожковый», а для кошачьего – «печелазовый».

Лайка, тысячелетия помогая человеку выживать в экстремальных условиях высоких широт, по сей день страдает от его коварства, поскольку одежде коренных народов Севера, если и не вся шьётся из её меха, то неизменно им оторачивается.

В годы «освоения» Евразийского Севера и прибрежной зоны «Севморпути» мех лайки десятки лет был обязательным в пошиве дох приезжим «исконным северянам» и унтов полярным лётчикам.

Для оторочки национальной меховой одежды аборигены отбирают лаек белого окраса «живьём», а для производственной одежды окрас имеет второстепенное значение.

Универсальное использование лайки изменяется с Востока на Запад и с Севера на Юг (22). Северо-восток и центральная Сибирь – историческая родина крупной лайки связана с её не только охотничьим, но и ездовым назначением.

Брем в начале прошлого века отмечал в облике чукотского отродья ездовой лайки черты местного полярного подвида волка, поэтому она чаще других отродий держит хвост не как у всех лаек закрученным вверх, а по-волчьи, «поленом», хотя и она, не получая от волка генетической «подпитки», со временем возвращается к манере держать хвост в норме лайки.

Освоение Севера требовало большого количества ездовых лек. Но из-за их нехватки лаек заменяли привозными молоссами, которые, скрещиваясь с ездовой лайкой, образовали генофонд очень крупных «лайкоидов». В США и Канаде на их основе и эскимосского маламута вывели отродье, так называемого скоростного маламута, конкурирующего в гонках с чукотским отродьем ездовой лайки (126).

Сибирским лайкам, если к ним не прилита кровь караульно-сторожевых пород, не свойственно и сторожевое поведение, направленное против человека.

С продвижением на Запад лайка теряет в росте, приобретает пастушеские и сторожевые качества, что уже проявляется у деревенских дворняжек той же лайки средней части Европейской России. Особенно это заметно у лайки угорских народов Западной Сибири, Поволжья и Восточной Европы, где она приближается к облику мелкой оленегонной лайки с её удлинённой псовиной, характерной и для мелких венгерских овчарок пули и пуми, отличавшихся от оленегонной лайки не телосложением, а лишь ещё более изменённой псовиной.

На северо-западе лайка мельчает, ибо её основное назначение пастба оленей, сохраняя универсальные охотничьи качества, в меньшей степени ездовые.

Здесь появляются и её узко специализированные породы: финская птичья и оленегонная лапландская (лапхунд), но она, как и её ненецкое отродье, служит и для охоты на водоплавающую птицу. Также используют исчезающих марийскую охотничью лайку и более крупную карельскую медвежью лайку, послужившую прототипом для стандарта так называемой русско-европейской лайки (РЕЛ), в которой использован чёрно-пегий окрас этой карельской породы.

В северных посёлках, где сосредоточены потомки аборигенных пород лайки, совместно уживаются как крупные, так и основная масса лаек среднего роста, а также мелкие.

Если полагать, что все они могут свободно скрещиваться, то можно только удивляться, как за три четверти века (от начала широкомасштабного освоения Севера, и смешения его малочисленных народов) у них ещё остались различия, повторяющие «триаду» видов рода *Canis*, резко различающихся по росту.

На первый взгляд в таких условиях сохраниться мелким шакалообразным формам труднее, если бы не «геноцид» крупных и средних сородичей путём кастрации кобелей, используемых в охотничьих и ездовых целях, а также отстрелов охотниками за собачьей пушниной, ибо «охотиться» на мелких лаек пока есть крупнее, нет скорняжного интереса, тем более никто не удосужится их и кастрировать.

Размерный барьер, ограничивая вязки мелких кобелей с крупными суками, как и спрос у пастухов-оленевонов на лаек, высотой в холке порядка 40 см, также способствуют их сохранению.

Мелкая (оленегонная) лайка, кусая подгоняемого оленя за нижнюю часть конечностей, защищённую камусом (на бегу

ей выше и не достать), не повреждает оленю кожу. А поскольку повреждение кожи способствует внедрению некробацилл, вызывающих у северных оленей некробациллёз так называемую копытку, то использование в их пастьбе мелких лаек служит профилактике этого заболевания.

От мелких форм, «выщепляющихся» в любой популяции лайки, при однородном подборе пар рождаются лишь мелкие особи, ибо мелкий рост рецессивный признак шакала, а крупный – волка и средний собственно домашней собаки – полудоминантные признаки.

Японцы при выведении своего белого шпица использовали оленегонных и других мелких лаек Сибири. (39).

В Ханты-Мансийском АО существуют несколько пород и отродий лайки.

Отродья мелких оленегонных ненецких и зырянских лаек, а также охотничьих коми-зырян, приведены в Западную Сибирь из Европейского Севера. Крупный же Самоед относится к псам, пришедшим на Север с тюркским этносом с Юга.

Лайка коренного населения бассейна Оби с растянутым корпусом – благодаря отбору, основанному на давних традициях хантов и манси, устойчиво «дрейфует» в «созданных» из неё спортивных отродьях, (псевдопород) охотничьей лайки так называемых западносибирской и «русско-европейской», созданных в питомнике ВНИИО из лаек, оставшихся неиспользованными в ВОВ питомником школы МО «Красная звезда». Их внедрение в любительское использование и разведение началось в так называемых кинологических центрах: Москве, Ленинграде, Калинин, Ярославле и Казани.

Разделение охотничье-промысловой лайки на так называемых географические породы, различавшиеся не функционально, а лишь надуманными в стандартах, 2 см высоты в холке, что даже невозможно у живой лайки точно измерить, как и приписываемыми им «породообразующими» окрасами, принесло генофонду важнейшей отечественной породы неоправданные издержки (27, 28, 34).

Внедрение вымороченных стандартов псевдопород лайки в центрах заводского разведения, затормозив в них её адекватное воспроизводство, в промысловых регионах послужило поводом к отстрелам лаек «нестандартных» окрасов, ставших в одночасье на своей исторической родине так называемыми лайкоидами,

объявленными Главохотой РСФСР вне закона, на радость заготовителям собачьей пушнины и в угоду санветнадзору, для которого чем меньше так называемыми «бесхозных» собак, тем меньше забот (155, 130).

Накопление в изолированных популяциях лайки каких-либо новых признаков поведения или экстерьера, дестабилизирующих первоначальные качества её пород образуют в промысловой, ездовой и оленегонной породах местные отродья, количество которых возрастает пропорционально времени изоляции конкретной популяции породы (113, 119).

В традиционных условиях содержания промысловой, ездовой и оленегонной лаек их полиандрия допускает некий племенной учёт по материнской линии, но лишь за время, обозримое одним поколением хозяев, удерживавших в своей памяти внешний облик и особенности рабочих качеств выдающейся суки.

И хотя далеко не все её морфологические особенности служат генетическими маркёрами рабочих качеств, но обращённое на них внимание хозяев влияло на их сохранение в потомстве такой суки, и они, закрепляясь в данной микро-популяции, перерастали в признаки отродья.

Но лишь относительная изоляция таких микро-популяций, не изменяя их производственной специализации, не накапливала признаков породы.

На закрепление же желательных качеств в статусе породных, без реальной заводской изоляции от скрещиваний с кобелями, не имеющими культивируемых признаков, требуется значительно больше времени.

Поэтому кочевые племена реально не могли за одно поколение создавать истинные породы промысловой, ездовой и оленегонной лаек и поэтому по сей день довольствуются лишь их отродьями.

Но «первооткрывателей» «пород» лаек, желающих стать авторами «стандартов», это явно не смущает. И такие, не умудрённые опытом «специалисты» и малозначимым экстерьерными признакам, не задумываясь присваивают статус «породных», что не выдерживает серьёзной зоотехнической критики, и отвергается практикой их заводского разведения.

Но уже подражательное поведение молодняка рабочим качествам взрослых, на чём держатся производственные отличия аборигенных пород лаек, признак более важный, нежели окрасы и других формальные различия декоративного толка.

Тем не менее носители декоративных признаков, востребованные народами всех времён, служат виду домашней собаки хранителями её лояльности человеку.

Известный зоолог А.А. Вершинин наблюдал таких «беспольных», с его точки зрения, лаек и у аборигенов Камчатки.

Картину относительно недавнего прошлого и отчасти современного состояния лаек в Западной Сибири непредвзято комментирует этнограф Е.А. Оборотова, несколько лет проработавшая в ареалах этих собак.

По её данным, популяция лайки, обособившаяся в среднем течении Оби и её притокам: Северной Сосьве, Казыму, Амне сохраняет универсальность и её традиционно используют как на промысле, так и в упряжке, но для выпаса оленьих стад в зоне тайги этих достаточно крупных лаек уже не применяют.

Вместе с частью казымских оленеводов, мигрировавших в XIX в. через водораздел в поисках новых пастбищ и промысловых угодий, эти лайки попали на реку Назым. Ареал их не связан с регионом проживания какой-либо определенной этнической группы (эта область является местом контактов между хантами, манси, лесными и тундровыми ненцами), совпадая с хозяйственно-культурным типом рыболовов больших таёжных рек, охватывая основное русло Оби и богатое рыбой среднее течение её притоков. Ведущими направлениями в хозяйстве этого региона традиционно были рыболовство, охота на копытных и выпас небольших стад оленей. Был также и пушной промысел, хотя менее интенсивный, чем в верховьях рек, как и охота на пернатую боровую и водоплавающую дичь. Лайки, о которых идет речь, крупнее своих таёжных собратьев, зырянских. Рост кобелей достигает 56 см в холке, корпус растянутой, глаза янтарного или жёлтого цвета, веки с темным ободком, уши посажены высоко и очень подвижны, внутри опушены, слуховой проход защищён густой щёткой волос. Псовина короткая, с густым подшёрстком, закрытым плотной остью, более длинная на загривке и хвосте. У этих лаек гнус не разъедает веки и область вокруг глаз, как у собак с мягким шёрстным покровом. Хвост гибкий и подвижный, поднимаясь вверх, он то колышется султаном, то мягким полукольцом лежит на спине, а в неактивном состоянии свисает ниже скакательного сустава. При чисто-белом окрасе, главной особенностью экстерьера этих собак, чёрные мочка носа и губы. На языке манси их именуют «войкан амп» – белая или светлая собака. Считалось, что белых собак не

боятся водоплавающие птицы и пушные звери, с ними легче охотиться, но главное – от них не шарахаются домашние олени.

Белый окрас оленегонных лаек предпочитают и коми, выпавшие свои стада на склонах Северного Урала. Белую собаку легче отличить от хищника как охотнику, так и пастуху-оленоводу, она не провоцирует панику и у других домашних животных.

Хантыйские и мансийские лайки выносливы и неприхотливы, не боятся воды, охотно плавают и даже ныряют. Добывая в мелководных старицах щук, приносят добычу и своим хозяевам. Они обладают острым чутьём (обонянием, слухом и зрением), энергичным, «неунывающим» и независимым характером, позволяющим им охотиться и без человека. Приходилось наблюдать, как при отлучках людей с промысла, собак оставляли в угодьях одних на длительное время. Отличаясь бесстрашием к крупному зверю, они пригодны для охоты на медведя. К человеку они доброжелательны, но без назойливости, их отношение с ним носит характер сотрудничества. О приближении незнакомых людей они оповещают лаем, но для активной охраны от человека этих лаек не используют, и сталкиваться с их агрессивным поведением по отношению к незнакомым лицам не привелось, ибо позволивших себе такое, что может свидетельствовать о метизации их с немецкой овчаркой, сразу убивают. Зачастую эти лайки живут впроголодь, но никогда не воруют дичь и мясо с нарт или с полок над входом в жильё.

Однако принципы тестирования и отбраковки щенков лаек, практикуемые хантами и манси, требуют критического рассмотрения.

1. Лучшими считают щенков, родившихся весной. Новорожденных тщательно осматривают и сразу же уничтожают тех, у кого обнаруживают уродства, грыжи и другие физические дефекты, что, безусловно, правильно.

2. Выбраковка щенков тёмных окрасов отвечает скорняжным интересам, а охотничьи и пастушьи цели тут не причём.

3. Отбор на выращивание самых подвижных в раннем возрасте осложняет матерям обеспечение им безопасности. На это указывают используемые при отборе тесты, не учитывающие возрастных особенностей щенков. Так, их выносят из дома и оставляют одних. Хорошими считают тех, что не копошатся бесполокво на одном месте, а целенаправленно ползут в одну сторону.

Поднимают щенка за хвост, и если тот, изгибаясь, пытается схватить за руку, такое поведение считают желательным. Полагают: чем длиннее и толще у лайки хвост, тем сильнее её мускулатура. Такой отбор «по хвосту» ведётся и в породе Немецкой овчарки, что, наряду с растянутым корпусом, как у Ханты-мансийской лайки, привело эти, совсем не родственные породы, к конвергентному сходству, хотя в настоящее время нельзя исключить и их метизацию. Но таким же образом тестируют и щенков норных пород, у которых хвост несёт функцию «ручки» и должен быть прочным. Однако такой хвост по многофункциональности проигрывает закрученному хвосту лайки, сохранившему своей подвижностью видовую норму домашней собаки, по которой легко определяется её рабочее состояние.

4. Особое внимание уделяется строению нёба. Оно должно быть тёмным, свидетельствуя об агрессивном характере лайки. На нёбе считают выпуклые борозды. Их должно быть не менее 10, а лучше – 12. Длинная «волчья» морда взрослой собаки не должна быть короче мозговой капсулы, безусловно, соответствует норме вида. Однако у щенков до смены зубов пропорции должны быть другими, иначе взрослые сородичи не будут воспринимать их щенками, со всеми вытекающими из этого последствиями.

5. На темени щенка должна быть «шишка», выступающий сагиттальный гребень. Он служит базой прикрепления жевательной мускулатуры, обеспечивающей хватку. У взрослых псов сагиттальный гребень уже закрыт мускулатурой, оставляя на этом месте ложбину.

6. На морде щенка считают вибриссы, полагая, что чем их больше, тем острее чутьё (обоняние и осязание), особенно необходимые для охоты на птицу, с чем, в целом, можно согласиться.

7. Между рёбер у щенка должен свободно проходить палец – признак «лёгкости на бегу». Согласиться с этим нельзя, ибо чем шире межрёберные промежутки, тем «растянутей» корпус и массивнее телосложение, создающие не лёгкость бега, а увеличение шкуры, представляя лишь скорняжный интерес, и не более того. В основном отбор по внешним признакам касается окраса, а то, что прямо или косвенно, как полагают угорские охотники, свидетельствует об охотничьих качествах лайки, интерпретировать трудно. Например, наличие «зарубки» на носу или, так называемое беличье пятно на нёбе ближе к зубам, трактуемое ими как признаки склонности лайки к охоте на белку. Выпуклые борозды на нёбе

должны выходить на зубы, а не на промежутки между ними. Ложбинка, идущая от носа к верхней губе, должна быть Т-образной формы, т.е. морда, не должна быть заостренной, а тупой, как у медведя (волка). Чем больше крапин на носу, тем лучше. Ещё слабее изучены другие псевдокорреляционные признаки, используемые в отборе. Поэтому главными пороодообразующими факторами лайки остаются отбор по рабочим качествам на промысле, по культуре поведения в быту и условиями климата.

В Сибири выживают лишь лайки с волчьей псовиной и иммунитетом к местным болезням.

«Звероватый» облик, выщепляющийся у лайки, объясняется её гибридизацией в недалёком прошлом с волком (29).

Ханты и манси старались не допускать в свои паули случайных псов, пытаясь, насколько это удавалось, вязать своих лаек, сходных по охотничьим качествам.

В ряде сёл популяцию лайки ведут от сук с выдающимися охотничьими качествами, а в некоторых паулях – и от одной суки. В других же местах (посёлки Анеево и Камратка) практикуют обмен охотничьими лайками, обеспечивая тем их разнообразие.

Ведущим для хантов и манси является отбор выращенного молодняка по рабочим качествам, проявляющимся лишь на промысле. Способность щенков к самообучению, подражая работе взрослых, одно из драгоценных свойств этих собак. Чаще всего щенки приобретают охотничьи навыки уже в первое лето своей жизни, выслеживая и ловя для собственного пропитания мелкую добычу. Они гоняются за бурундуками, молодью глухарей и тетеревов и даже бегают по мелководью, пытаясь схватить рыбу. Щенки-однопомётники учатся охотиться стаями – как со сверстниками, так и с взрослыми собаками.

Приходилось видеть, как пара молодых лаек добывает зайца, разделяясь на гонца и ловца. Охотничьему поведению на промысле они обучаются чаще всего без участия человека, копируя поведение матери. Полугодовалый щенок, бегавший вслед за матерью в тайгу, к началу промыслового сезона уже самостоятельно облаивает белку. Практикуется и целенаправленное участие охотника в обучении молодой лайки вместе с опытной, бывшей уже на промысле. Иногда он сам нахаживает щенка по следу. Найдя, например, след горностая, охотник доводит лайку до места, где зверь понорился и помогает его выжить из норы. Поощряет её загонять белку на дерево и облаивать. Убив выслеженного им зверька, даёт

лайке его обнюхать, а освежёванную тушку обязательно скормит. Но порой охотнику приходится отучать лайку трепать и рвать добытого зверька или птицу, ибо ей позволено лишь «прикусывать».

На промысле пушнины нельзя гоняться и за зайцами, отвлекаясь от поиска пушного зверя. Если лайка, подняв зайца, гонит его не возвращаясь на подзыв, то охотник, застрелив того и примавив им лайку, ловит её и, привязав, бьёт мертвым зайцем.

Наблюдая за подрастающими щенками и особенностями их поведения, ханты и манси определяют их врождённые качества, выявляя при охоте на разных животных. Так выявляют бельчатниц, утятниц, лосятниц и медвежатниц.

Бельчатницы обладают острым слухом, зрением и «верхним» чутьем, упорством в выслеживании зверька, а при его облаивании – доносчивым голосом. Утятниц с детства отличает нелюбовь к утиному мясу. Лосятницы должны не слишком злобно, в «пастушьей» манере вязко, преследовать и удерживать остановившегося зверя.

Медвежатницы – обладают незаурядной храбростью. В одном из хозяйств на р. Назым, Ханты-Мансийского АО привелось наблюдать немолодого кобеля с частично парализованными ногами, которого хозяин ценил за способность увлекать за собой всю стаю на удержание зверя.

Особенно ценятся лайки с универсальными качествами. Наличие такой собаки скрывают от посторонних, стараясь не упоминать о ней в разговорах. Одна из черт лаек не просто неприхотливость, а способность усваивать разнообразные корма, довольствуясь их минимумом, стойко и без особого ущерба, переходя на «самообеспечение» переживать периоды бескормицы.

Многовековым опытом у хантов и манси сложилась своя техника кормления собак в специфических условиях Западной Сибири.

Основой собачьего рациона служит, как правило, малоценная рыба: налим, щука, окунь, чебак, язь, которую полагается варить или вялить. Считается, что от сырой рыбы собаки заражаются глистами, болеют и даже погибают, особенно те, которых содержат на привязи. Известно, что в чешуе и плавниках свежей пресноводной рыбы (особенно в щуке, налиме и язе) содержится фермент тиаминаза, препятствующий усвоению организмом псовых витамина В₁, вызывая судороги и гибель. Такие случаи

имели место на зверофермах чёрно-серебристых лис. Однако приходилось не раз наблюдать, как собаки не прочь на рыбалках полакомиться рыбой «сыроежкой», а в описаниях В.Ф. Зуева можно найти такие строки: «В летнее время остяки промышляют так много рыбы, что больших налимов у юрт валяются ужасные кучи, на которые сытые собаки и не смотрят, а в сушёном виде её весь год, как про себя, так и для собак запасают довольно». Очевидно, лайки не на привязи могут компенсировать влияние тиаминазы в сочетании с другим кормом. Как упоминалось выше, летом они нейтрализуют влияние тиаминазы, отлавливая зайцев и мелких грызунов, поедая птичьи кладки. Как все хищники, они в первую очередь съедают у жертвы внутренности, богатые витаминами группы В, компенсируя их потерю при питании сырой рыбой.

Летом, во время хода рыбы на нерест, в хантыйских и мансийских хозяйствах наступает настоящая страда. Старики, женщины и дети заняты обработкой уловов и заготовкой рыбы впрок, утилизируя её полностью. Весной добывают щуку и вялят её на ветру под весенними лучами солнца, получая «позёмы» для собак. В начале лета, особенно в низовьях рек, на нерест идёт язь, вылавливаемый в больших объёмах. В пищу людям употребляют только его жир с кишок и брюшка, вываривая их в густую массу – «варку», которая считается лакомством. Тушки разделяют на юколу, снимая с костяков мякоть, и вялят для собак. Хребты и головы не выбрасывают, а сушат, добавляя к ним и те, что остались от еды. Сушат и мелкую малоценную рыбу. Её вместе с костями измельчают и толкут в особых ступах в муку – порсу. Порса – легкий и сытный полуфабрикат, далекий прообраз современных порошковых супов. Запас порсы охотник обязательно брал с собой на промысел, в качестве корма для собак, говоря, что мясо в лесу он и так найдет. В отсутствие другой пищи порса, особенно из вялено-жареной, а не из вялено-сушёной рыбы, вкусна и вполне годится людям. Её можно есть прямо так – в сухом виде или, запарив кипятком, сдобрить ею рыбный или мясной бульон. К сожалению, в настоящее время утрачена практика заготовки порсы и рыбьего жира впрок и почти повсеместно полноценное кормление собак становится проблемой. Лишь в ряде хозяйств в небольших объёмах заготавливают вяленую рыбу – юколу.

В охотничьих хозяйствах в верховьях рек летом специально неводят рыбу, чтобы обеспечить собак кормом. В отсутствие рыб в пищу идёт комбикорм, могут запаривать и муку. Традиционно

собачий корм сдабривали и рыбьим жиром. Как правило, для этого использовался так называемый «кислый жир», который ханты и манси заготавливали в тёплое время. Для этого ёмкость со скопившимися головами и внутренностями малоценной рыбы оставляли на несколько дней «киснуть» на солнце. Выделившийся и всплывший на поверхность жир собирали и хранили. Оставшуюся массу тоже варили собакам. Как правило, им достаются мясной и рыбный бульон. Традиционно рыбу и мясо ханты и манси варят очень недолго, бульон считается малоценным, и его сливают в собачий котёл или отдают оленям. Зимой для собак всегда имеется запас мороженой рыбы, а на промысле в корм идут освежёванные тушки белок и ондатр. Обычно собакам не позволяют слизывать кровь и касаться внутренностей и мяса лося, но на практике, при разделке диких копытных, скота и лошадей, им всегда достаются обрезь мяса и остатки внутренностей.

Не брезгуют лайки и растительной пищей, охотно поедая ягоды брусники, черники, голубики, пикши и клюквы. Очень любят кедровые орешки, отыскивая их в кучах шелухи у шишкодробилок или, разгрызая шишки, поедают орешки вместе со скорлупой. Будучи сытыми, шелуху сплевывают, слизывая только ядрышки.

В литературе есть сведения, что в летнее время на Назыме и Сосьве лайка съедает в день не менее килограмма рыбы. Отправляясь на зимний промысел за Урал, охотник коми брал на неделю для себя и своей лайки 30 фунтов продуктов. В низовьях Оби упряжка из 5–7 собак съедала 10–14 кг рыбы в сутки, т.е. зимой на одну рабочую собаку приходится в среднем 2 кг рыбы.

В хантыйском или мансийском хозяйстве требуется содержать до двух десятков лаек различной охотничьей специализации, а также ездовых. Позади дома и хозяйственных построек для них сооружают «собачьи дома» – «амп коот» из продольно положенного горбыля или в виде низких срубов. Там собаки могут спрятаться от непогоды и гнуса. Летом в комариное время они вместе с оленями теснятся у дымокуров или стараются спрятать носы в мох или рыхлую землю.

Традиционно у каждого члена семьи были свои лайки. У женщин могли быть промысловые и подпряжные для транспортировки небольших грузов, подвоза дров и воды. Заурядных охотничьих лаек использовали как ездовых для хозяйственных

нужд в окрестностях деревни. Были и домашние «компаньоны», а в низовьях Оби и собаки для вычесывания пуха. Щенков отдавали детям, приучая их заботиться и понимать животных. Те своих маленьких хозяев сопровождали в лес, становясь им товарищами в детских играх. Каждый кормил своих псов сам. Общеизвестно, что собачий мех не индевет на морозе. Использование собачьих шкур для опушки зимней одежды на Оби связано с самодийской культурой. По описаниям путешественников, род остяцких князей Тайшиных держал отборных мохнатых псов, чьи шкуры шли на панды малиц.

«Кроме ездовых лаек, впрочем, только ниже Берёзова, ещё держат и мелких, лаек единственно из-за длинной мягкой белой и черной шерсти, весьма употребительной здесь в опушке мужского и женского платья. Самых красивых собак этой породы видел я у князя Обдорского в Князь-Юрте. Такие собачьи шкурки стоят там нередко 6 рублей и дороже», – писал А. Брэм.

Традиционно, угры собак не забывают, за исключением манси, проживающих по р. Ляпин. В их состав вошли несколько ненецких фамилий, у потомков которых до недавнего времени сохранялась традиция оторачивать подолы мужских малиц белым собачьим мехом. На Оби и в низовьях Сосьвы (ниже пос. Сартынья) проходит граница хозяйств рыболовов больших таежных рек. Там для зимней одежды традиционно набирали подклады не из оленьего меха, а из птичьих и собачьих шкур.

Дополнительный импульс эта традиция получила в 30-е годы, когда в период освоения Севера в массовом порядке зимняя одежда шилась из собачьих шкур. В низовьях Сосьвы одежду и меховые чулки-чижи шили из щенячьих шкур. У стайки для скота стоял специальный шест с петлей, которой удавливали собак в ритуальных целях, а в последнее время и на шкуру.

Конституциональные типы, подобные лайке Средней Оби, встречаются и у других её отродий, позволяя проследить миграционные пути этносов с породами их собак.

Лайки конкретного производственного использования – охотничьи в зоне тайги, ездовые на побережье Северного Ледовитого Океана и пастушьи в регионах разведения домашнего северного оленя, могут быть отнесены к циркумполярным породам, не исключаяющим внутри каждой из них местные отродья, которые, по зоотехническим нормам, могут скрещиваться, не взирая на их происхождение.

Более того, внутривидовой кроссбридинг отродий, не вредя закреплённому изолированным разведением разнообразию, служит противовесом, необоснованным инбридингу и скрещиванию с породами иных назначений, например, с немецкой овчаркой или молоссами. В то же время, универсальность лайки, позволяя ездовую применять на промысле нерпы, промысловую в упряжке, а оленегонную на охоте за водоплавающей птицей, не предполагает эти породы скрещивать.

Если не брать в расчёт формальных признаков пород лайки и не касаться их функционального содержания то, в основном, породы различаются размерами и конституцией, соответствующими видовым нормам триады рода *Canis* (154, 155).

«Освоение Севера», упразднив этническую разобщённость коренных народов и приведя их к оседлому образу жизни в посёлках, стирает и реальные отличия пород и отродий лайки. Утрата ими территориальной изоляции, ограничивавшей скрещивание, возвращает лайку к исходным корням с её слабой специализацией.

Но в посёлках лайку засоряют и иные породы, что, в свою очередь, ставит задачу отличать её от метисов. Теперь уже для того или иного назначения взрослую лайку выбирают по размерам, меньше по конституции, а уж затем проверяют её рабочие качества. И если у рослого кобеля проявятся ездовые качества, то его ставят на довольствие, берут в обучение и кастрируют.

Так поступают и с кобелями промыслового назначения. Спрос же на мелкую оленегонную лайку хотя и не высок, но стабилен. Но если даже и ей, кочующей со стадами оленей, не просто сохранить своё потомство без вмешательства пастухов, оставляющих её щенков по своему усмотрению, то лаек средней величины, оставшихся не у дел, судьба не жалует.

Метисы, утратившие породные различия, но ещё сохранившие товарную псовину, интересуют лишь охотников за собачьей пушниной, добыча которой где-то ещё формально регламентируется стандартами «географических пород» но в основе заготовок собачьей пушнины лежат стандарты не пород, а качества сырья.

К счастью отстрелы и кастрации не всюду имеют тотальный характер. И спортивных лаек, привезенных из города, как правило, не кастрируют. Но чтобы оградить привозных псов от участия в собачьих драках, в которых возбудимые спортивные лайки травмируются сильнее, их владельцам проще отстрелять местных

сук, провоцирующих драки (43, 44). Из-за этого сук уничтожают уже в щенячьем возрасте, хотя это, на удивление кинологам, не сводит лайку на нет. Если же мать щенков оказалась крупной, да ещё «в кобелиных ладах», и хозяин видел её вязку с избежавшим кастрации рослым кобелем, то её потомству удаётся обрести своего хозяина, и при относительно сытом существовании вырасти для работы в упряжке.

Изоляцию какой-либо породы тотальной кастрацией кобелей иных пород на достаточно больших территориях нереально повсюду, как и истребление таковых не только из-за экономических издержек, но и некомпетентности исполнителей таких «мероприятий» из-за угрозы аборигенным породам, находящимся рядом.

Но вот, не было счастья, да несчастье помогло. Износ вездеходной техники и ликвидация зверосовхозов могут подвигнуть аборигенов Севера на разведение лаек не только ездовых и оленегонных, но и промысловых, что послужит их быстрому восстановлению. Однако при всей неприхотливости лайки содержание этих собак на привязи требует от хозяина заботы о кормах, которых всегда не хватает, тем более при государственных квотах, вводимых на отлов рыбы.

Привязь, оберегая лайку от драк, не изолирует её от скрещиваний и не спасает от отстрелов, а строительство питомников требует таких затрат, к каким аборигены ещё морально и материально не готовы. Без целевой спонсорской программы развития ездового спорта, охотничьего туризма, пушного промысла и всего в совокупности, этой проблемы не решить, а положительные сдвиги потребуют строительства на местах нетрадиционных питомников, ибо типовые проекты и на широте Москвы не выдерживают критики, а на вечной мерзлоте не имеют смысла.

Уже скоро 50 лет, как разработана и применяется технология содержания собак, используемая отделом кинологического мониторинга ПАО «Аэрофлот», пригодная и для Крайнего Севера страны, однако её внедрение и в центре встречает непреодолимые бюрократические трудности, что уж тогда говорить о непонимании этой проблемы на Крайнем Севере (49).

Питомники оленегонных и промысловых лаек, создававшиеся до развала СССР Кооперацией, «Заготживсырьём» и Главхотой для развития оленеводства и пушного промысла в регионах Крайнего Севера, имели короткую историю и, влача жалкое

существование, самоликвидировались ещё при советской системе. Тем не менее энтузиазм их организаторов оставил заметный след в судьбах промысловой и оленегонной лаек. Из первой созданы спортивно-охотничьи отродья лайки, а вторая распространилась не только по оленеводческим регионам страны, но и далеко за её пределами, ЦИРКУМПОЛЯРНОЙ породой (15, 16).

Но в условиях Сибири с обилием рек, горных перевалов и таёжных троп, где ещё сохранилась или возрождается промысловая охота, «вездеходный» и моторно-лодочный транспорт полностью не заменяет собачью упряжку, уступая ей в надёжности, проходимости, экологичности и доступности.

Летом упряжки лаек, двигаясь берегами речек, буксируют по ним лодки, зимой тянут по льду нарты либо следуют с поклажей на нартах сквозь дебри за охотником по прокладываемой им лыжне, либо везут в нартах его самого по наезженной дороге, всего не перечить.

Начиная с XIX в., европейские собаководы стали обращать внимание на лайку и других аборигенных собак. Любителей привлекала в них «дикая», «волчья» стать, утраченная заводскими породами. Начав с немецкой овчарки и промысловой лайки, они добрались до ездовых лаек Арктики и их, тропических и субтропических сородичей.

Этих собак «открывали» известные путешественники-натуралисты, как Дарвин, Брем и другие, оставив нам и первые их описания (19, 36). Позднее менее известные исследователи и любители привозили этих собак из скотоводческих областей Европы и таёжных регионов Евразии в города для их заводского разведения. При написании стандартов аборигенных пород обычно пользовались в качестве пробандов единичными особями. Часть отродий также принимали за породы, усложняя их разведение. Попав в центр такого разведения единственной, не всегда лучшей моделью, пёс аборигенной породы становился заложником «породотворчества» дилетантов, как это было с лайкой и теперь происходит с собакой из Средней Азии и Кавказа. Такие породы, оказавшись в руках «экстерьеристов» и в несвойственных им условиях содержания, испытывают утрированное развитие всё тех же отдельных статей, какое постигло их предшественников, ставших декоративными. Примером тому служит судьба пород с «роскошной» псовиной, как у вольфшпица и его отродий (кейхсунд и др.), у колли, афганской борзой, Самоеда и других,

имевших на своей исторической родине производственное назначение. Так называемых Хаски и Самоеда теперь разводят в качестве декоративных пород даже в тропических странах, где вторая из них завоевала титул «Красивейшей собаки Мира», хотя во времена Брема обе породы выполняли ездовую функцию. Но на это «преобразование» потрачено столетие их заводского разведения (С. 38, 195, 208, 209).

Заводчики (26, 38), пытаясь восстанавливать у немецкой овчарки слабеющий волчий облик и др. его качества, а у спортивно-охотничьих лаек утрачиваемую ими «звероватость», обе породы скрещивают с волком, хотя лайке «звероватость» возвращает лучше обыкновенный шакал (фото).

Волчи же отродья этих пород из-за потери или хотя бы ослабления у них лояльности к человеку становятся не востребуемыми ни пастухами и силовыми структурами, ни охотниками, на кого было сориентировано их выведение.

Только благодаря тому, что у австралийского динго антропофобия не зашла слишком далеко, его использование колонистами для пастъбы овец, начавшееся ещё во времена Дарвина, привело к созданию лучшей пастушьей породы своего времени, сохранявшей близкий к норме вида облик домашней собаки.

Но продержалась она не долго, попав в руки любителей травильных пород.

Подвергшись поглотительному скрещиванию с американскими «Булями» лучшая пастушья порода полностью утратила облик динго и все его качества (38).

Версии возникновения декоративных пород

Любуясь совершенством сложения обыкновенного волка, статуями других видов рода *Canis*, принимавших участие в становлении вида домашней собаки и её допородного облика, невольно возникает вопрос: зачем, имея столь совершенные образцы, созданные природой, человек, поправ их нормы, создал у домашней собаки такое количество уродств, закрепив их в породах как декоративных, так и имеющих производственное назначение. Ответ надо искать в человеческой психике, где вопросов ещё больше, чем логичных ответов.

Если с растянутостью корпуса промысловой лайки Ханты-Мансийского Н.О., увеличивающей у собаки площадь её шкуры ещё как-то можно согласиться, то с гроздьями прибылых пальцев, висящих на передних и задних конечностях и всеми пороками прикуса у оленегонных лаек Таймырского Н.О., как и с их псовиной, пожизненно сбитой в колтуны, не говоря уже об известных уродствах комнатно-декоративных пород, смириться крайне трудно.

Пользуясь многоплодностью и быстрой сменой поколений домашней собаки, заводчики и селекционеры легко при своей жизни изменяли её экстерьер, уродуя его под предлогом «усовершенствований».

Если в становлении пород травильно-бойцовых молоссов образцами служили облики льва и медведя, то с развитием коневодства образцом для терьеров, английских гончих, легавых и других становился конь.

Когда пастухи стали страдать от волчьей напасти, а их неповоротливые молоссы годились лишь для борьбы с набегами скотокрадов, появились более подвижные овчарки, близкие к немецкой, того старого типа, когда она была величиной с динго (34). Но этими породами занимались пастухи, охотники, стражи порядка. Женскую же половину Европы, занятую мещанским уютом, больше привлекали кошки и хори, спасавшие городские жилища от нашествий мышей и крыс.

Но оказалось, что аномально мелкие собаки менее прихотливы в содержании, чем эти хищники. А при соответствующем отбо-

ре они становятся на них похожими, и крыс могут ловить не хуже, что положило начало декоративным породам собачек с укороченными мордочками, изменившими им и прикус.

Дальше больше, и вот уже эти декоративные породы не только умиляют публику, но и вызывают у неё сострадание, ставшее целью их дальнейшего существования (38, 195).

Осознание столпами декоративного породотворчества своей никчёмности в сравнении с Природой, стало их обращение к культивированию моды на малоизменённые породы лаек, динго, базенджис, других естественных пород в противовес старым заводским охотничье и пастушье декоративным породам (39, 47).

Но и этого осознания хватило ненадолго, ибо моднейшего в настоящее время так называемого Сибирского хаски уже предпочитают не с нормальными, коричневыми глазами, а с голубыми и осветлённой пигментацией, связанными с ослаблением конституции.

Как давно человек, осознав свою беспомощность в сравнении с Природой в разведении пастушьих и охотничьих собак, начал скрещивать их с волком, мы узнаём из древнеримских источников, сославшись на Дарвина, исследовавшего этот вопрос тех времён.

Но при охоте с промысловыми борзыми и близкими к ним аборигенными породами, отличавшимися добычливостью, не было спортивно-аристократического ореола, «комплектных» охот с борзыми и гончими заводского разведения, обладавшими брендами внешних данных и своим стилем работы, определявшим на них спрос в эпоху Возрождения, что породило в охотничьем собаководстве и их декоративное направление (112, 115, 116).

Несмотря на то что «прапороды» современных борзых и гончих образовались в античные времена, их утрированный облик достиг своего апогея относительно недавно перед зарождением ружейной охоты, сменившей в «отъезжих полях» кавалькады вельможных всадников пешими стрелками.

Любители пострелять птиц из-под легавой, со спаниелем или ретривером также приобретали чистопородных псов, которым заводчики придавали, ради бренда, уже откровенно декоративные признаки, повышавшие на них спрос (39, 45).

Другим стимулом развития утрированных экстерьерных признаков у охотничьих пород была вера заводчиков в то, что с накоплением в экстерьере собаки «маркёров» породы, можно сохранить и улучшить её охотничий досуг.

Следуя этой иллюзии, «знатоки» охотничье-спортивных пород, загружая в нарастающем темпе свои породы «маркёрами» и брендами, преобразуя их, не желая того, в комнатно-декоративные, накопили в них «маркёров» и брендов, как мусора, больше, чем у всех домашних видов вместе взятых.

Теперь начальную стадию того же можно наблюдать и в заводских отродьях охотничьей лайки, где культивируются различия её отродий по окрасам, возводимым в признаки «географических» псевдопород.

Породы, выступающие в качестве собак-компаньонов, хотя мода на них меняется, также служат базой комнатно-декоративному собаководству.

Заводчики-селекционеры декоративных пород, благодаря плодовитости собаки и её самой продолжительной доместикиации, не позволяют естественному отбору устранять особей с отклонениями от нормы, даже едва совместимыми с жизнью, если эти отклонения умиляют публику, приверженную этой субкультуре и оплачивают им их сомнительное «творчество».

Одержимые охотой за «новыми» декоративными признаками и используя познания в генетике, заводчики-селекционеры декоративных пород не оставили у собаки ни одной стати в норме, определяемой «знатоками» как «простой» или «простоватой», т.е., лишенной вычурности, возводимой ими в признак «высокой породности».

Практика школы МО «Красная звезда» показала, что если в послевоенные годы на выведение новых пород и изменение до неузнаваемости старых, достаточно было полутора десятка лет, то теперь сроки «породотворчества» ещё более сократились.

Но если на заре становления естественных пород первопричиной изменений был естественный отбор, вызванный функциональной необходимостью, то теперь породные изменения заводчики доводят до абсурда (39, 45, 196).

Тупиковое в эволюции собаки декоративное «разнообразие» пород стало причиной глобального засорения ими естественных пород, ещё востребованных производством.

Однако становление вида домашней собаки насчитывает не 30 тыс. лет, как утверждают приверженцы её происхождения исключительно от волка, ибо за столь короткий срок вид образоваться не может. И *Canis familiaris* L. это не подвид волка, как полагал известный зоолог В.Г. Гептнер, а установленный Линнеем

хорошо выраженный вид с одним слабо выраженным подвидом *Canis familiaris dingo*, сохранившим нам облик собаки в той норме, каким он был до начала породогенеза.

К счастью, вид домашней собаки, «засорённый» её породами, благодаря обратному мутагенезу способен себя «очищать» и, вопреки принципу Долло, распространяющемуся на большие периоды эволюции, может возвращаться к предшествовавшим породам и даже к своей допородной норме.

Полифилитическое становление вида *Canis familiaris* L. насчитывает не менее 100 тыс. лет, а вид, как таковой, сформировался, как минимум за 80 тыс. лет до того, как появились у домашней собаки первые породы. Поэтому даже от самых древних из них с помощью обратного мутагенеза вид способен себя «очищать», начиная от последних и, продвигаясь к норме, доходит до их истоков. Не будь у Природы возможности такого самоочищения, мы давно бы потеряли лайку и другие естественные породы с их доминирующими признаками

К сожалению, «эту работу» вопреки всему в настоящее время «выполняют» лишь неконтролируемые коммунальными службами резерваты вольно живущих собак-парий, с которыми «современный» «*Homo sapiens*», вместо того чтобы их разумно поддерживать, изощённо ищет пути их повсеместного истребления.

Из признаков, дающих основу для декоративной селекции, на первом месте стоят окрасы, структура псовины и сезонность линьки, за ними следуют мягкие ткани головы, затем изменения затрагивают хвост, конечности и, связанный с ними, формат. А с аномалиями прикусов и изменениями профиля головы, деформации подвергаются и кости черепа.

Причина инфантильного строения головы у собак старых аборигенных и заводских пород коренится в отборе женской половиной, покровительствующей детёнышам «братьев наших меньших», щенков с укороченными «мордочками».

Так себя ведут и самки высших позвоночных, начиная от птиц и до приматов включительно. Укороченная «мордочка» детёнышей с их выпуклым «лобиком» служит, как показал К. Лоренц, релизерами материнского поведения, подавляющего у взрослых особей охотничий инстинкт и агрессию.

П.А. Мантейфель приводит пример усыновления самкой соболя крольчонка, которого ей дали слепым в качестве живого корма при её также ещё слепых детёнышах (78, 79, 80).

Постоянный отбор, проводимый «экспертами-универсалами» на выставках собак не только декоративных пород, но и тех, что претендуют на спортивно-охотничье предназначение, стирают грани не только между этими породами, но и теми, что ещё не утратили служебного использования.

Стандарты могли бы сдерживать форсированное наступление на норму вида домашней собаки, но их низкое качество сводит на нет такую возможность.

Зоотехническая отсталость и изуверства собаководческой субкультуры

Купирование хвоста и ушных раковин, удаление первых пальцев на передних лапах, и «прибылых» на задних, щипка шерсти не исчерпывают всех истязаний переносимых собакой от современных «последователей компрачикосов».

Хотя зоозащитники вынуждают таких собаководов пересматривать устаревшие «нормы» членовредительства, добиваясь исключений из стандартов ряда пород средневековых изуверств, удаляющих у щенков хвоста, ушей или их частей, а также пальцев, учитывая, какой ущерб это наносит здоровью собаки.

Но кинологам не следует забывать, что в тех промысловых регионах Севера, где существует лайка, в её производственных породах, лучших по рабочим качествам, кобелей кастрируют, чтобы те не убежали с промысла в «самоволку», сук же не перестают уничтожать в щенячем возрасте, всё это оправдывая экономическими причинами текущего момента.

Следует также учитывать не утратившие значения пережитки обычаев у аборигенов подвергать лучших лаек культу заклятия, если их хозяин решил «отправиться к праотцам», или это делают его родственники, если он не успел совершить заклятие сам. И это ещё не скоро сойдёт на нет, ибо анимизм и жертвоприношения крепко удерживают на Севере свои позиции при отказе от антирелигиозного просвещения, как «посягательства» на самобытную «культуру» коренных малочисленных народов (191).

Вопрос, можно ли при всём этом думать всерьёз о зоотехнической культуре аборигенного собаководства в обозримом будущем, остаётся открытым.

Культура породного экстерьера и поведения собаки

1. Общий вид

На универсальность телосложения собаки в нормальном «допородном» облике, как хищного зверя, охотящегося в нагон, указывают его повторения в разно-удалённых таксонах плотоядных млекопитающих, начиная от архаичного сумчатого волка, «собачий облик» которого сохранили фотографии, до похожих на неё гиен, имеющих неоспоримое с ней сходство и даже гепарда, хотя и отдалённо, но конечностями напоминающего собаку.

Наилучшим образом «допородную» норму вида домашней собаки, описанную Линнеем как *Canis familiaris* L., сохранил её слабовыраженный подвид *Canis familiaris dingo*, воплотив в себе эталон единства её формы и содержания.

У динго, кроме псовины, мало пригодной к нашему климату, нет стати, требующей её функционального улучшения. Но если бы динго имел псовину волка, его было бы трудно отличить от промысловой лайки.

К облику нормы вида собаку возвращают в результате обратного мутагенеза многопородные скрещивания, дающие рыжих псов, столь схожих с динго, что возникает сомнение в их не близком родстве, и лишь поведение говорит об ином происхождении такого сходства.

Показательно, что в результате обратных мутаций из «небытия» возникает не волк, кого генетики полагают единственным родоначальником вида домашней собаки, а собака-пария, ибо она, как вид, сформировалась раньше, нежели считают, не столь уверенные в своём вероятностном методе ДНК-скописты, в отличие от самоуверенной кинологической общественности, спекулирующей на их изысканиях.

К счастью, в настоящее время их заблуждения ничем не грозят домашней собаке, чего не скажешь об ошибках в недалёком прошлом известных кинологов, обладавших в нашей стране вла-

стью влиять на формирование охотничьих и служебных пород, что следует знать и помнить, ибо их деструктивное влияние ещё не изжито, о чём подробнее будет в обзоре следующих статей домашней собаки.

1.1. Рост (размеры)

Широта размерных рамок стандарта говорит об универсальности породы, ибо производственную специализацию собаки в первую очередь определяет рост. И если австралийский динго, не только активный хищник, но и собиратель, предопределил основной массе домашних собак следовать его росту 50–55 см, то малорослые породы, величиной с «поющего» динго, при высоте в холке до 45 см повторяют обыкновенного шакала, истинного хищника-собираателя.

Сопоставимые же по росту с крупными подвидами волка молоссы, напоминая уже семейство медведей, хотя это сходство носит у них почти карикатурный характер, свидетельствует о самом раннем отклонении этих пород от нормы вида *Canis familiaris*, когда человека больше всего привлекал её аномально крупный рост, достигавший высоты в холке более 70 см. (35).

Эту «размерную триаду» видов рода *Canis*, участвовавших в видообразовании домашней собаки, автор этих строк, при поддержке журнала «Охота и охотничье хозяйство», в лице редактора отдела собаководства В.Г. Холостова, предлагал взять за основу и при формировании заводских отродий охотничьей лайки.

Прецедентом служили те же лайки Японии, ставшие заводскими породами, а также пудели, терьеры и другие породы с таким же разделением по росту.

Это предложение, альтернативное только что принятым Главохотой РСФСР «географическим стандартам», разработанным во ВНИИО Эдмундом Иосифовичем Шерешевским (ЭИШ), журнал «Охота и охотничье хозяйство» № 6, за 1966 г., без ведома ЭИШ, контролировавшего раздел Собаководство, вынес на обсуждение кинологической общественности.

Новый взгляд на образ промысловой лайки вызвал переполох у сторонников признанного Главохотой РСФСР «породотворца» из ВНИИО, полагавшей, что этот наболевший вопрос окончательно ею решён и «снят с повестки дня».

Благой же целью ЭИШ, внедрявшего стандарты укрупнённых «географических пород» промысловой лайки, также было сокращение у неё псевдопород, а по существу этнических отродий, не поддававшихся никакому рациональному учёту, но требовавших охотничьей общественностью их «чистопородного» разведения.

Все лайки, ввозимые из промысловых регионов в Москву, ставшую благодаря школе МО «Красная звезда» кинологическим центром страны, претендовали на статус пород.

Разобраться с их «псевдопородами» на основании справок сельских и кочевых Советов, заменявших лайкам, ввозимым из промысловых районов, родословные свидетельства были бессильны и опытные специалисты Кинологического совета Главохоты РСФСР: М.Г. Волков, М.А. Сергеев, А.В. Платонов, оказавшиеся на беду в то опальное для них время «формальными генетиками», отбывавшими «срока» в «не столь отдалённых местах».

Географические же стандарты, скомпилированные наспех ЭИШ, создавали иллюзию компромисса молодым сторонникам единого стандарта охотничьей лайки и «лаечникам» со стажем, стоявшим за «сбережение» всех её «пород», приспособленных к укладу жизни аборигенов и промыслу местной охотничьей фауны, зависевшему от конъюнктуры на рынке пушнины (см. комментарий Е.А. Оборотовой).

Воспроизводство же охотничьей лайки в кинологических центрах, возникших вслед московско-ленинградскому кусту в Казани, Новосибирске, Хабаровске и других крупных городах, учитывало лишь её общий экстерьер да досуг в охоте на вездесущих белку и утку.

Все «неудобные» для полевых испытаний виды промысловой фауны Сибири из-за их отсутствия в охотугодьях под Ленинградом, Москвой, Свердловском и Казанью, городскими любителями лайки оставались невостребованными, приводя её спортивные отродья к узкой специализации для охоты на белку и утку, а ещё вскоре и к травле «цепного» медвежонка (189).

Однако укрупнённые псевдопороды, созданные в одночасье, но с расчётом на промысловых охотников без учёта их интересов, были обречены стать лишь достоянием городских «охотников воскресного дня», как их называл известный кинолог В.Г. Гусев.

В угоду им, приобщавшимся к «спортивной» охоте ради получения их лайкой дипломов по белке и утке, да начавших

состязаться с той же целью и в травле «цепного» медвежонка, были разработаны единые правила полевых испытаний всех псевдопород охотничьей лайки, независимо от их «этногеографических» названий, размеров и окрасов.

Надуманность пороодообразующего значения окрасов в разделении охотничьей лайки на «этногеографические» псевдопороды, а фактически на те же отродья, которые иначе не различались, свели на нет благу цель их «укрупнения».

Волонтаризм в собаководстве, процветавший, с подачи Т.Д. Лысенко, во всех отраслях биологии, нанёс урон и важнейшей промысловой породе, обернувшись с «разработками» у неё так называемых этногеографических стандартов, истреблением так называемых «лайкоидов», ставших, вдруг ими на своей родине из-за «одиозно нестандартных» окрасов.

Неоправданные издержки не только в кинологических центрах, но и на местах пушного промысла, несмотря на то что в середине 50-х годов дикая пушнина для страны была важнейшим источником валюты, сошли ВНИИО с рук, где работал ЭИШ, благодаря его демагогическим выступлениям на собраниях института с позиций «марксистско-ленинской самокритики» писал в своей книге «Звери и люди» известный учёный-охотовед С.А. Корытин (Вятка, 2002. С. 101).

1.2. Половой диморфизм

Отсутствие полового диморфизма у динго, олицетворяющего норму вида *Canis familiaris*, повторяется и у ездовой лайки, что побудило ЭИШ, лучше знавшего эту породу, пренебречь данным признаком и у охотничье-промысловой лайки, отразив это в своих «географических стандартах». Но у промысловой лайки, с её универсальным применением на границах с пастушьим и ездовым использованием полового диморфизм выражен особенно резко.

Эталоном чёткой стабильности этого признака у заводских пород служит лишь фокстерьер. Верхние пределы высоты в холке кобелей 41 см, сук 39 см, с различием в 2 см, т.е. 5% от предельного роста кобеля, в данной породе стойко наследуется.

Но те же 2 см, утверждённые охотничье-промысловой лайке, у которой высота кобелей на её исторической родине была около 60 см, а половой диморфизм достигал, как минимум, 5 см., состав-

ляя уже 7% от предельного роста кобеля, стал в разработке географических стандартов промысловой лайки вершиной формализма и безответственной профанации, ибо половой диморфизм у неё был занижен, по меньшей мере в 2 раза (45).

Но, возглавляя в Москве все экспертные комиссии, ЭИШ, волевым порядком исключал из разведения сук, оказавшихся на 2 см, ниже надуманного им предела, чему следовали на местах и его приверженцы. Крупные же суки, не уступавшие по таким «стандартам» в росте кобелям, давали сыновей выше надуманных пределов уже на 3 см и более, ибо они наследовали половой диморфизм, достигавший у промысловой лайки 7%.

Если в кинологических центрах это было лишь основанием для исключения лаек из племенного разведения, то на местах промысла эксперты из числа ретивых охотников, проводя выводы и следуя указаниям ЭИШ, исключали из породы промысловой лайки и крупных кобелей, обрекая их, как «лайкоидов», на «узаконенные» отстрелы «охотниками» за собачьей пушниной и добротами «санитарно-профилактических мероприятий» Ветнадзора и коммунальных служб.

Отчёты охотустроительных экспедиций Главохоты РСФСР, которые из-за ликвидации в ней её Кинологического совета некому было рецензировать, свидетельствовали о не критичном применении «географических стандартов» ЭИШ в промысловых регионах, исключавших на местах из генофонда промысловой лайки как «мелких» сук, так и «сверхкрупных» кобелей, невзирая на их рабочие качества, что было лишь на радость заготовителям собачьей пушнины.

Отчёты о выводах промысловых лаек, проводившихся разными экспертами, пестрели в оценках одних и тех же собак расхождением от «очень хорошо» до «удовлетворительно», ибо так называемые эксперты опирались на стандарты автора, столь же некомпетентного, как и они сами (27).

Профанация со стандартами промысловой лайки, протраченная под шум борьбы с «формальной генетикой», развязанной ВАСХНИЛ в августе 1948 г. и «иностраницей» в названиях пород собак, позволили ЭИШ, вершившему судьбу охотничьей лайки в стране выдать во ВНИИО свою вульгарную эклектику за «достижение кинологической мысли», требовавшей безотлагательного внедрения, заключавшегося в отстреле лаек, не вписывавшихся окрасом или ростом в его «этногеографические стандарты».

Такие лайки, относимые к «лайкоидам», на местах подлежали отстрелу, но, к счастью, исполнявшемуся пунктуально лишь командированными в охотпромхозы для оказания им «практической» помощи «ретивыми» охотоведами.

Но «маховик», раскрученный академиком Лысенко в биологии, несколько лет ещё продолжали разгонять его «припешники» и в служебном собаководстве.

Так появилось предписание школы МО «Красная звезда», клубам ДОСААФ при разведении немецкой овчарки и других многоплодных пород оставлять под сукой не более шести (!) щенков, приведшее к тому, что рост этих пород быстро вышел за верхние пределы их стандартов. Причина заключалась в том, что хотя у сук четырёх пар сосков хватает и восьми щенкам, но при отбраковках «лишних» рекомендовалось оставлять лишь крупных, что характерно для «всех времён и народов», кого влечёт мечта, таким отбором щенков вывести породу ростом со льва.

Именно такие породы, известные из античных фресок, были нужны и для охраны стратегических объектов начальнику школы и питомника МО «Красная звезда» генерал-майору Григорию Пантелеймоновичу Медведеву, имевшему большие заслуги в применении служебных собак в войнах с Японией, и на фронтах Великой Отечественной.

По этой директиве щенков стали отбирать как племенных поросят, по весу при рождении и суточным привесам. Если энергия роста мелких щенков, догоняющих средних, показатель явно позитивный, то максимальный вес новорожденных, не соответствующий норме вида, явный пережлёт. Нет нужды доказывать, что крупные щенки осложняют роды, хотя они меньше подвержены риску быть раздавленными, оказавшись у своей тяжеловесной матери за спиной.

Если же крупный щенок обладает и высокой энергией роста, то он, как и поросёнок, обгонит по этому показателю своих средних сверстников.

Очень скоро из таких переростков военно-полицейского отродья Немецкой овчарки и была утверждена новая «псевдопорода», «Восточноевропейская овчарка» (ВЕО), не уступавшая размерами молоссам. Её щенок при рождении втрое превышал вес щенка самого крупного подвида волка, сопоставимого с ней размерами. Чучело кобеля ВЕО тех лет по кличке «Уран», соответствующей его весу (владельца П.П. Смолина), был на экспози-

ции в Дарвиновском музее, где работал Пётр Петрович, и должен храниться в его запасниках.

Высокая оплата корма, состоявшего из ячневого кулеша, сваренного на бульоне из мясных субпродуктов, стала «позитивным» отличием ВЕО от коренного военно-полицейского отродья Немецкой овчарки, что «по-своему» оценили у нас в регионах, сопредельных с Китаем, где бытует и его кухня, с сарказмом отмечал начальник отдела СРС ГУУР МВД СССР 70-х годов Сергей Семёнович Подушкин.

Поскольку особи, выходящие размерами и массой тела за пределы нормы вида, страдающие и гормональными сдвигами, вызывающими у тучных собак развитие грубой конституции, а у мелких недоразвитие, то выбраковывать следовало бы оба отклонения. Но приверженцев длинношёрстных молоссов, оставляющих наиболее крупный приплод, также заботит желание вырастить из щенка подобие медведя. В тот момент им ещё невдомёк, что сходство с медведем у взрослой собаки будет карикатурным. Поэтому столь ранняя отбраковка даёт меньше, чем от неё ожидают, и чтобы не ошибиться, лучше до полугода (до окончания роста собаки) её не делать, тогда «отбраковкой» станет исключение из разведения явно непригодных псов, хотя и издержки на их выращивании остаются.

Такой же отбор, проводившийся в зверосовхозах для увеличения площади шкурки пушных зверей, привёл к рождению у чёрно-серебристых лис (*Vulpes vulpes*) лисят с висячими ушами. Хотя вислоухие лисы во взрослом состоянии встречались редко, но как и ВЕО тех лет они отличались такой же грубой и рыхлой конституцией.

Однако нашлись авторы, поспешившие отнести висячие уши и завёрнутый вверх хвост у отдельных особей чёрно-серебристых лис в свои «научные достижения» по domestикации поведения совхозных лисиц, ставших по этой причине «похожими» на домашнюю собаку.

Если манера держать хвост кольцом вверх, бесспорно, связана с поведением, то аномалия с висячими ушами была и в зверосовхозах, где domestикацией поведения зверей не занимались, а вели отбор исключительно на увеличение размера шкурки, но неизбежно и веса, достигавшего у самцов 7 кг и выше вместо 5 в норме.

1.3. Формат

Индекс растянутости, представляющий отношение косой длины туловища к высоте в холке, выраженный в процентах, варьирует у естественных пород в пределах 100–110%. Отступление от этих пределов в сторону уменьшения за счёт увеличенной длины конечностей затрудняет животным крутые подъемы и спуски. Небольшое превышение индекса при укороченных конечностях отражается на способности прыгать, а при резком превышении снижает скорость бега, что в ряде коротконогих пород культивируется с незапамятных времён.

Преобладание в западноевропейских странах спортивной охоты с интенсивным дичеразведением потребовало для повышения культуры этого досуга использовать собак в поиске подранков. Но чтобы те попутно не ловили молодняк охотничьей фауны, сводя всю культуру охоты на нет, потребовалось ограничить собаке скорость бега. Так появился спрос на коротконогих гончих и спаниелей.

Ещё раньше с теми же целями, для защиты молодняка домашних копытных, были созданы породы низкорослых овчарок и, в частности, коротконогая оленегонная лайка «яндю».

Пастухи Таймырского НО, имея длинношёрстных оленегонных лаек с нормальной длиной конечностей и коротконогих «яндю» с нормальной псовиной, разводят тех и других как одну породу, производя нормальношёрстных метисов, похожих на охотничьих лаек, за которых их и принимают малоопытные любители, привозя в кинологические центры для разведения в псевдопороде РЕЛ, на которую они похожи черно-пегим окрасом. Но поскольку присутствующая в них оленегонная лайка длинношёрстна, то и выщепление полудлинношёрстных, щенков в РЕЛ не редкость. Такими, частично-длинношёрстными были чемпион РЕЛ «Путик» ВНИИО и, особенно, чемпион РЕЛ «Кутик» Леонова.

Но коротконогость яндю, сохраняясь в «рецессиве» у выведенного из мелких оленегонных лаек белого японского шпица, «выщепляется» при его скрещивании с таймырским отродьем оленегонной лайки нормального, как и он, формата.

Совершенно невероятно, чтобы в природе могли выжить коротконогие волки, но шакалы могут, ибо укрытием от врагов им служат заросли колючих кустарников, а всеядность с подбиранием плодов и объедков за крупными хищниками и не требует от

них заметной паратости, поэтому на Кавказе встречаются шакалы и с короткими конечностями.

В Московском зоопарке в конце 40-х годов при близкородственном размножении европейского подвида шакала (*Canis aureus moreoticus*) колхидской популяции рождались и коротконогие щенки.

Происхождение этого признака присуще всем домашним видам, но у домашней собаки, возможно, уходит корнями к её шакальему предку.

С акклиматизацией на Кавказе енотовидной собаки (*Nyctereutes procyonoides*) коротконогих шакалов охотники стали принимать за их гибридов, которых на самом деле не может быть из-за слишком отдалённого родства этих видов.

Когда в питомнике ВНИИ МВД СССР одна самка из полукровных шакало-псовых гибридов F-з, напоминала в возрасте трёх месяцев енотовидную собаку, то за схожесть с этим зверем получила кличку «Ника», «взяв» первый слог из латинского названия его рода (*Nyctereutes*). Скрещенная с белым японским шпицем по кличке «Чижик» она дала потомка исключительно удачных экстерьера и рабочих качеств, но чёрного окраса, получившего кличку «Пыжик».

2. Голова

В форме головы у собаки сосредоточены породные признаки, но в основном они касаются лишь мягких покровов и почти не затрагивают костей, исключая борзых и пород, череп которых отличает брахицефалия: бульдоги, пекинес, мопс, боксёр и др.

Попытки классифицировать псевдопороды охотничьей лайки по форме головы оказались несостоятельными.

Промеры черепов лайки, проводившиеся С.Н. Боголюбским (13), и голов элитных представителей заводских отродий, двух географических псевдопород, проведенные автором этих строк, не выявили особенностей, приписываемых им в стандартах, и казавшихся ЭИШ «очевидными».

Обычные в таких визуальных описаниях заблуждения вызваны оброслостью головы, разной у так называемых западно-

сибирской лайки и русско-европейской (РЕЛ), эталонами которых служили «чемпионы» этих псевдопород: чемпиона «Путика ВНИО», в ком присутствовал признак длинношёрстной оленегонной лайки, и его полубрата по матери «Панды», чемпиона «Аяна», но уже так называемой «западно-сибирской лайки», с нормальной псовиной, с которых ЭИШ «писал» свои географические стандарты.

Признаки оленегонных пород лайки, коротконогости яндо, рецессивный, и плейотропный длинношёрстности дают в скрещивании носителей этих признаков лаек нормального формата, но с удлинённой псовиной и на голове, из-за чего голова чемпиона РЕЛ «Путика», с кого писался стандарт этой псевдопороды, казалась их автору шире, чем у западно-сибирского отродья.

Но порочность стандарта «РЕЛ» проистекает и из-за принятия за эталон инфантильно укороченного у «Путика» щипца.

В связи с этим, голову динго, не обременённого отклонениями от нормы вида, остаётся признать эталоном для собак средней величины в целом, как бы не казалось такое утверждение навязчивой идеей автора этих строк.

Голова волка также эталон нормы, но для немецкой овчарки и крупных лаек, несущих его генетический материал больше других пород и отродий, как и мелким породам, нормой может служить голова шакала, у кого череп схож с черепом марийской лайки и фокстерьера, хотя по морфологии волос фокстерьер стоит ближе к волку, нежели, например, английский сеттер (13).

Если для понимания назначения спринтерских форм во всех статьях борзых достаточно раз увидеть этих собак, добывающих зверя, как правило, на виду у охотников, то у гончей особенности тех же статей, обеспечивающих ей функции стайера, становятся понятными лишь при знакомстве с её работой, скрытой за кулисами леса.

Гончие (выжлы) не предназначены ловить, как кажется современной публике, путающей их с борзыми, хотя это им и не возбраняется. Гончая с лаем гоняет зверя, уходящего своими лазами и тропами сквозь чащу леса, непроходимую для борзых, пускаемых на зверя лишь «выжатого» стаей гончих из крепких зарослей в поля и перелески.

Экстраполируя по их лаю направление гона и зная дистанцию отставания гончих от зверя, охотник и без борзых находит

места, удобные для обзора, затаиваясь в них за считанные секунды до «проскока» зайца. Или он остаётся там, ожидая повторного прохода зверя «на его кругах» вблизи этих мест, что и позволяет ему уходить так называемыми кругами не от слишком паратых гончих.

Вот почему работу гончих можно «перевидеть» лишь на считанные секунды, на «кругах» зверя. Если же паратым гончим удаётся самим добыть, «сжечь», по выражению гончатников, своего зайца, загнанного насмерть, то и сами гончие испытывают тепловые перегрузки.

Температурный гомеостаз необходим прежде всего головному мозгу гончей, хотя о потребности охлаждения и всего тела свидетельствуют моменты, наблюдаемые на полевых испытаниях гончих, проводимых поздней осенью, когда, встретив во время продолжительного гона лужу, покрытую тонким льдом, они ложатся на него брюхом и, продавив его, лежат несколько секунд в ледяной воде, а затем, с жадностью налакавшись, продолжают прерванный гон.

Экстерьер русских гончих, долгое время отбирившихся исключительно по их рабочим качествам, носит наиболее функциональный характер. Изменения мягких частей головы, направленные на увеличение поверхности кожи, отводящей от головного мозга опасное для него лишнее тепло, вырабатываемое длительной мышечной нагрузкой, образуют у гончих складчатость, подобную радиатору охлаждения.

Увеличение умеренной площади ушных раковин, с развитием в них и дополнительных кровеносных сосудов привели их к утяжелению и повисанию, а губы, с той же целью, разрослись в так называемыми брыли.

У собаки охлаждение тела в значительной степени происходит и через испарение воды с высунутого языка, обильно смачиваемого слюной, поэтому и он достигает у гончих внушительных размеров.

За час работы при плюсовой температуре уши становятся у гончей мокрыми от слюны, стекающей с языка и «брылей», сбрасываемой встречным потоком воздуха. Слюна пеной покрывает шею и часть корпуса гончей, имеющей так же за счёт кожных складок «резервную поверхность», по выражению любителя и знатока русской гончей проф. П.А. Мантейфеля, одного из основоположников отечественного охотоведения.

Аналогичные формы, выполняющие функции охлаждения, характерны и легавым, коим приходится скакать по лугам и болотам при более высокой температуре, нежели гончим, ибо охотятся с легавыми на птиц летом.

Все эти морфологические приспособительные признаки несвойственны ни борзым, ни родичам домашней собаки, тратящим на добычу своих «трофеев» секунды, максимум, минуты, хотя есть наблюдения, когда зимой одиночные волки могут преследовать подранков оленей десятки километров.

Ушные раковины у щенков динго, сотни веков обитающего в жаркой Австралии, как и у щенков близкой к нему собаки аборигенов Новой Гвинеи, проходят в своём развитии стадию висячей формы, что возможно говорит об использовании собаки в качестве гончей уже в глубокой древности, хотя нет гарантии, что этот признак не был занесён в геном динго гибридизацией с собаками колонистов. (Фото щенка динго).

Существует маловероятное предположение, что и гиеновая собака (*Likaon piktos*) также могла быть в какой-то период древней африканской цивилизации домашней борзой и гончей, с чем также согласуется у щенков этой собаки стадия висячих ушей (Фото щенка гиеновой собаки).

Высоким тепловым нагрузкам подвержены и применяемые для охоты на норных зверей мелкие терьеры. Но эти породы, не имея больших ушных раковин, которые им были бы помехой в схватках со зверем, компенсируют недостаток охлаждаемой поверхности, большими для таких мелких собак языком и пастью. В то же время и языку этих собак угрожают хватки зверя. Поэтому он у них не свисает, как у овчарок, легавых и гончих, а пребывает в постоянном напряжении и движении. Используемые в той же охоте таксы обладают более длинными ушными пластинами, но им, в отличие от терьеров, не свойственны схватки со зверем, а характерна работа «облаиванием» вне досягаемости бросков зверя. Но уже после получасовой работы в норе, до прихода им помощи через прорываемый охотником шурф, те и другие выходят на поверхность мокрые от слюны.

Психомоторные нагрузки у псов бойцовых пород, также вызывающие в бою перегревание тела, способствовали образованию общей для собак системы охлаждения за счёт тех же увеличенных ушных раковин и развития, как у норных пород, лицевой части черепа. Вместе с тем этим породам и близким по происхо-

ждению стандарт требует усечения ушных раковин, которые им, как и нормным породам, якобы мешают в схватках с волком, хотя те им вовсе не угрожают, а драки кавказских и среднеазиатских бойцовых молоссов, называемых для пристойности «овчарками», приобретают бескровный, турнирный характер (20, 35).

Тем не менее судьба щенков этих пород печальна, ибо усечение ушных раковин, производимое им из «гуманности» под наркозом, иногда заканчивается для щенка летальным исходом. Не имея других адаптаций против перегрева в условиях средней широты с повышенной влажностью воздуха, эти псы, как правило, малоподвижны, проводя большую часть времени во сне, что, однако, не относится к их щенкам. (81).

Ещё печальнее участь пород, чьим признаком служит брахицефалия (бульдог, мопс, боксёр и др.) (196). Пасть брахицефалов не вмещает язык необходимой величины для эффективного участия в теплообмене, а ушные раковины у крайне выраженного брахицефала породы немецкий боксёр продолжают усекать, несмотря на исключение этой экзекуции из его стандарта.

Этих псов, постоянно пребывающих в нервно-мышечном напряжении, не спасают в летний зной, ни короткая шерсть с голыми участками брюха, ни чрезмерное развитие брылей, ни интенсивное слюнотечение (саливация). Летом на выставках им приспособливают специальные шапочки и смачивают голову водой, тем не менее при повышенной влажности воздуха они страдают от тепловых ударов уже при температуре, не превышающей +30°C.

Породы, не испытывающие во время работы чрезмерного физического напряжения с выработкой избыточного тепла, «ограничились» и умеренным развитием «радиаторов охлаждения». Таковы совмещающие функции борзых и гончих, тазы и тайганы. Но по рабочим нагрузкам их опережает ВЕО, обладая большими ушными раковинами, сохранившими благодаря строгому отбору стоячую форму. Этим псам, около часа бегущим на испытаниях по следу «фигуранта-нарушителя», требуется как ездовым лайкам буксировать» на поводке и своего жоатаго, а затем вступать в схватку с «фигурантом». Известны случаи гибели военно-полицейских отродий Немецкой овчарки на дистанции испытания от перегревания.

При такой психомоторной нагрузке возможность отдачи лишнего тепла через ушные раковины имеет для ВЕО немало-

важное значение, и подгонять их размеры под стандарт коренного отродья Немецкой овчарки нет оснований.

А у той не обошлось без другой крайности, закрепившей за ней облик собаки с небольшими ушами, но зато с постоянно высунутым языком. Если ещё недавно для того, чтобы сделать фотоснимок головы Немецкой овчарки с высунутым языком, по которому и узнают портрет собаки этой породы, требовалось вызывать пробежкой одышку, то теперь большинству из них этого не требуется. Уже десятки лет производителей Немецкой овчарки отбирают с «выставочной одышкой», вызываемой их постоянным пребыванием в нервно-мышечном напряжении.

Для снятия у Немецкой овчарки одышки требуется температура воздуха не выше +15°C, что в 1,5–2 раза ниже, чем это необходимо собакам других пород.

В бывшей ГДР чувствительность их овчарки к температуре воздуха выше +20°C. создавала летом проблему с использованием её в качестве лабораторной собаки-детектора запаха, требовавшей переноса работы с ней на ночные часы.

В армии США собак этой породы, применяемых в странах жаркого климата, облачают в жилеты с сухим льдом уже при температуре выше +30°C.

Но ушные раковины, наряду с локацией источников звука и отводом лишнего тепла, участвуют в передаче мимических сигналов. Обладая подвижностью, они, как правило, никогда и ни у кого из диких псовых не повисают, в том числе и у видов, обладающих самыми большими ушными раковинами, как южные виды лисиц, африканский фенек, гривистый волк и южные подвиды койота. Все они, кроме койота, имеют и компактную морду.

Этих обитателей аридного климата эволюция приспособила к экономии воды и охлаждению головного мозга исключительно за счёт «радиаторов охлаждения».

И наоборот, обыкновенный шакал (ОШ) (*Canis aureus*), обитающая в пойменных зарослях субтропических водоёмов, где летом под пологом (тугаёв) стоит экстремальная жара и влажность, резко отличается от сородичей, обитающих в открытой степи (195).

Заросли колючих кустарников не позволяют ОШ иметь большие ушные раковины, и его эволюция выработала наиболее приемлемую для такой степи терморегуляцию – потоотделение всей поверхностью тела. А потовые железы на подушечках лап,

ОШ при перегреве настолько интенсивно выделяют пот, что лапы становятся мокрыми.

Северные ездовые лайки, работая в упряжке, в основном зимой, могут для охлаждения захватывать пастью снег, как это делают и северные олени, и «радиаторы охлаждения» им тоже не нужны. В то же время у колли, мелких терьеров и других псов, обладающих небольшими ушами, которые по стандартам их пород должны быть с висячими кончиками, в результате обратных мутаций к норме их уши постоянно стремятся «встать на хрящ». У таких пород сухой конституции остаётся один шаг до возврата ушных раковин к стоячей форме, чему препятствуют лишь их стандарты.

Подвижность ушных раковин требуется не только для локации звука, но и в целях защиты от повреждений в драках, при беге по зарослям кустарников и высокотравью, в мимических сигналах, отражающих нюансы психического состояния собаки.

У собак заводских пород пластинам ушных раковин, относительно недавно утратившим спасительную им подвижность, эволюция не успела выработать эффективной защиты. Поэтому даже у русской гончей ушные пластины умеренной величины, плотно прилегающие к скулам, во время работы все-таки оббиваются о нижние ветки деревьев, кустарник и высокую траву, приобретая по краям хронические язвы, особенно если они были травмированы в драках. (Фото травмированных ушей у русской гончей).

Но у старых пород защиту свисающих по бокам головы ушных пластин начинает определять достаточно заметная, обращённая вперёд, закруглённость.

У аборигенных пород защитой ушных пластин служит удлинённая псовина, образующая так называемую бурку, более развитую у восточных борзых, сохранившаяся и у длинношёрстных пород легавых, спаниелей и ретриверов.

Ещё недавно такая защитная «бурка» была и у отечественных английских сеттеров. Но ортодоксальные «знатоки» экстерьера нашего английского сеттера с их «эстетическим воззрением» отнесли это шёрстное образование, охватывавшее и голову собаки к «недостатку», именуемому ими «чепчиком».

Выдающийся обладатель защитного «чепчика», многократный победитель полевых состязаний конца 50-х годов «Энго», принадлежавший Завидовскому охотхозяйству ЦС ВОО, оцененный «эстетствующими» экспертами не выше «очень хорошо»

и, несмотря на непревзойденное количество полевых дипломов первой степени, из-за их «бескомпромиссного» подхода к такому «недостатку», «Энго» недостаточно использовался, как производитель.

Эстетствующие селекционеры не обошли своим «вниманием» и заводских лаек, придав их ушным раковинам заостренный вид. На исторической родине этих собак такую форму ушей не щадят арктическая зима и заросли колючей флоры. Поэтому в норме стоячие ушные раковины у всех имеют закругленный верх. Но в своём развитии ушные раковины с заостренными концами имеют и щенки ОШ, однако к шести месяцам они у них округляются. И лишь у пород, сохранивших инфантильное строение головы этого не происходит. Таким, в частности, был и родоначальник, псевдопороды РЕЛ чемпион «Путик ВНИО», происшедший, кроме промысловых и от оленегонных лаек, также сохраняющих под защитой «бурки-чепчика» («пришедшей» с Запада) инфантильное строение ушных раковин.

Гибриды от скрещивания королевского пуделя с волком и среднего пуделя с ОШ, в обоих случаях в F-1 наследуют от диких видов стоячую форму ушных раковин, но снаружи обросших удлинённой псовиной.

У последующих поколений гибридов ушные раковины могут быть с изменённой верхушкой. По этому признаку их принимаемых за чистых волков, легко распознать. У гибридов верхушки ушей могут быть и закруглены, но не с наружного края, как у чистых видов, а с внутреннего. Им характерна также уплощённая форма, с острыми концами и удлинённой псовиной на тыльной стороне и недоразвитостью щётки волос у входа в ушную раковину (32).

Примером гипертрофированного увеличения ушных раковин, разрастания брылей и кожных складок, придающих псу карикатурный вид и вызывающий сострадание, могут служить кровяные гончие, мастино, бассеты и ряд других старых охотничьих пород, давно ставших декоративными (196). Однако складчатость кожи у шар-пея не только на голове, но и по всему телу, также ставшая декоративным признаком, изначально, подобно складчатой кожи овец, могла служить у этой китайской породы для увеличения площади шкурки.

2.1. Мимика

Нюансы своего активно-оборонительного состояния волк и крупные, близкие к нему собаки демонстрируют степень сморщивания верхней губы для оскала зубов, но все мелкие (псовые) с заострённой мордой, до койота включительно, пользуются для этого лишь шириной раскрытия пасти.

Благодаря раздвоению верхней губы пёс, обнажая зубы, может одновременно каждой стороной подавать прямо противоположные сигналы, чему позавидует любой мимический актёр. Например, адресуя «улыбку» своему, находящемуся справа хендлеру, он может, не поворачивая головы, послать угрозу сопернику, оказавшемуся слева.

Но такой мимикой обладают лишь псы с не слишком заострённой мордой и губами не переразвитыми в брыли, а также не имеющие шёрстной оброслости (брудастости), что полезно учитывать при совместном содержании собак разных пород, поскольку эти различия могут оказаться причиной «недопонимания» сигналов от брудастых псов, направленных на предупреждение агрессии.

2.2. Прикус

В большинстве пород, кроме декоративных, дисквалифицирующие пороки прикуса: бульдожий («перекус») и подуздоватость («недокус»), как правило, сомнений не вызывают, но так называемый прямой или клещеобразный постоянно служит темой для дискуссий.

В начале 60-х годов в питомниках ВВОО в породе русской гончей из-за такого прикуса были исключены из воспроизводства несколько выжловков, имевших полевые дипломы первой степени. Такие высокие дипломы были крайне редки у гончих. Формальный подход с недопущением в племенной класс этих выжловков ничего, кроме ущерба, их породе не принёс. В то же время любой порочный прикус у таймырского отродья оленегонной лайки, ослабляя её хватку, представляется местным оленеводам весьма желательным, ибо таких лаек пастухи считают неспособными повредить оленю кожу, что способствует заносу некробацилл, вызывающих у оленей заболевание некробациллёзом («копыткой»).

Но от оленегонного шпица требуется работа, основанная на агрессии, когда полностью избежать покусов невозможно. Поэтому у рабочей оленегонной лайки с нормальным прикусом пастухи пассатижами выламывают клыки.

Исключить предрасположенность лайки наносить оленям повреждения требует племенной работы с породой, что неосуществимо при кочевом производстве, и в отсутствии у нас питомников оленегонных лаек представляется маловероятным.

Сколь давно у оленегонных лаек культивируются порочные прикусы можно судить по результатам их скрещивания с недавно выведенным из них белым японским шпицем. Производители, не имевшие в нескольких поколениях ни с той, ни с другой стороны каких-либо аномалий прикуса, при скрещивании дали до 20% щенков с бульдожьим прикусом и агрессивным поведением, что свидетельствует о реверсии данных рецессивных признаков от общих предков этих собак, отдалённых всего десятками поколений.

Однако бульдожий прикус, замеченный в лёгкой форме у щенков в возрасте 1–2 месяцев, к 4 месяцам может в худшем случае перейти в клещеобразный, а в лучшем, в нормальный и спешить из-за этого недостатка с ранней выбраковкой щенков нет оснований. И наоборот, даже лёгкая, «подуздчатость» у щенка к 4 месяцам только усилится, и в лучшем случае даст в нижней челюсти «лежачие» резцы, на что не каждый эксперт обратит внимание, хотя для собаки они являются несопоставимо большим недостатком, чем клещеобразный прикус.

2.3. Глаза

Существенное значение для собак имеет цвет радужины и величина глазного яблока. В норме оно не западает и не «выпячивается» из орбит и имеет коричневый цвет, разнообразный по оттенкам. Голубой же цвет радужины, культивируемый в породе хаски, свидетельствует об ослаблении конституции и недолговечности породы.

У евразийских родичей собаки цвет радужины вместе с белками совпадает с окрасом головы, а глазное яблоко не выходит за пределы надбровья орбиты и при косом разрезе век в него не западает. Данная норма была бы особенно полезной охотничьим поро-

дам, имеющим контакты со слётками и подранками птиц, которым легче попасть клювом в глаз, когда тот им отчётливо виден и слабо защищён.

Для сбережения глаз от птичьих клювов в окрасе ряда пород существуют на надбровьях круглые рыжие или светлые пятна, величиной равные глазу, так называемые ложные глаза.

Этнограф Е.А. Оборотова сообщает, что у манси, селькупов и эвенков лайки с таким окрасом ценились в качестве птицеловов, а многие сибирские народы считали, что «четырёхглазые» псы видят духов. Однако это не мешает «знатокам» лайки выражать сомнение в исконности у неё такого окраса, полагая его занесённым из других пород.

Возможно, происхождение ложных глаз уходит к тому далёкому времени, когда у всех псовых рода *Canis* глаза были коричневыми, а не как теперь в тон окрасу шерстного покрова, о чём говорит рецессивное наследование светлого окраса глаз у гибридов собаки с ОШ и обыкновенным волком (ОВ).

Коричневый цвет глаз собаки доминирует, по-видимому, над более поздним образованием в эволюции ОШ и ОВ. А возврат у псовых гибридов к коричневой радужине глаз указывает на реверсию к далёким предкам, что может служить также подтверждением полифилитического происхождения вида домашней собаки.

Глаза русской псовой борзой в её старых стандартах сравнивали с глазами вальдшнепа, которые должны быть крупными, но не выпученными, дающими широкий панорамный обзор, что целесообразно и пастушьим породам.

Однако у колли, голова которой слегка напоминает голову борзой, глаза на удивление мелкие и часто даже запавшие.

В описании глаз у всей группы лаек стандарты традиционно указывают на косо́й разрез век или на «косо поставленные глаза», как на признак всех её пород. Но это требование выполнимо лишь при плавном переходе линии лба к щипцу, и несовместимо в тех породах, у которых культивируются укороченные морды и инфантильно выпуклый «лобик», требуемый стандартами финского шпица с его отродьем так называемых карело-финской лайкой и у русско-европейской лайки (РЕЛ).

Резкий перепад от лобной части к морде «выпрямляет» у пса линию век, что противоречит требованию их «косого» разреза.

Хотя не все эксперты снижают экстерьерные оценки из-за отсутствия у так называемых русско-европейской и карело-

финской псевдопород и отродий спортивно-охотничьих лаек укороченного щипца и выпуклого лба, но те, кто некритично следуют букве надуманных стандартов, ускоряют переход этих лаек в разряд комнатно-декоративных пород.

3. Конечности

Для многих европейских пород собак на протяжении последних столетий, наряду со статуями льва и медведя, образцами служили статуи коня. Требование отставленных задних конечностей, как у охотничьей лошади породы Гюнтера коротких пальцев и прямой пясти, фигурировало даже в английском стандарте фокстерьера, что на судейском столе выглядит у собачки достаточно «эффектно». Но такой постав задних конечностей граничит с их косолапостью, во что он легко переходит. Прямая пясть, как и слабо выраженные углы локтевого, локтезапястного и скакательного суставов, не прибавляя терьеру маневренности и быстроты передвижения по норе, ловкости в схватках со зверем, с которым он справляется лишь благодаря весовому превосходству.

Формируя «конеподобным» породам «лапы в комке», «уко-рачивая» для этого их пальцы, «знатоки» и «породотворцы» «конеподобных» пород не учли, что переносить на пальцестоподходящих хищников, к коим принадлежит собака, строение конечностей пальцеходящих копытных, не нарушая их рессорных функций, не представляется возможным.

Как такое строение конечностей проигрывает нормальному строению в работе гончих в наших лесах свидетельствуют две близкие породы, имеющие указанные различия в строении конечностей.

У англо-русской гончей конечности имеют указанные изменения, полученные от западноевропейских пород, а русская гончая ещё сохраняет их естественное строение.

Осмотр лап у тех и других на полевых испытаниях показывает, что англо-русские после двухчасовой работы в нашем лесу сбивают лапы в кровь, тогда как русские в тех же угодьях их вовсе не травмируют. (Фото: осмотр лап у англо-русской гончей).

Площадь опоры лап влияет и на качество передвижения собаки по мягкому снеговому покрову.

У таёжного ОВ давление на квадратный сантиметр площади опоры составляет около 90 гр. У лисы оно не превышает 50 гр., что позволяет ей по глубокому снегу уходить от волка (177). Собаку же ОВ по глубокому снегу легко догоняет, ибо у неё давление превышает 100 гр. на кв. см, что сближает её с ОШ, у которого давление более 130 г, и северная граница его ареала по этой причине не поднимается за черту, где возможен глубокий снеговой покров. В связи этим вмешательство селекционеров в формирование конечностей у лайки, работающей по глубокому снегу, может быть полезным, отмечает учёный охотовед, доктор биологических наук С.А. Корытин, тем более что среди мелких (оленегонных) лаек встречаются пробанды для селекции в этом направлении.

Давление у собаки на площадь опоры её лап можно вычислить по формуле: $D = F/S$, где D , давление в гм, на см. в кв., F – вес тела в гм. S – удвоенная площадь опоры лап в кв. см, определяемая суммой площадей четырёх трапеций: $2(a_1h_1 + b_1d_1 + a_2h_2 + b_2d_2)$, описанных вокруг отпечатков передней и задней лапы (см. рис.).

У русской борзой конечности с так называемой русачьей лапой обладают наилучшей амортизационной защитой от повреждений, нежели лапы «в комке» у так называемых коне-подобных пород. Однако собакам спасателей, работающим в руинах, было бы не лишним «получить» и «железные» лапы со «стальными» когтями койота.

Широкие «мясистые» лапы лабрадоров и других массивных пород, пригодных для работы лишь на болотистом грунте, но используемых спасателями и в руинах, требуют для защиты лап от колюще-режущих предметов специальной обуви, имеющей существенный недостаток, лишая лапы собак необходимой тактильной чувствительности, которая и обеспечивает им в руинах естественную защиту от стекла, проволоки, арматуры и пр.

Полидактилию – уродство в строении лап, противоположное лапам «в комке», создают «прибылые пальцы» на задних и передних конечностях, характерный для таймырского отродья оленегонной лайки. Такие лапы реже встречаются у охотничьих лаек и, по понятным причинам, отсутствуют у ездовых. Оленеводы Таймырского Н.О. культивируют у своих оленегонных лаек прибылые пальцы в качестве «вериг», наряду с коротконогостью

(«яндю»), замедляющих им бег при подгонах важенок с телятами.

Полидактилия распространена у всех аборигенных отродий оленегонных лаек, создавая им и свои преференции для выживания, ибо кобелей с прибылыми пальцами оставляют в стороне от промыслового и ездового использования и, как следствие, не кастрируют.

Из диких псовых прибылой палец на задней конечности автор этих строк видел только у северного подвида красного волка (*Canis alpinus*), рождённого в Московском зоопарке в конце 50-х годов. У красных волков этот порок отмечают и другие авторы.

4. Шёрстный покров (псовина), окрасы

Шёрстный покров в породах собаки всё больше утрачивает своё естественное предназначение, защищать кожу от повреждений, а тело от потери тепла или от перегрева инсоляцией.

По разнообразию декоративных изменений шёрстного покрова собака, среди домашних животных, к сожалению, занимает одно из первых мест, хотя нормальное состояние псовины служит показателем её здоровья.

С самого начала участием домашней собаки, «выводившей *Ното сариенс* в люди», было её мясошкурковое назначение, сохранившееся в Китае и в сопредельных с ним странах. Выделанный собачий мех конкурирует с дикой пушниной, перечень которой невелик, а её добыча сокращается.

Скорняки России, издавна занимавшиеся выделкой собачьего меха, промысел этот продолжают. Государственная монополия никак не отразилась на заготовках и кустарной обработке собачьей пушнины.

«Собачники» «ветсанэпиднадзора» ловят оказавшихся «под рукой» доверчивых щенков, а «живодёры» охотятся на псов с приглянувшейся им псовиной.

Однако облик больных собак с шерстью, свалывшейся в колтуны, или вымазавшихся экскрементами, в которых валяются все псовые, останавливают скорняков от посягательств на их жизнь. Это же происходит в настоящее время и с песцом (*Alopex lagopus*),

когда тот, до созревания меха основательно вымажется жиром павшего морского зверя, в туше которого, после его «вскрытия» белым медведем, песцы и лайки «выедают норы». Таких песцов, попадающих ранней осенью в живоловушки для передержек до созревания шкурки, охотники выпускают из-за безнадежно испорченного меха, что весьма рационально, ибо к будущему сезону эти песцы, не найдя чем испортить свой мех, будут добыты, но до этого они ещё успеют и размножиться.

Поскольку зимняя одежда северных аборигенов традиционно требует оторочки мехом лайки, а производственная одежда полярников шьётся из лаечных шкур, не прекращающийся отрицательный отбор лайки по качеству шерстного покрова и лояльности к человеку делит её генофонд на две части.

Одна представляет лаек лояльных человеку, но с наследственно-изменённой псовиной до полной утраты товарной ценности. Другая, с нормальным и нередко даже превосходным шерстным покровом, за счёт его спорадического улучшения самопроизвольной гибридизацией с волком, крайне антропофобна.

Отрицательная зависимость между приручаемостью и качеством шерстного покрова, наблюдаемая и у чёрно-серебристых лис, разводимых на зверофермах, стала непреодолимым препятствием для работы академика Д.К. Беляева и его сотрудников, пытавшихся вывести породу чёрно-серебристых лисиц, обладающих в достаточной степени тем и другим (10). И наоборот, шерсть в колтунах, свойлачивающаяся в так называемую бороду Самсона, чаще встречающаяся у песцов, прямо коррелирует со слабой возбудимостью и отсутствием агрессивности, что имеет место быть и у лайки.

Лояльные к человеку лайки, уступая антропофобным качеством псовины, в отсутствие к ним скорняжного интереса, имеют больше шансов выжить, хотя против их истребления «ветсанэпиднадзором» такая адаптация им только вредит.

Псовину, малопригодную скорняжным целям по окрасам контролируют, как правило, рецессивные гены, определяющие её пегость (частичное выпадение пигментации), (полный альбинизма у собак практически не встречается, чаще присутствуют её ослабление (альбиноидность), а также хромизм, меланизм, и другие аномалии окраса, ухудшающие товарное качество пушнины отсутствием его однородных партий.

Но всё это не так влияют на заготовительные цены собачьей пушнины, как нарушенная линька и структура псовины, длина её волос, их изреженность, густота, свойлачиваемость. Лаек с такими изъянами псовины промысловики не отстреливают, осуществляя «классический» бессознательный отрицательный отбор.

Скрещивание гладкошёрстно-короткошёрстных псов с нормально-шёрстными лайками даёт промежуточный тип наследования этих признаков, гетерозиготное потомство которых по этим признакам при разведении «в себе» расщепляется на исходные типы.

Утраты домашней собакой естественного окраса и структуры шёрстного покрова начались в глубокой древности, а в местах, где процветает промысел собачьей пушнины, негативный отбор сохранился и до наших дней (62).

Укороченная псовина со слабовыраженным подшёрстком аборигенных пород Африки и Ближнего Востока, культивируемая и в ряде заводских пород, Европы и Америки при скрещивании с нормально-шёрстными породами доминирует у метисов F-1.

Изреженность, всклокоченность и посветление окраса псовины (и носового зеркала при голубой радужине глаз), указывают на ослабление конституции пса.

Оздоровление псовины целенаправленной селекцией началось с заводским разведением собаки, закрепившим в качестве формальных признаков её пород всё накопленное разнообразие, их окрасов и структур шёрстного покрова кроме его свойлачиваемости.

Так, благодаря «облагороженной» псовине «Самоед» стал самой красивой собакой мира, а так называемые Хаски, популярнейшей из декоративных пород (47).

У спортивных же отродий охотничье-промысловой лайки менее чем за 50 лет их заводского разведения «облагораживание» псовины привело к изменению её сезонной линьки с точностью наоборот. Экстерьер этих лаек оценивают на выставках и выводках, проводимых в охотничье межсезонье, т.е. в первой половине лета, когда на их исторической родине у всех происходит замена зимней псовины на летнюю. Но судьи-эксперты всех времён и народов отдают предпочтение собакам не в летней «неприглядной» псовине, что было бы правильным для отечественных пород, а псам только что одевшимся в зимнюю «шубу». Смещение линьки с лета на зиму у спортивных лаек поддерживает их отбор

и на летне-осенних полевых испытаниях перед открытием осенней охоты на утку. В это время лайка в зимней «шубе» охотнее идёт в воду для охлаждения тела, и её кожа лучше защищена плотной зимней псовиной от повреждений прибрежными зарослями (см. фото лайки в летней псовине).

Довершают смещение летней линьки на осенне-зимний период и испытания спортивных отродий охотничьей лайки по белке, проводимые ранней зимой.

За два часа, отводимых правилами на полевых испытаниях, лайке требуется показать широкий и глубокий поиск с обнаружением двух зверьков в небогатых белками угодьях, что позволяет ей это успешно сделать лишь быстрый аллюр. Естественно, что в такой ситуации лайка, уже обросшая зимней псовиной, будет проигрывать в подвижности, лайке, пребывающей в «разлиньке» (летней псовине), не страдающей от перегревания.

Диплом, полученный за два часа работы, открывает лайке путь в племенной класс и к продолжению своего рода. После испытаний она со своим хозяином возвратится в теплую городскую квартиру. По выражению известного кинолога В.Г. Гусева, таким породам «воскресного дня» не требуется в сезон промысловой охоты, днём искать пушного зверя при 40-градусном морозе, а ночью, при температуре ниже -50°C ., спать у зимовья на снегу.

Если первый чемпион так называемой псевдопороды «РЕЛ» «Путик ВНИО» имел зимой несколько «перегруженную» псовину, то уже через 2–3 поколения его потомок, чемпион той же РЕЛ «Кутик» Леонова, уже «щеголял» явно «перегруженной» «зимней шубой» в самый разгар летней жары. Зимой же облик «плохо одетой» охотничье-спортивной лайки её городской хозяйин, любитель-обыватель, объяснит, не задумываясь, данный казус лишь «условиями её комнатного содержания», а не перерождением промысловой лайки в её спортивно-охотничье отроде, принимая (по простоте душевной) этот зоотехнический термин за оскорбление.

Но используя отродья спортивных лаек в «восстановлении и улучшении» их промысловых отродий, в чём видят свою миссию «лаечники» кинологических центров, им не надо забывать, что их спортивное отродье попадёт в места, где с ноября по март температура может мало отличаться от той, что держится на полюсах холода в полярную ночь (47) и «улучшатель» по основным пара-

метрам будет уступать промысловому отродью не только по рабочим качествам.

Меньше других заводских отродий лайки линька претерпела изменения у псевдопороды так называемой восточносибирской лайки, не утратившей генетической связи с промысловым отродьем, спорадически «подпитываемым» генетическим материалом ОВ (30).

Прилитие «волчьей крови» в F1 гибридов улучшает шерстный покров любых пород, не претерпевших по этому признаку, подобно пуделю или пойнтеру крайне глубоких доместикационных изменений.

Дарвин приводит пример, когда один псовый гибрид ОВ, оказавшийся в одном из графств Англии, «преобразил на свой лад» всю популяцию местных собак (38). Аналогично псовину улучшает и скрещивание собаки с ОШ. (Рис.)

Наряду с укорочением псовины заводские породы утрачивают подшерсток, сезонность и топографию линьки, которая приобретает диффузный характер.

4.1. Длинношерстность и «нормальношерстность»

Если бы пушники захотели получить и собаки мех, сопоставимый по красоте и прочности с лучшими образцами, получаемыми от голубых песцов, огнёвок, чёрно-серебристых лисиц, сиводушек, то гибриды, полученные от скрещивания оленегонной лайки с евразийскими подвидами ОШ из северных окраин его ареала дают такую возможность (см. рис.). А если шакалопсовым бастардам (ШПБ) уделить столько же внимания, что и разводимым песцам и лисам, то равных бастардам среди тех бы не нашлось. К сожалению, у аборигенной лайки происходит обратный отбор, где экземпляры, лучшие по качеству псовины, изымаются из популяций, а на первое место по выживаемости выходят лайки с псовиной, непригодной скорняжным целям.

Длинношерстности, как правило, сопутствует слабая дифференцированность волос, напоминая однородный шерстный покров, не сохранивший подшерстка на трупах мамонта, шерстистого носорога, древнего овцебыка.

В семействе псовых подобной псовиной отличаются южные подвиды красных волков рода *Canis*.

Свойственная аборигенным шпицам длинношёрстность, в их естественных условиях подвержена свойлачиванию и обмерзанию, и поэтому не культивируется у охотничье-промысловой и ездовой лаек, но к отродью канадских Маламутов заводского разведения это уже не относится.

По стандартам декоративным шпицам, независимо от их происхождения и названия, положено иметь псовину, состоящую из длинных и густых остевых волос, стоящих под прямым углом к поверхности тела, что и придаёт собаке шаровидную форму. Но достигается это не столько за счёт густоты и упругости ости, или сокращения мышц, расположенных у корней волос, сколько частотой их встряхивания собакой.

Такое встряхивание псовины приобретает у шпицев вид синдрома, повторяясь каждую минуту, что и позволяет им подерживать себя в форме шара, даже не имея для этого достаточной густой псовины. Но такой синдром японского белого шпица затруднял использовать его в качестве лабораторного детектора запаха, к чему он был бы пригоден, имея обоняние, близкое к норме оленегонных собак.

Потомство японского белого шпица, полученное от скрещивания с метисами гладкошёрстного фокстерьера (гшф) и ШПБ, наследовали синдром учащённого встряхивания не только в F1, но и в следующих поколениях, независимо от их шёрстного покрова, и даже в сочетании с гладкошёрстностью гшф.

Однако вольным шпицам, преследуемым охотниками за собачьей пушниной в северных посёлках, отрицательный отбор создал удлинённую псовину, но без достаточной густоты остевых волос, легко свойлачивающуюся в колтун.

Если нормально-шёрстный пёс, поднимая остевые волосы по хребту и на хвосте, устрашая противников увеличением своих размеров избегает схваток, то его длинношёрстный собрат, лишённый такой возможности, и этим проигрывая ему, защищён от его зубов лишь псовиной, плотно сваленной в сплошной колтун-калкан.

Однако свойлачивающаяся псовина, лишённая остевых волос, представляет и наилучший материал для пряжи, используемой аборигенами в производстве вязаной одежды.

По сообщению Е.А. Оборотовой, аборигены Ханты-Мансийского А.О. в этих целях используют линный пух и нормально-шёрстных лаек.

Но вычесывание недостаточно сваленных колтунов у подверженных им лаек идёт тем во вред, ибо их «облагороженный» вид привлекает внимание охотников за собачьей пушиной. Как бы «понимая» это, лайки, несмотря на подкормку, неохотно допускают к себе чесальщиц пуха, что также можно объяснить и их неумелостью с использованием плохих самодельных гребней.

Если лаек с превосходной псовиной отличает антропофобия, спасающая их от скорняжных устремлений человека, то между свойлачивающейся псовиной и слабой антропофобией видна прямая зависимость.

Аборигены Таймыра не посягают на жизнь лаек с плохой псовиной, а её мелких носителей используют в пастьбе оленей, которых эти слабо возбудимые псы не кусают.

Но заводское разведение ненецкого отродья оленегонной лайки не может сочетать длинношёрстность, утверждённую её стандартами во всех странах, где её отродья носят местные названия, с предрасположенностью их псовины к свойлачиванию.

В заводском разведении оленегонную лайку ждёт то, к чему пришли все шпицы ещё недавно страдавшие свойлачиванием псовины. Этот недостаток изжит у них увеличением густоты остевых волос за счёт снижения пуховых и утраты псовиной волнистости, а также учащённым встряхиванием, уже начавшим проявляться и у ненецкого отродья оленегонной лайки заводского разведения, сообщают её заводчики.

У оленеводов же Ненецкого и Таймырского национальных округов есть и нормально-шёрстная, но коротконогая форма оленегонной лайки так называемая яндо, используемая в выпасе важенок с телятами.

Её особенность заключается в том, что при скрещивании с длинношёрстной лайкой нормального формата, ибо, например, долгане Таймыра, их, в отличие от ненцев, разводят как одну породу, она даёт потомство похожее на промысловую лайку, распространённую (по сообщению Е.А. Оборотовой) в Ненецком АО.

Из-за её чёрно-пегих метисов, попадавших в центры разведения так называемый РЕЛ, где их по недоразумению включали в эту псевдопороду под видом охотничьих лаек, ещё до сих пор выщепляются особи с длинной, как у оленегонной лайки, псовиной, подверженной обмерзанию, что для охотничьей лайки недопустимо, и таких псов выбраковывают, хотя с «полудлинношёрст-

ной», но густой псовиной они, как «Кутик» Леонова, могут даже пройти и в чемпионы этой псевдопороды.

На основе таких нестандартных «оленегонок», отобранных за их малый рост на фактории Попигай Таймырского НО и привезенных в 1958 г. в Москву, с 1966 г. во ВНИИ МВД СССР начали создавать генофонд собак-детекторов запаха с повышенной остротой обоняния, используя их для поиска наркотиков, а также в судебно-одорологической экспертизе, других разделах криминалистической одорологии.

Метисы, полученные скрещиванием такой «оленегонки» с ГШФ, а затем с ОШ евразийских подвидов (*Canis aureus moreoticus*), дали ШПБ с ещё более острым обонянием, успешно используемыми как в судебно-одорологической экспертизе, так и службой авиационной безопасности «Аэрофлота» для поиска взрывчатки в аэропорту «Шереметьево».

Возвращаясь к длинношёрстным собакам Севера, следует указать, что мягкая псовина на голове, не предохраняет их от гноса, выедающего вокруг глаз кожу до кровоточащих язв, через которые внедряется возбудитель трахомы, приводя таких лаек к слепоте. Лишь откочёвки со стадами оленей дальше на Север, где свежий бриз спасает животных от этой напасти и облегчает их участь.

Такая псовина, закрывая осязательные вибриссы, затрудняет лайке находить в кустарнике лазы и проходы в завалах. Утрата этого качества негативно отразится и на её использовании службой спасателей при поиске пострадавших в руинах, хотя в снежных лавинах, несмотря на этот недостаток, обоняние арктической лайки трудно заменить.

Псы с извитой шерстью, лишённой ворса и непрерывно растущей, как у пуделя и поддающейся триммингу, лучше приспособлены к содержанию в комнатных условиях. Положительное свойство такой псовины в том, что она, не «прошивая» текстильных тканей, не пристаёт к одежде и мягкой обивке мебели.

Однако в питомнике такие псы требуют от персонала дополнительной заботы для поддержания их псовины в опрятном виде. Вибриссы у таких собак приобретая извитую форму, теряют свою осязательную функцию и на голове вместе с обычной шерстью, удаляются триммингом.

Но благодаря тому, что у жёсткошёрстных фокстерьеров (жшф) заметить повреждения кожи от хваток зверя труднее,

чем у гшф, это имеет значение для оценки работы тех и других на состязаниях. Лёгкое выявление незначительных повреждений кожи зверем у гшф, снижающих оценку на состязаниях, вопреки практичности во всём остальном привело к сокращению этой старейшей породы, потеснённой и в охоте на крыс более мелким и декоративным Джек Рассел терьером. Поэтому жшф предпочитают на состязаниях и выставках, хотя в практической охоте на норных зверей пригоднее гшф, особенно старого типа. Но поскольку такая охота приходит в упадок, гшф старого типа в нашей стране почти исчез.

Гибриды, полученные от скрещивания королевского пуделя с волком, а среднего с шакалом, наследуют промежуточную так называемую козлиную псовину со слабо выраженным ворсом (33).

В Заполярье, сколь это возможно при низких температурах, жизнь «даруется» и метисам с псовиной, напоминающих гончих и даже как у гшф. Все они на короткий период дополняют разношёрстных псов Севера, уходя из жизни более «естественным путём», нежели аборигенные лайки, гибнущие от рук охотников за собачьей пушниной.

4.2. Окрасы

У собак-парий преобладает рыжий окрас. У динго он имеет вариации в сторону осветления, вплоть до пепельного, под цвет австралийской земли.

Закрепление у собаки отклонений от естественного окраса уже началось в глубокой древности сохранением жизни частичным альбиносам, не вызывавшим у скотоводов скорняжных интересов, спасавших псов и от охотников, давая тем свои убедительные отличия от ОВ (38).

Отклонения от естественного («дикого») окраса, сохраняя собаке жизнь, привели к его разнообразию, сравнимому с окрасами американской норки, разводимой на пушных фермах, генетика которой хорошо изучена.

Потребность в цветных aberrациях у пород собаки и, разводимых на фермах пушных зверей, несмотря на разницу во времени их образования, но благодаря общей природе привели к сходным результатам.

Неповторимость пегих окрасов имеет идентифицирующее значение у собак-детекторов в видеозаписи их применения в судебно-одорологических экспертизах, документирующей их работу, осуществляемую, как минимум, тремя собаками.

Чем интенсивнее работа собак в группах, тем заинтересованнее заводчики и судьи в их индивидуальном распознавании на больших расстояниях.

По пегому окрасу заводчик легче определит, какая из его англо-русских гончих ведёт стаю или смычок, а какая плетётся в хвосте, а у русских борзых, кто первой поспекает к зверю, а кто отстаёт, что позволяет судить об их полевом досуге и важно для племенного отбора в породе.

Но поскольку многообразие окрасов было особенно важным у русской псовой борзой, то, став, по существу, живым украшением кабинетного интерьера, её окрасы, например, позволяли известной московской заводчице этой породы Г.В. Зотовой, натуральной блондинке, подбирать этих псов под цвет своих волос.

Пока все гончие были принадлежностью комплектных охот, их облику уделялось несравненно меньше внимания, чем борзым. Но с ростом престижа «самостоятельной» работы русских гончих возникла потребность видеть в работе их личные качества не только заводчику, но и членам судейских комиссий. Поэтому у русских гончих, наряду со сплошными багряными и чепрачными окрасами, появились и пегие окрасы, полученные от их скрещиваний с яркими черно-пегими в румянах английскими гончими и рыже-пегими французскими.

Если яркие пегие окрасы полезны пастушьим, охотничьим и поисковым собакам, работающим на удалении, облегчая слежение за их работой, особенно при слабой видимости, то сплошные окрасы, генетика которых хорошо изучена, служат лишь формально-декоративными признаками пород.

«Дикий» защитный окрас (агути), ценимый прежде скорняками, стал полезен военно-полицейской породе, сохранившей название Немецкой овчарки, но уже давно традиционной собаке пограничников, применяемой в «секретах» и засадах.

В породах с унифицированным окрасом эксперты меньше замечают у собаки недостатков экстерьера и отклонений от стандарта по частным признакам, чем воспользовался и автор разделения охотничьей лайки по окрасам на четыре «географические» псевдопороды.

Хотя чёрно-пегий окрас в равной степени рационален и характерен всем отродьям охотничье-промысловой лайки, а не только так называемой «РЕЛ», но автор «географических» стандартов необоснованно предоставил ей эту преференцию, в ущерб промысловой лайки, в целом.

Это повлекло как к исключению из породы охотничьей лайки псов иных окрасов, оказавшихся в одночасье в ареале «РЕЛ», так и отнесение лаек к «неправильным» чёрно-пегого окраса в Западной Сибири или в Карелии, где испокон веку существовала карельская медвежья лайка чёрно-пегого окраса.

Возведение окрасов в ранг порообразующих даже у спортивных отродий лайки является неоправданной самоцелью, а уж выбраковка по этому признаку лаек на их исторической родине из генофонда промысловых, оленегонных и ездовых пород будет неблагодарным занятием до тех пор, пока эти породы, подобно «Самоеду», не станут исключительно декоративными (47).

При скрещивании собак пегих и сплошных окрасов, гомозиготных по этим признакам, у метисов F1 доминирует сплошной окрас, что имеет существенное значение в контроле их происхождения.

Породы борзых и гончих в комплектных охотах у русских помещиков и английских лендлордов содержались на общих псарнях. При этом русская псовая борзая (наиболее дорогая порода) имеет пегий окрас, а менее ценившаяся, русская гончая – сплошной. И наоборот, менее дорогая английская борзая имеет сплошной окрас, а стоившие больших денег гончие – пегий.

На больших псарнях, по недосмотру персонала, от межпородных вязок часто рождались так называемые неублюдки-выборзки. Это потом безответственно-шkodливые борзописцы понятие «неублюдок», от слова «неублюсти», т.е. недоглядеть, переделали в «ублюдок», придав ему более обидный смысл.

В обоих случаях, если от пегих сук, будь то русская псовая борзая или английская гончая, рождались щенки сплошного окраса, их сразу и безошибочно определяли выборзками и выбраковывали, а персоналу псарни это помогало своевременно избавиться от улик и избежать сурового наказания хозяина комплектной охоты.

У метисов, получаемых многоступенчатым скрещиванием шпидеобразных пород, независимо от окрасов их ближайших предков, а также у ШПБ, каждый раз рождается часть потом-

ства, похожего рыжим окрасом на динго (*Canis familiaris dingo*), свидетельствуя о реверсии этого признака к видовой норме *Canis familiaris*, вызванной обратным мутагенезом.

5. ХВОСТ

У псовых хвост, как у всех животных с этой хорошо развитой частью тела, выполняет сигнальную функцию, имея в норме пышные формы и яркий окрас.

Эта стать собаки благодаря сигнальной функции связывает её с поведением, наряду с ушными раковинами, верхней губой и нижней челюстью.

Манеру держать хвост над спиной, постоянно завернутым в кольцо, Линней отнёс к видовому признаку домашней собаки, и нужно отдать должное великому систематику живой Природы, более верного места в определении допородной нормы вида *Canis familiaris* этому признаку не найти (76). Эта манера относится к характеристике одомашнивания не только собаки-парии и присуща её подвиду *Canis familiaris dingo*, сохранившему норму вида, но также и большинству её естественных пород и не только собаки.

Поскольку в непогоду спящая собака, свернувшись «калачиком», прячет нос и лапы в псовине хвоста, а сука укрывает им и своих новорожденных щенков, то нормально опушённый хвост несёт и защитную функцию «одеяла».

Быть легким, гибким и подвижным его обязывает сигнальная функция, выходящая за пределы внутривидовой коммуникации, ибо она востребована и во взаимодействии собаки с человеком.

Своим верхним фиксированным положением, хвост указывает на оптимальный нервный тонус собаки, на её нормальное функциональное состояние и рабочий настрой, а опущенный, говоря об обратном, позволяет кинологу, применяющему собаку оценивать её потенциальные возможности в конкретный момент и решать вопрос о её дальнейшем применении.

Форсировать применение собаки в нефункциональном состоянии, на что указывает её опущенный, а тем более поджатый хвост, недопустимо, а с «приспущенным», указывающим на генерализацию торможения, сопряжено с риском пропуска искомого

объектов, ибо «полурабочее» состояние пса, вызванное снижением его нервного тонуса, повышает у него пороги обоняния, приводя к пропускам слабо пахнущих объектов поиска.

Манера держать хвост поднятым или опущенным, в связи с конкретной ситуацией, зависит от типологических особенностей высшей нервной деятельности (ВНД) собаки.

Псу, с хвостом постоянно завернутым вверх и «сросшимся» на спине с псовиной, потерявшим из-за этого подвижность, труднее передавать все оттенки психического состояния, ибо такое положение свидетельствует как о постоянно высоком уровне возбуждения, так и о слабой подвижности нервных процессов.

Ежeminутные перемены в положении хвоста свидетельствуют о «сверхвысокой подвижности» и неуравновешенности нервных процессов при их общей слабости.

И, несмотря на всё это, у собаки нет другой стати, «испытывающей» на себе столь противоречивое отношение «породотворцев», какое выпало на долю хвоста.

Стандарты английских пород требуют от хвоста строгих линий, для чего ему даны названия, соответствующие его форме: «свеча» – у английских гончих, «перо» – у сеттеров, «прут» – у пойнтера. В то же время на континенте в аналогичных породах легавых хвосты купируют, кто, как посчитает нужным.

Укорочение хвоста на одну четверть требует стандарт фокстерьера, связывая это с его функцией «ручки», за которую охотник вытаскивает из разрытой норы вязкого пса, прерывая этим его работу, в то время как пёс может, по немецким правилам, держать мёртвой хваткой и упирающуюся всеми лапами лису.

Но такой «хвост-ручка» прочный только у корня и на протяжении, равном захвату в кулак, дальше его прочность ненадёжна и, как полагают «знатоки», она только «мешает».

У русской псовой борзой название хвоста «правило», с ударением на звуке «и», приписывает ему рулевую функцию, что должна оправдывать и его длина, далеко превышающая норму. И, наоборот, хвост («гон») «вукороть» у русской гончей, подчёркивает специфику её работы в зарослях, где длинный или высоко поднятый «свечёй» «гон», как у англо-русских гончих «круто-гонов», служил бы помехой, о чём говорят и короткие хвосты у рыси и опущенные «поленом» у ОШ и ОВ, обитающих в кустарниковых зарослях и лесах таёжного типа, а не лесопаркового, как в Западной Европе.

Однако у современного служебно-декоративного отродья немецкой овчарки хвост уже достигает земли и массивностью напоминает хвост кенгуру. Тем не менее «знатоки» и ревнители всех её статей еще не остановились на «достигнутом». А всё началось с того, что первые заводчики-селекционеры этой породы, скрещивая её с волком, пытались закрепить у неё «волчью статью», и в манере держать хвост висячим, в форме так называемого полена. Но если ОВ это требует его лесная стация и в его семейной стае ему нет надобности неустанно напоминать каждому о своём ранге, он без напряжения может держать хвост опущенным, в то же время в его сигнальной функции специалисты насчитывают около десятка фиксированных положений хвоста.

Собаке же, в её постоянных перемещениях по воле человека приходится быть всегда готовой к «выяснению отношений» с сородичами, охраняющими свои угодья от вторжения чужаков, поэтому её хвосту, выполняющему роль боевого знамени, постоянно требуется быть высоко поднятым, а лучше лежащим на спине, позволяя сородичам доступным образом ознакомиться с запаховой информацией её прианальных желёз.

За время отлучки пса, не превышающего нескольких дней, его статус бывает так «крепко забыт» «корешами», что по возвращении ему заново приходится его утверждать, в чём хвост играет первостепенную роль. При каждой встрече с сородичами, манерой держать хвост, подобно «боевому знамени», пёс всех предупреждает о решимости за себя постоять и, тем самым избавляет всех от лишних «выяснений отношений», что становится единственным спасительным блефом малорослой оленегонной лайки, оказавшейся со стадом на чужой территории в окружении крупных ездовых сородичей.

В этой ситуации её хвост говорит «языком», понятным каждому нормальному псу, о высоком статусе «знаменосца». Поэтому у аборигенных пород собак, сопровождающих хозяев в кочевьях, хвосты в функциональном состоянии подняты вверх (39), что относится ко всем, начиная с австралийского динго, включая овчарок и оленегонных лаек и кончая ездовыми и промысловыми лайками.

Иначе держат хвосты псы пород, постоянно пребывающих в сплочённой стае. Это русские гончие и отчасти ездовые лайки, способные постоять за себя вместе перед любым противником.

Им, как и в стае ОВ, нет необходимости блефовать, тем более, что ещё по свидетельству А. Брема, в чукотских ездовых лайках предостаточно и «крови» ОВ.

Но у волчье-псовых отродий старонемецкой овчарки, разводившейся обратным поглотительным скрещиванием на собак, хвост, по мере убывания генетического материала ОВ, «стремился» вернуться к собачьей норме вида, т.е. закрученному вверх, и лишь увеличение его длины и массивности позволяло ему сохранять висячую форму.

Однако не следует забывать, что манера держать хвост опущенным не соответствует высокому социальному рангу собаки, её бойцовскому настрою. Поэтому в единоборстве с псами даже меньшего веса, среди немецких овчарок не часто встречаются те, что способны за себя постоять, в отличие от охотничьей лайки, сопоставимой с ними величины, и они пасуют даже перед фокстерьером, защищающим своего хозяина.

Если у ОВ зоопсихологи выделяют около десятка сигналов, передаваемых движением и фиксированным положением хвоста, то у собаки часть их утрачена, а повреждение хвоста лишает и того, что осталось, затрудняя контролировать у таких собак их психическое состояние.

В стандартах ряда короткошёрстных пород купирование хвоста и его полное усечение чаще всего основано на приписываемой ему неприглядной форме, если он остаётся таким, как есть. Но в английских стандартах легавых и гончих, чтобы он не был удручающе «безобразным», к нему выработано упоминавшееся выше требование.

Причиной купирования хвоста у ряда длинношёрстных пород служит и то, что крупные, куцехвостые псы приобретают столь желаемое для любителей этих пород сходство с медведем, к тому же хвост, «плохо» закрученный вверх, часто выглядит у них неопрятно. А то, что отсутствие хвоста лишает пса полноценной «улыбки», ибо по меткому наблюдению Гюго, пёс улыбается, виляя хвостом, и даже в предсмертной агонии судорожно повиливает его кончиком, приверженцев «медвежьей» стати это не смущает.

Непродолжительно опускаемый хвост указывает на временное снижение у пса нервного тонуса и генерализацию тормозного процесса, вызванного усталостью или пассивно-оборонительной реакцией. Но это ещё не говорит и о падении его статуса, как и

поджимаемый хвост, свидетельствующий лишь о стрессовом состоянии, вызванным болью или страхом.

Только постоянное пребывание пса с поджатым хвостом в кругу сородичей соответствует статусу изгоя и служит стае сигналом к его уничтожению или, что чаще, к изгнанию.

Зависимость между типологическими особенностями ВНД собаки и её манерой держать хвост круто вверх или опущенным вниз, хорошо прослеживается на двух породах гончих, которым «не положено», как дворнягам, закручивать хвост кольцом. Но если русская гончая по стандарту должна держать «хвост-гон» опущенным, то англо-русским «крутогонам» «не возбраняется» держать его круто поднятым «свечёй», как у всех английских гончих.

У русской гончей, работающей в лесу далеко не паркового типа, где её «гон», торчащий свечёй, постоянно задевал бы за нижние ветки деревьев, заводчики согласились с его «вукоротью» и манерой держать опущенным, не прибегая для этого к гибридизации с волком. Английским же «крутогонам», работающим в разреженных и ухоженных лесах паркового типа без подлеска, нижние ветви деревьев не угрожают «хвосту-гону» держаться «свечёй» вверх.

В соответствии с этим различием русская гончая не могла обладать и высокими бойцовыми качествами, ибо в комплектных охотах она стала бы опасной для дорогих русских борзых. Поэтому русские гончие, при полном повиновении егерям, граничащим у них с антропофобией, отличаются пассивно-оборонительным поведением. Англо-русская же гончая стала применяться в охоте с борзыми уже на исходе расцвета комплектных охот, в специально отводимых, подобно западно-европейским, благоустроенных для монарших особ охотугодьях («отъезжих полях»), как «Першенская охота» и ряд др. Поэтому англо-русская гончая свободна от психических недостатков своей предшественницы чисто русской гончей и намного её драчливее, а вкупе с её пегим окрасом, она стала более пригодной для волкогонных стай, где ОВ стреляют обложенных флажками, а гончие выполняют роль загонщиков и способны добыть подранков.

Отражая общее правило, подтверждают шпичи и породы, не страдающие пассивно-оборонительным, а тем более антропофобным поведением, у которых, в соответствии с требованием и их стандартов, хвост постоянно держится кольцом вверх.

Однако этот, на первый взгляд простой признак, обусловлен полигенным наследованием. Если фокстерьера, с хвостом, завёрнутым, как у лайки в кольцо, что является недостатком в его породе, скрещивать с «лайкоидом», у которого этот признак не гомозиготен, то он наследуется в формах, свойственных как чистокровной лайке, так и нормальному фокстерьеру, а при скрещивании с гомозиготной по этому признаку лайкой, в F1 наследуется как доминирующий признак лайки. При скрещивании же домашней собаки с дикими родичами, её признак наследуется как рецессивный, и у гибридов в F1 хвост висит, как у ОВ и ОШ, «полоном». Но если ОШ скрещивают с ШПБ, то уже в F1 «выщепляются» оба признака и их промежуточные формы. (Рис.)

6. Поведение

6.1. Пищевое поведение и охотничий инстинкт

В пищевом поведении собаки-парии, пребывающей в естественной среде, в зависимости от сезонов года и местных условий чаще проявляются черты мелкого хищника-собиранителя (ОШ), и меньше активного охотника на крупных животных. Если на Юге, по сообщению Л.С. Богословской (17), собака Средней Азии, питаясь преимущественно растительными кормами, не считая случайной мелкой добычи, имея ярко выраженный углеводный («хлебный») обмен веществ, формирует конституцию, свойственную моллосам, то на Севере, с преобладанием у лайки мясорыбных кормов, в том числе и трофеев собственной охоты, конституция соответствует обмену веществ хищника (ОВ) (98).

Охотничья лайка круглый год может получать полноценную животную пищу, ибо охотник способен зимой прокормить её на промысле тушками освежёванных пушных зверей, а летом она сама добудет доступные ей корма животного происхождения.

Благоденствует на летних выпасах оленя и оленегонная лайка, охотясь на мелких животных тундры, начиная с леммингов и слётков птиц, включая линных гусей, и получая пищевые отходы рыбы в сыром, варёном и вяленом виде.

Но благоденствие это, как и лето Заполярья, длится не более трёх месяцев, а затем оленегонную лайку ждёт голодная зима и морозы, достигающие в полярную ночь у полюсов холода температуры ниже -70°C .

Исследователь северных пород лайки Н.А. Носов (98), отмечал у чукотской ездовой лайки, питающейся рыбой и мясом морского зверя, богатых протеином, жиром, органическими соединениями йода, белково-жировой обмен и зависимость от йодсодержащих кормов. Их дефицит в местах удалённых от её «исторической родины», как правило, негативно влияет на здоровье этих лаек.

Таким образом, если ездовая, охотничья и оленегонная лайки пребывают летом не на привязи, то они питаются собственной добычей, а зимой их необходимо хотя бы подкармливать, что не всюду делают в должном объёме, даже если собак используют в работе.

Лайка, при скудном зимнем питании способна переносить и длительную бескормицу, когда месяц голодовки не является для неё пределом.

На факториях Таймыра метисы всех местных и привозных пород, номинально имея хозяев, кормятся на общих основаниях отходами рыбного промысла и забоя домашнего оленя и тем, что не используют в пищу люди.

Зимой лайки иногда добывают кочующих белых куропаток, спящих в снегу, а летом леммингов. Где им не удаётся добыть или найти такую пищу, они питаются кухонными отходами и копрофагией за человеком. Приходилось видеть лаек, поедавших и обрывки одежды из оленьих шкур, благо для их выделки используют не химикаты, а оленью печень.

Если сложившиеся породы и отродья попадают в новые условия, как выше упомянутые чукотская ездовая, охотничья и оленегонная лайки, им не идёт на пользу ежедневное двухразовое, а то и трёхразовое питание, без разгрузочных периодов полного и частичного голодания. Закармливание и недокорм одинаково приводят к их «перерождению», что отмечал уже Дарвин у европейских пород, попадавших в Индию (38). В наши дни примером тому служат образовавшиеся из промысловой лайки её спортивные отродья, а из кавказских и азиатских овчарок бойцовые, в лучшем случае, караульные отродья, а в худшем, комнатно-декоративные.

Псевдопородой стало наше военно-полицейское отродье Немецкой овчарки так называемая Восточно-европейская овчарка (ВЕО), сформировавшаяся на питании кулешом из ячневой, овсяной, пшённой и других круп, став по своей конституции подобием моллосов.

Но конституционные отличия, вызванные особенностями питания, ещё не служат признаками породы и не могут препятствовать кроссбридингу ВЕО с другими военно-полицейскими отродьями Немецкой овчарки (119).

До появления в конце прошлого века индустрии сухих кормов питание заводских пород охотничьих и служебных собак практически ничем не различалось. У всех традиционно поддерживалась жадность к кулешу на мясном или рыбном бульоне из овсяной, пшённой, а позднее и ячневой крупы, по нормам, утверждённым МО и МВД служебно-розыскным собакам (СРС).

Но если русским гончим не возбраняется полакомиться добытым ими зайцем, хотя происходит подобное не часто, то борзым и легавым это заказано. Этика их поведения требует «вежливости» к добытым с ними трофеям, но ещё строже к дичи, отстрелянной охотником.

Промысловая лайка не утацит и не съест не освежёванно-го зверька, но она также не украдёт провиант с нарт или вешала. Более того, она не тронет и любое животное на привязи. Привязь надёжно оберегает домашний скот и других животных, как и саму лайку, от нападений её собратьев.

На состязаниях по травле цепного медвежонка промысловые лайки всегда безнадежно уступают спортивным отродьям, чем обязаны не робостью к зверю, ибо у себя на родине они не пасуют и перед взрослым медведем, а лишь врождённому «уважению» к привязи, запрещающей им не только прикасаться к привязанным животным, но и облаивать их.

Врождённое «вежливое» отношение к добытой дичи, не позволяющее её помять, тем более поедать, ещё действует у подружейных пород, но не у гончих. Если в правилах полевых испытаний гончих, в отличие от правил испытания борзых, отсутствует оценка «вежливости» к трофеям, которые в комплектной охоте добывали не гончие, а борзые, то с возрастающей у гончих паратостью, позволяющей им «сжигать» на гону своего зайца, им явно недостаёт врождённых запретов пожирать и отстрелянного подранка, если охотник не успел его забрать. Таких врождённых

запретов не имеют не только русские, но утрачивают и англо-русские гончие. Если русских гончих ещё можно остановить командой: «Отрысь!», то англо-русских урезонить труднее. Поэтому «прилитие» англо-русским гончим «крови» более «вежливо» к трофеям фоксаунда, вполне оправдано.

Сильная, но не преобладающая пищевая реакция позволяет обучать собаку любой породы оперантным способом, подкрепляя лакомством любые приёмы и навыки.

Отсутствие заинтересованности в лакомстве свидетельствует о заболевании собаки или её нефункциональном состоянии по иным, не всегда видимым причинам.

Лучшим лакомством для собак служит сырое тощее говяжье и куриное мясо, проверенное ветнадзором, остальное требует термической обработки против личинок гельминтов и других возбудителей болезней, попадающих собаке с сырой свининой, бараниной, рыбой, медвежатиной, зайчатиной, мясом домашних и диких животных.

По утверждению известного ветеринара-кинолога Н.А. Носова, разовая порция лакомства собакам средней величины, должна быть не менее 3 гр. и не превышать 200 гр. в одно занятие, дабы сохранять у собаки функциональное состояние, основанное на её неснижаемой пищевой мотивации.

Применение собаки на сытый желудок не приветствуется, ибо, испытывая в таком состоянии общее торможение, она с трудом преодолевает психофизические нагрузки и плохо адаптируется к новой обстановке.

Однако на сытый желудок у собаки активизируется дифференцировочное торможение, снижая количество сигналов неверного узнавания искомым объектов, или вовсе их исключает.

Исходя из этого, применять собаку в поиске ВВ или в идентификации лиц по их запаховым следам на голодный желудок не следует. Но «оптимальную» для такой работы «сытость», позволяющую конкретной собаке полнее реализовать все свои поисковые возможности, определяют опытным путём.

Подкрепляя лакомством, выполнение конкретных заданий выстраивают цепь промежуточных этапов в подготовке как служебных, так и охотничьих собак, хотя последних подкрепляет и сама реализация их охотничьей мотивации.

В такой цепи подкреплять лакомством начальные этапы прекращают не сразу, а постепенно, оставляя лишь подкрепление

конечного результата, если им не является натуральный рефлекс, сам подкрепляющий всю цепь, как например, поиск, завершаемый у лайки облаиванием на дереве белки, когда после её отстрела лайка подкрепляется так называемым «прикусыванием» падающего подранка, даже в том случае, если белка уже мертва.

Прекращение же подкрепления лакомством сигнала обнаружения наркотиков или ВВ угашает у собаки их поиск. Но к такому же результату приводит и постоянное «авансирование» пса лакомством, игрой, лаской, прочими действиями, которые он должен получить лишь после полностью выполненного задания, а не до этого.

«Задабривание» авансированием не самый продуктивный способ выстраивания отношений между людьми, и тем более оно непригодно в отношениях между человеком и собакой.

Если приручение хищника начать с подкормки лакомством, то процесс может затянуться, поскольку подкрепляется его изначально агрессивное поведение.

Сохранение у собаки рабочего состояния в течение занятия позволяет выбрать момент для завершающего подкрепления, лучшего исполнения всего задания.

Окончание же работы на снижении её качества закрепляет и эту тенденцию, что, естественно, недопустимо.

6.2. Лояльность человеку, антропофобия, «проблемные» периоды онтогенеза

«Не ведал хозяин, что где-то
По шпалам, из сил выбиваясь,
За красным мелькающим светом
Собака (его) бежит задыхаясь!»
Асадов Э. «Стихи о рыжей дворянке»

Врождённая лояльность человеку в целом, а не только своему хозяину, есть главное отличие домашней собаки от её приручаемых родичей и первых генераций (F1) их гибридов.

У гибридов лояльность к человеку вырабатывают интенсивным приручением так называемым хендлингом, блокирующим у них антропофобию в раннем возрасте, но не одним хендлером, а переменным составом лиц, участвующих в этом процессе.

Если же гибрида приручал один хендлер, то такая частичная «блокировка» антропофобии, являясь «персональным инпринтингом», должна поддерживаться у животного всю его жизнь одним лицом.

Причина неудач в попытках использовать прирученных ОВ, койотов, ОШ и их псовых гибридов в производственных целях заключается в том, что их лояльность, кажущаяся надёжной, на самом деле требует деликатного с ними обращения. Зверь, кажущийся «абсолютно» ручным, испытав от своего хендлера насилие, резко ограничившее его свободу, может полностью утратить к нему лояльность, ибо к таким воздействиям требуется специальная адаптация.

Хендлер, проигнорировавший это требование, может навсегда «возвратить» и хорошо прирученного зверя в его дикое состояние.

Домашняя же собака не злопамятна и быстро восстанавливает отношения, испорченные человеком, прощая ему насилие, непрощаемые прирученными дикарями и их псовыми гибридами.

Поводом для подрыва доверия у прирученных дикарей, гибридов, да и естественных пород, перестающих идти в руки хендлера, обычно служит попытка их ловить из-за их медленного подхода на подзыв, что создаёт порочный круг, и в таких случаях возвращение у них лояльности к человеку становится проблемой.

Подзыв вырабатывают противоположной тактикой. Хендлер не должен брать пса за шиворот, если тот берёт лакомство из рук, а, продолжая его манить подкормкой, идёт от него в противоположную сторону.

Остановившегося рядом пса, хендлер вначале слегка поглаживает по горлу и похлопывает по бокам и даже «тормозит» свободной рукой, вырабатывая или восстанавливая у него доверие.

Подкрепляя адекватную реакцию лакомством и не пытаясь удерживать его силой, хендлер лишь оставляет без подкрепления уходы пса из-под руки. Если же пёс оказался у присевшего хендлера под рукой, то он, щедро подкрепляя его лакомством, может охватить того сверху под грудь и, слегка прижав к себе, приподнять его переднюю половину корпуса, не отрывая задние конечности от опоры. Затем, не дожидаясь, когда пёс начнёт уходить из-под руки, хендлер, мягко оттолкнув его от себя, переходит на другое место.

Ежедневными повторениями приёма вырабатывают связь, при которой пёс сам стремится идти на подзыв под руку хендлера. Адаптацию пса к его удержанию руками, начинают с 1–2 сек., постепенно продвигаясь к тому времени, которое необходимо для одевания шлейки, пристёгивания поводка, подкрепляя каждый достигнутый этап облачения в «амуницию» лакомством, запас которого не должен иссякнуть до момента окончания занятий и возвращения пса на место.

Самозатягивающийся ошейник с «рыскалом», или шлейка с укороченным поводком заранее должны быть подогнаны на собаке аналогичных габаритов, прилегая к её шее с зазором для двух пальцев. Псу величиной с ОПШ одеть «амуницию» легче держа его на руках. Непростой процесс приучения пса к одеванию «амуниции» ускоряет опытный помощник, которому пёс уже полностью доверяет. Взяв одевание «амуниции» в свои руки, помощник оставляет хендлеру лишь удерживать пса на месте (руками или на руках).

Держа в кулаке горсть лакомства и продев руку в ошейник или шлейку, помощник вешает их на запястье этой руки и подносит, зажатое в кулаке лакомство к носу пса. Уловив момент, когда пёс начнёт его нюхать, помощник, свободной рукой снимая «амуницию» с запястья и приблизив её к носу пса, заманивает того в неё лакомством. Как только пёс просунул голову в «амуницию», помощник осторожно, но, не задерживаясь, передвигает её псу на шею, одновременно давая ему лакомство.

Снимают «амуницию» не через голову, ибо это пёс будет стремиться делать сам, а, оставляя пса в руках хендлера, помощник передвигает её к хвосту.

Приём, повторяя несколько раз на дню, заканчивают его на лучшем исполнении, подкрепляя пса командой: «Хорошо!» и двойной порцией лакомства.

Ежедневными занятиями пса доводят до состояния, когда за подкормкой он сам начинает просовывать голову в раскрытую шлейку или ошейник.

Не снимая «амуниции», поводки каждый раз меняют, постепенно доводя их до максимальной длины.

С каждым новым поводком по команде: «Гуляй!» пса отпускают на их длину.

Снимают «амуницию», когда пёс на 1–2 мин. успокоится, попытки же самостоятельно освободиться от неприятной обузы оставляют без подкрепления.

Повторяя команду: «Ко мне!» пса подтягивают за поводок к себе и, если это не сопровождается его резким сопротивлением, вслед за командой: «Хорошо!» он сразу получает лакомство. Если же пёс отказывается подходить, то вначале сопротивление гасят подёргиваниями за поводок, не теряя при этом чувства меры. Ослабление сопротивления поощряют командой: «Хорошо!», продолжая пса подтягивать к себе и, уловив акт его «смирения» на 3–5 сек., адекватное поведение подкрепляют лакомством, отпуская пса на всю длину поводка.

Адекватное поведение подкрепляют после команды: «Хорошо!» быстрым, но не грубым освобождением от «амуниции». Категорически не допуская в этом его активного участия, особенно при съёме «амуниции» через голову.

Приём повторяют насколько можно чаще, заканчивая занятия на лучшем его исполнении.

Приучение дикарей к хождению и работе на поводке открывает возможность их практического применения, и хотя они требуют к себе более деликатного подхода, чем домашняя собака, известны факты использования полярных ОВ в упряжке ездовых лаек, а в Канаде была упряжка, целиком состоявшая из 14 койотов подвида *Canis latrans incolatus*, обладающих крепостью лап и наиболее тёплой псовиной.

Наилучший результат приучения щенков к поводку даёт начало занятий в полуторамесячном возрасте.

Метисы промысловой и оленегонной лайки уже в возрасте трёх недель резко проявляют антропофобию по отношению к детям в целом, но особенно подросткового возраста, ибо от их поведения менее всего застраховано благополучие и сама жизнь щенка, попадающего им в руки, на что естественный отбор вырабатал у лайки соответствующую защитную реакцию.

Разделить месячных щенков лайки или собаки-парии на «антропофобных» и «лояльных» от рождения, можно достаточно легко в клетке, где с одной стороны сетка, а с противоположной стороны стена. Когда человек незнакомый щенкам находится около клетки, то «антропофобные» щенки жмутся к стене, а «лояльные» собираются у сетки. Но такое их деление имеет одномоментный характер и на следующий день будет другим, продолжая ежедневно меняться в точности наоборот. Те щенки, что вчера сразу отпрянули к стене, начнут осторожно подходить к людям, а которые были у сетки, теперь сгрудились у стены. Всё

будет меняться у щенков и в следующие дни, вплоть до их трёхмесячного возраста, ибо из-за разного «пробуждения» генов, определяющих остроту обоняния, силу ориентировочной реакции и типологические особенности ВНД, щенки по-разному воспринимают и адаптируются к индивидуальному запаху незнакомых лиц и по-разному на него реагируют.

К четырём месяцам устоявшееся поведение, бывшее у антропофобных щенков требует закрепления их лояльности интенсивным продолжением индивидуальных занятий.

Щенки аборигенной лайки, подчиняясь импринтингу к своему воспитателю, дифференцируют людей по их индивидуальному запаху лучше щенков заводских пород.

В шесть недель у щенков лайки проявляется врождённая реакция: следовать за человеком, свидетельствуя об их лояльности, если ещё раньше у них не «проснулись» гены антропофобии, чему, как правило, способствует сам человек попытками их ловить, вместо того, чтобы вырабатывать их подход на подзыв способом «отступления».

Едва заметная попытка идти щенку навстречу, неосторожное движение руки в его сторону не остаётся у него без внимания, вызывая реакцию антропофобии. При этом человек неосознанно усугубляет ситуацию тем, что вместо отступления в момент подзыва, которое побуждало бы щенка следовать за ним, он идёт ему навстречу.

Хендлеры, не внимая этой закономерности, становятся заложниками неудач в практическом использовании ШПБ даже с заблокированной у них антропофобией полноценным хендлингом.

Залогом успеха в выработке у собаки подзыва служит её систематическая подкормка лакомством, когда он по команде подзыва догонит хендлера, подавшего команду, а тестом упроченности приёма станет момент, когда пёс положит ему на колени лапы.

Факты свидетельствуют, что такой «чести» ШПБ могут удостоить незнакомых лиц, не предлагавших им и лакомства, а только не скрывавших перед ними свой испуг, который у всех псовых вызывает рост «самооценки». Отступление служит имитацией такого испуга и чем лучше он сыгран хендлером, тем успешнее подзывает.

По сообщению Г.А. Когунь, инспектора отдела кинологического мониторинга ПАО «Аэрофлота», следование за ней ШПБ проявилось в лесу. Но кровность его по ОП составляла 17%, а на

83% принадлежа собаке, из которых до 25% была «кровью» фок-стерьера, что могло иметь значение, ибо породный признак норных собак идти в лесу за хозяином «попятам» доминирует при скрещивании и с другими породами.

Реакция северной собаки-парии следовать за человеком, сопряженная у неё с недоверием к нему, корректируется ею в соответствии с конкретной ситуацией.

Следуя за человеком в поиске остатков пищи, она не приближается к нему на ружейный выстрел. Так же ведёт себя близкая к ней охотничья лайка, ибо и она генетически подготовлена к тому, что на промысле пушнины её суровый хозяин в такой «привязанности» увидит лишь отсутствие у неё требуемых от неё «широты и глубины» поиска, и без печали приобцит её шкурку к своим скудным трофеям.

Когда собачники-живодёры, кооперируясь с работниками надзора стали из соображений собственной безопасности воздерживаться от отстрелов «бесхозных» лаек на глазах у их хозяев и детей, лайки и собаки-парии стали использовать это обстоятельство для своего спасения, находя его (при облавах) в толпе людей, которую они боятся гораздо меньше, чем отдельного человека и даже его силуэта.

Силуэт человека, приближающийся к ним, они не подпускают ближе 40 шагов дистанции убойного выстрела из охотничьего ружья, определяемой ими чётко, и на дальнейшее приближение неизменно реагируют бегством.

Это поведение проявлялось у самки ШПБ, имевшей 25% «крови» шакала и 75% таймырского отродья оленегонной лайки.

Обладая превосходным поиском ВВ среди пассажиров на аэровокзале, она неизменно избегала отдельного человека, не доверяя даже знакомым ей лицам.

К сожалению, её поведение оказалось обоснованным, ибо она погибла от рук злоумышленника, оказавшегося среди персонала питомника.

У шакало-псовых бастардов, приручаемых переменным составом участников «хендлинга», антропофобия может быть настолько заблокированной, что создаётся впечатление об её отсутствии.

Смазанная этим картина врождённого поведения отличает и лаек при их интенсивном приручении, не позволяя достоверно судить о врождённой у них лояльности к человеку.

В периоды их переломного поведения, начиная с трёх месяцев и старше, аборигенные лайки без видимых причин могут «разблокировать» антропофобию, о которой их хозяин даже не подозревал.

Скрещивание заводских пород с естественными (аборигенными) и дикими видами вносит в поведение метисов и гибридов антропофобию, являющуюся у дикого вида гомозиготной, а у аборигенных пород она может быть и в гетерозиготном состоянии.

Альтернативную ей лояльность к человеку, также определяемую полигенным, рецессивным наследованием, можно внести в генотип лайки, её скрещиванием с заводской породой, обладающей этим признаком. Разведение получаемых метисов «в себе», даёт в F2-3 часть потомства, близкого по лояльности к гомозиготному, почти не воспроизводящему при разведении антропофобных потомков.

Лояльность к человеку может быть внесена в генофонд пользовательных метисов естественных пород скрещиванием и с заводскими породами, бывшими в недалёком прошлом естественными. Такими псами являются аборигенные псы Японии, ибо уже на протяжении 300 лет в этой стране за их убийство полагалась смертная казнь, что и привело к полной утрате ими антропофобии.

Наблюдения свидетельствуют, что если в конкретном помёте рождаются щенки преимущественно одного пола и лишь один противоположного, то этот щенок, как правило, оказывается «насыщенным» носителем жизненно-важных признаков, тогда как у его сибсов они неравномерно рассредоточены. Хотя у многоплодных видов зигот каждого пола образуется приблизительно поровну, но на разных стадиях развития большинство их гибнет. При этом если преобладает гибель зигот женского пола, то оставшаяся зигота этого пола обладает и более высокой жизнеспособностью. Развившийся из неё щенок, несёт более высокую степень гетерозиготности, с чем и связана его повышенная жизненность.

Этим он обязан X-хромосоме, определяющей его пол, самой крупной из 78 хромосом у видов рода *Canis*, насыщенной генами, отвечающими за все наиболее важные признаки организма, к тому же у самок две X-хромосомы, а у самцов одна.

У-хромосома, определяющая мужской пол и ряд признаков отца, самая мелкая (*Gustavsson Jngemar*. The chromosomes of the dog. «Hereditas», 1964, № 1, 187–189 англ.). Поэтому, если в

помёте щенков одна самка, она обладает лучшим развитием и всех анализаторных систем, где главенствующее значение имеют обоняние и ориентировочная реакция, хотя наряду с ними у неё сильнее, чем у братьев, будет выражена и антропофобия.

Выбраковка таких щенков с превышением у них 25% «крови» ОШ из-за одной только антропофобии, своевременно «незаблокированной» интенсивным хендлингом, представляет собой непростительное расточительство генофонда ШПБ.

Примером тому в питомнике ШПБ, отдела кинологического мониторинга ПАО «Аэрофлот» стала шестимесячная самка по кличке «Рута», рождённая 28.02.11 от самки по кличке «Аза», с 55,17% «кровности» по ОШ и самца по кличке «Рур», с 10,35%, что у «Руты» составило 32,76%, т.е. более 25%, полагающихся для отнесению её к племенному фонду.

Но по недомыслию и превышению полномочий персонала питомника она была выбракована из-за сильной антропофобии, проявившейся у неё в возрасте трёх месяцев, после чего персонал питомника бросил с ней заниматься.

Оставшиеся три её брата. «Рогоз», субтильного сложения и светло-палевого окраса (признак ослабленной конституции), был в том возрасте наиболее «лояльным», и посему признанным самым перспективным. Персонал питомника занимался с ним охотнее, чем с остальными щенками.

Второй «Рамзай», близкий по конституции к «Руте», как и «Рогоз», не был антропофобным, однако уступал ему в силе ориентировочной реакции, чем в полной мере обладала только «Рута». По субъективным причинам он оказался менее любим, чем «Рогоз». Через год оба брата оказались несколько недель не у дел и стали утрачивать свою лояльность к человеку.

Третий сибс, «Амур», будучи в статусе доминанта и, отличаясь крепкой конституцией, отсутствием суетливости, раньше всех в возрасте трёх месяцев овладел приёмами посадки и лаем по команде, основными элементами стереотипного сигнального поведения (ССП), но не был приучен к поводку, что отрицательно повлияло на всю дальнейшую его жизнь.

Морфологически обладая ярко выраженной нормой рода *Canis*, рыжим, как у динго, окрасом он напоминал обликом и поведением мелкого волка, а размерами крупного ОШ, не уступая крепостью конституции сестре, он также был антропофобен и был бы выбракован, но его не успели уничтожить.

В силу субъективных причин его не приучили своевременно к поводку, с чем и связались все проблемы его использования, ибо персонал уклонялся от занятий с такими «проблемными», неприученными к поводку щенками, и «Амур», обречённый на выбраковку, был оставлен благодаря напоминанию руководству питомника о 32,76% в нём «крови» шакала, хотя его сестре это не помогло.

Без формальной проверки рабочих качеств его племенное использование оставалось под вопросом, а шансы на практическое использование убывали с каждым днём.

В полутора годовалом возрасте его заново начали приручать и обучать рабочим приёмам. Хотя элементы ССП при обнаружении запаха ВВ он постиг, работая в ряду выборки без поводка, но упущенное время давало знать о себе на всю его оставшуюся жизнь.

Несмотря на то что в отсутствии соматических и психических аномалий щенки ШПБ с «кровностью» по ОШ выше 25%, не подлежат выбраковке, антропофобные попадают в порочный круг, где выход даёт только режим работы: «Все со всеми» (ВСВ). Однако равнодушные исполнители, тем более противодействующие режиму ВСВ не могут быть в числе «Всех», ибо им нужно: отказаться от персонального закрепления за собой выбранных ими щенков и выполнять ежедневные задания на занятиях с их переменным составом, а при сертификации профпригодности выбирать для своего выступления ШПБ по жребию.

Вместе с тем полное выпадение антропофобии из генотипа ШПБ лишает его связанных с этим признаком силы ориентировочной реакции, остроты обоняния, а также резистентности к инфекциям (*Вовк С.И.* Течение токсико-инфекционного процесса у собак с различным типом ВВД. Сборник «Головной мозг и регуляция функций» АН УССР. Киев, 1963).

Надо понимать, что аборигенные породы без антропофобии и недоверия к человеку, когда эти реакции блокируют интенсивным приручением, не защищены от злоумышленника. И хотя чувство страха перед человеком ещё остаётся, но его бывает недостаточно, если ездовая лайка, находясь в упряжке или на цепи, не срывается и не прячется, зарывшись в снег от лиц, направляющих против них свои враждебные действия.

При сомнительных санитарно-ветеринарно-коммунальных мероприятиях гибнут с отстрелами «бесхозных» «лайкоидов»

переставшие бояться «человека с ружьем» промысловые ездовые и оленегонные лайки. И лишь те из них, что содержатся на символической привязи, защищающей их от агрессии своих, «уважающих» привязь собратьев, могут при первых звуках ружейной пальбы, сопровождаемой визгом подранков, сорваться с такой «привязи» и убежать на безопасное расстояние.

Спорадичная «подпитка» лайки «кровью» ОВ, восстанавливая у неё качество шерстного покрова, привлекает к ней «охотников», изымающих таких гибридов из её генофонда. К счастью, лайку спасают не рачительность «промысловиков», кого могло бы заботить будущее охоты на «бесхозных» «лайкоидов», или нерадивость коммунальных служб, а антропофобия собаки-парии и «одичавших» лаек, позволяя им приспособляться к условиям выживания.

Теперь акцент в истреблении лайки перемещается с пушно-заготовок к редким «ветеринарным» мероприятиям, разборкам пьяных каюров, расстреливающих друг у друга упряжки ездовых лаек, да стрельбе отморозков по живым мишеням из малокалиберных карабинов и духовых ружей, что уже не имеет столь тотального характера. Тем не менее отрицательный отбор на лояльность к человеку собак-парий «одичавшей» лайки, в условиях преследований сделала их отчуждённость от человека сильнее, чем у их диких родичей, приручающихся легче, нежели «одичавшие» лайки.

Обострение антропофобии у северных собак-парий, как и у диких пушных зверей, приурочено к товарному созреванию их меха. Но в онтогенезе лайки это происходит и в её ювенальный период, ибо ценится и мех щенков 2–3 месяцев, которых спасает их ранняя недоверчивость и негативная реакция на подзывы хозяев, не сулящие им ничего хорошего в эти периоды их жизни.

В связи с этим на родине лайки установились в её постнатальном онтогенезе периоды так называемого переломного поведения, в возрастах с двух до четырёх месяцев и с семи месяцев до года, когда она становится наиболее антропофобной, поскольку и шкурки её трёхмесячных щенков представляют товарную ценность.

Избежать встречи с собачником-живодёром легче тем щенкам, которые в первом «переломном» возрасте, совпадающим с началом смены молочных зубов и установлением доминирования в результате единоборств щенков: «всех со всеми» и всех против

выявленных изгоев, «теряются», убегая «куда глаза глядят» от агрессии доминирующих сибсов и лихих хозяев. Способствует этому и летний сезон, изобилующий доступной пищей.

Вернувшись через полгода в «неприглядно-спасительном» виде, такие лайки уже не интересуют скорняков, и до линьки их вообще оставляют в «покое», а если и после неё они остаются в полувываливающей псовине, сваленной в колтуны, то им суждено оставить и соответствующее потомство.

Поэтому круглый год наш Север «переполнен» «недовылинявшими» лайками, среди которых ни зимой, ни летом почти невозможно увидеть лайку, «одетую» по сезону.

Если второй и основной пик избегания контактов с человеком наступает у собак-парий и «одичавших» лаек в период созревания псовины, то летом они частично утрачивают и антропофобию, что местные женщины используют для вычёсывания у них лишнего пуха, идущего в пряжу. Это позволяет чесальщицам дать «своим» лайкам клички, хотя те избирательно доверяются таким «хозяйкам».

Если этих лаек под видом «лайкоидов» отстреливают доброты ветнадзора и ретивые охотоведы, командированные для оказания «на местах» «практической помощи», то такие «хозяйки» за них не заступаются, предоставляя им спастись самим, что легче удаётся живущим на свободе. Но и с символической привязи лайки спасаются тем же способом, срываясь и разбегаясь при первых звуках выстрелов и визга подранков. Лишь убежание даже от силуэта отдельного человека, может спасти их от этой напасти.

Вид охотничьего ружья лайки уже давно знают на генетическом уровне, не нуждаясь для этого в личном опыте, и пассивно-оборонительная реакция у них достигает наибольшей силы на дистанции от человека в 40 его шагов, определяющих убойность мелкой картечи и нулевой дроби.

Это знание, закреплённое генетически, реализуется у них уже в возрасте 7–8 месяцев. Хотя таких знаний ещё недостаточно при охоте на них с карабином, но эта опасность не столь велика, ибо стреляют по ним без оптических прицелов и далеко не снайперы, а, как правило, пьяные отморозки.

«Зная» не хуже охотника убойную дистанцию выстрела в 40 шагов, собаки-парии Севера, следуя за человеком и собирая остатки его пищи, бдительно за ним наблюдают, не переходя этой черты, даже если он безоружен.

Они меньше опасаются его на расстоянии протянутой в их сторону руки, однако ещё лучше они знают, что и «безоружная» на вид рука бывает опасной, ибо в ритуальных целях, насчитывающих тысячелетия, аборигены душат своих лаек петлёй или закалывают ножом, которые легко спрятать под одеждой, но и эти орудия лова и смерти лайке также «генетически известны». Всё похожее на такие предметы, например загнутая ручка сложенного зонта, вызывает тревогу у взрослого ездового пса, привезённого в Москву с Чукотки трёхнедельным щенком.

Зная на генетическом уровне коварство человека со времён её становления у *Ното сарпиенс*, собака-пария, как и одичавшая лайка, взяв подкормку два раза из рук, в третий раз за ней не подходят.

Признаки антропофобного поведения наследуются, как доминантные признаки.

Освободить от них аборигенную лайку позволяет только скрещивание её с заводскими породами и разведением метисов два-три поколения «в себе» до возвращения им в F2-3 облика исходной лайки, и выщеплением рецессивной лояльности заводской породы. При полном же выпадении у неё доминировавшей антропофобии, она надолго исчезает из её генофонда.

Повторно её заносят в свободный от неё генофонд кроссбридинга его представительниц со сторонними носителями этого полигенного признака и обратным мутагенезом к её предкам, при воздействии прежних условий выживания.

Поскольку убийство собак в Японии преследуется уже с XVII в., их гомозиготность по лояльности к человеку можно гарантировать во всех японских породах (39, 45).

Поэтому в целях получения пользовательных метисов без антропофобии с сохранением остроты обоняния арктической лайки, её целесообразно скрещивать со шпицами Японии, ещё недостаточно используемыми в кроссбридингах с континентальными породами для их улучшения или получения пользовательных метисов.

6.3. Груминг и другие формы поведения

Характерным для собаки знаком расположения, наряду с выкусыванием мнимых эктопаразитов, является лизание мест, о которых все псовые «знают» со щенячьего возраста и пользуются ими, выпрашивая пищу или снисхождение доминант, стараясь наперегонки лизнуть взрослого пса в нос, «за что» шустрые щенки получают у него отрывку пищи. Принимая человека за взрослую особь, щенки ждут от него того же.

Двухнедельные щенки шакала, отказываясь брать кусочки мяса из рук своей воспитательницы, брали их у неё изо рта.

Мать, вылизывая новорожденным щенкам брюшко и промежность, вызывает у них экскрецию, которую щенки без помощи матери не могут осуществить, пока не начнут выходить из гнезда, что и обеспечивает в нём необходимую чистоту.

Лизание новорожденных щенков выражено у всех псовых настолько сильно, что иногда заканчивается их поеданием.

Особой чистоплотностью отличалась самка шакало-псового гибрида F1 по кличке «Зита», от которой произошли все ШПБ, существующие в настоящее время. Она вылизывала щенков до четырёх месяцев, достигая тем же способом исключительной чистоты и в своей будке, вылизывая деревянные стены и пол. Самки бастардов, полученные поглотительным скрещиванием с собакой, такой чистоплотностью уже не отличались.

Известна страсть собаки слизывать с посуды остатки пищи. Особым усердием отличаются фокстерьеры, у которых язык обладает повышенной мышечной силой. У некоторых метисов эта реакция приобретает вид синдрома, и они не притрагиваются к корму в полной посуде, а опрокидывают её, чтобы слизывать с неё его остатки. Кормление таких псов в клетке с решётчатым полом становится проблемой и им требуется непрокидываемая посуда.

Проблемы бытового характера псовые создают маркировкой помещений и предметов уринацией и дефекацией. Их маркировочная деятельность усиливается в новой обстановке. У кобелей она выражена намного сильнее, доставляя в быту хлопот, и даже препятствует их применению в местах общественного питания, на пассажирском транспорте, в детских и медицинских учреждениях и т.д.

Менее подвержены маркировочному поведению породы, «окультуренные» заводской селекцией.

После маркировки мочой и фекалиями большинство видов псовых энергично трут близь «адресного стола» о грунт подушечки передних и особенно задних конечностей. Потовые железы, сосредоточенные на подушечках лап, вместе с потом выделяют вещества индивидуального запаха, которым собака и создаёт на своей территории «адресный стол». Такой «стол» не пропустит ни один из её сородичей, чтобы так же не оставить в нём своей пахучей метки.

Движения, имитирующие мечение задними конечностями после дефекации и уринации, наблюдаются уже у месячных щенков фокстерьера.

Более неприятное поведение собаки, проявляясь синдромом диареи так называемой медвежьей болезни, которой подвержены все позвоночные, связано с её стрессовым состоянием. Она присуща диким псовым, их псовым гибридам, собаке-парии и даже военно-полицейской породе немецкой овчарки, выращенной в условиях информационной депривации.

Синдром вызывают стрессовые раздражители при невозможности животным иным способом их избежать. Таковыми раздражителями у неадаптированной к ним собаки являются на вокзале, скопления людей, где концентрируются и их стрессовые запахи,

Профилактикой «медвежьей болезни» собаке служит её поэтапная адаптация к этим и другим раздражителям, начиная с полуторамесячного возраста, продолжаясь сколько бы это не потребовало времени, если собака того стоит рабочими качествами.

6.4. «Террагоржевый рефлекс»

«Вдруг сырный дух лису остановил»
Крылов И.А., «Ворона и лиса»

Самым пренеприятнейшим в человеческом понимании поведением собаки является нанесение ею на свой шёрстный покров зловонных продуктов жира-белкового метаболизма, из-за чего на Востоке собаку вместе со свиньёй считают «поганым» животным.

Эту реакцию псовых на запах «острых сыров», схожую с реакцией кошачьих на запах валерианы, тереться шеей о грунт, известный этолог С.А. Корытин назвал «террагоржевым» рефлексом» от латинского корня terra (земля) и фр. gorge (шея).

Этологи объясняют эту реакцию «зверским» способом изгнания эктопаразитов, что, видимо, является её первопричиной, ибо блохи не выносят столь сильных запахов. Но если кошки в качестве репеллента предпочитают валериану, то у псовых для этих целей запаховый спектр значительно шире. Молодой волк, например, валялся на втоптаных в снег крошках ржаного хлеба, а шакал, в возрасте пяти месяцев, проявил эту реакцию на след губной помады.

Не исключено, что эта реакция многофункциональна, ибо пёс, принёсший на себе такие запахи, не вызывает агрессии собратьев, допустивших его на свою территорию. Так это происходит и у детей, когда малыш, оказавшись в кругу незнакомых ему сверстников, говорит им: «А у меня вот, что есть!» и те будут отвлечены от своих недружелюбных намерений знакомством с игрушкой. Но ведь так ведут себя и взрослые (!), что и сближает природу поведения людей и животных.

Наше объяснение происхождения этой реакции исходит из того, что эволюционно она могла развиваться у псовых в периоды их синантропии, из свойственной им копрофагии за человеком, став профилактикой не только от эктопаразитов, но и «гастрономических» интересов *Homo sapiens*.

Десятки тысячелетий первобытный человек, не имея дальнобойного оружия, добывал синантропов на мясо и шкуру с близкого расстояния, позволявшего ему не только разглядеть на них «знакомую субстанцию», но и почувствовать её запах. Как и теперь «человек разумный» тех лет брезговал заведомо непригодной добычей и оставлял «грязнуль» в покое. Добывая из своих «братьев меньших» лишь тех, кто отвечал всем его запросам, он в значительной степени их извёл.

А «вместо них» расплодился те, что «процветают» в настоящее время. И если диких псовых спасает врождённое «знание» дистанции убойного выстрела, то домашнего пса бережёт также и его «террагоржевый» рефлекс, позволяя ему избегать скорняжных устремлений современного человека, сохраняя при этом к нему свою лояльность.

Наряду с домашней собакой иногда подобным образом избегают промысла и песцы (*Alopex lagopus*), когда летом, кормясь мясом павших морских зверей, выброшенных приливом и «вскрытых» белым медведем, они успевают «проесть» в их тушах «норы». Песцов, попавших осенью в живоловушки, измазавшихся жиром

и кровью, выпускают, не передерживая до созревания шкурки из-за её полной непригодности. В следующем году эти перелинявшие звери, не найдя спасительной туши, погибнут, попав в ту же живоловушку, где их передержат до созревания шкурки, а затем забьют, но за лето они уже успеют дать и потомство.

Таким образом, не только собака, но и все виды, прошедшие «синантропию», выработали для защиты от элиминации человеком конвергентный «террагоржевый рефлекс» с использованием пахучих продуктов метаболизма, отпугивающих не только эктопаразитов, но и самого *Homo sapiens*.

6.5. Половой отбор и родительское поведение

Едва ли не самым загадочным в поведении животных, в частности псовых рода *Canis*, является половой отбор, ведущая роль которого в их эволюции очевидна (37). Чем руководствуются половые партнёры, отвергая предлагаемых им зоотехником зоопарка, вплоть до летального исхода, остаётся загадкой. Порой бывает легче подобрать партнёров для межвидового скрещивания, чем спарить ШПБ по «научно» разработанному зоотехническому плану их воспроизводства.

Далеко не все критерии зоотехнии соответствуют законам природы, и процесс возвращения к норме вида затягивается у собаки на неопределённые сроки. Если же не навязывать её природе свои решения, то естественный половой подбор порой настолько себя оправдывает, что кажется впору полностью отказаться от вмешательства в его процесс, если это не грозит засорением генофонда заведомо вредными признаками.

Подтверждением служит возврат облика у отдельных бесхозных метисов к «допородной» норме домашней собаки, напоминающих *Canis familiaris dingo*.

Восстановление нормы вида было бы у них успешней, не будь непрерывного засорения их популяций «свежими» метисами различных заводских пород.

Эволюция домашней собаки в её естественной среде обитания, в противовес искусственному отбору, зиждется на двух факторах:

- а) на элиминации псов с резко-аномальными отклонениями от нормы вида, привносимыми в её генофонд метизацией;

б) на обратном мутагенезе, приводящем к реверсии нормы вида.

Где человек не вмешивается в её «самоизреживание» (термин Т.Д. Лысенко), уничтожая в популяциях вольных псов «лишних» щенков, оно происходит у них естественным путём, начиная с единоборств «все против всех», а заканчиваясь «всех против побеждённых «изгоев» и изгнанием их из семейных стай.

В этот период драки щенков носят турнирный характер, и изгоняемый щенок уходит из семейной стаи со следами слюны и крови на своём теле не из повреждений кожи, а из дёсен победителей, теряющих в схватке свои молочные зубы.

И тогда «щенки-изгои» в возрасте трёх с половиной месяцев бегут трусой «куда глаза глядят».

Так их предки находили убежище у женской половины поселений *Homo sapiens*, становясь их ручными компаньонами и родоначальниками домашней собаки.

Но о новорожденных щенках, не «пригодных лишь для того, чтобы быть съеденными, показавших свою жизнеспособность, и до их первого критического возраста, наступающего с началом выпадения молочных зубов, мать проявляет одинаковую заботу.

Приняв меры предосторожности, чтобы не встревожить самку, стереотипное материнское поведение псовых можно наблюдать в зоопарке.

Реакция самки, встревоженной незнакомым человеком, проявляется поиском более надёжного укрытия для щенков, заканчиваясь их «затаскиванием» насмерть.

Но представительницы рода *Canis*, проявляя персональный импринтинг к воспитателю, не выражают беспокойства, если он берёт у них щенков в руки.

Прирученная самка шакало-псового гибрида, упомянутая «Зита», ошенившись зимой в холодной конуре, повела себя «более чем адекватно», когда её с тремя щенками её воспитатель переносил на руках в тёплое помещение. Двух он положил себе в карманы, а третьего «Зита» бережно держала в пасти за голову.

У домашней собаки при возвращении в гнездо своих выполняющих щенков и перетаскивании их в безопасные места, отмечаются индивидуальные и породные различия. Заводские породы эти реакции в значительной степени утратили.

Одной из причин является повышенная возбудимость их щенков, к чему привёл искусственный отбор «шустрых» щенков, вылезавших из конуры, а по существу, «выпадающих из гнез-

да», которых бы естественный отбор не пощадил. (См. описание Е. Оборотовой отбора щенков лайки у хантов и манси).

Когда сука берёт такого щенка зубами, то вместо того, чтобы замереть, как ведут себя щенки диких видов и большинства естественных пород, заводской отпрыск продолжает усиленно двигаться и, травмируясь о зубы матери, пищит, заставляя суку, адекватно реагирующую на писк, разжимать челюсти, отказываясь от попытки вернуть такого щенка в гнездо.

Но, как правило, домашняя собака служит хорошей приёмной матерью детёнышам не только близких, но и далёких от неё видов.

Выводок волчат, подложенных в возрасте двух недель выжловке, у которой не было своих щенков, смогли её «рассосать» и у той появилось молоко и материнское поведение. В то же время, когда суке к её щенкам в возрасте двух недель подложили щенка на две недели старше её собственных, она его убила.

Сука таймырской оленегонной лайки, оценившаяся в условиях комнатного содержания, приняв к своему новорожденному щенку щенка того же возраста динго, рычала на него на протяжении всего периода лактации. Возможно, её материнская забота была запрограммирована на одного щенка.

Другая оленегонная лайка на Таймыре, имея шесть трёхсуточных щенков и обнаружив по писку у своей, только что оценившейся дочери четырёх щенков, всех забрала себе.

Если подкладываемый щенок моложе щенков приёмной матери, то проблем не наблюдается. Когда у новорожденного щенка пала мать, и его подложили к оценившейся двумя неделями раньше её дочери, та его прекрасно выкормила.

Обычно взрослые лайки, в окружении щенков, не успевших вырасти к зиме, допускают их к себе под бок, когда те жмутся к ним, чтобы согреться и не сгоняют их, если те на них ложатся. Но так ведут себя далеко не все лайки, особенно охотничье-спортивные, убивающие не только чужих, но зачастую не щадят и своих, калеча их без видимых причин.

Известно, что в природе волки не защищают своих щенков от людей, хотя причина здесь другая, но обыкновенный шакал защищает, и его броски могут быть опасны своей внезапностью и для человека, особенно хватками «по месту» за нос.

Когда щенки, проявляя к человеку большую доверчивость, легко идут на подзыв, то и их мать, даже с сильной антропофо-

бией, вслед за ними также начинает идти на контакт с человеком, что при подкреплении лакомством может стать началом её приручения (64).

На Севере лайки сами находят убежища для щенения и выращивания своего потомства, рождение которого, как правило, приурочено к началу лета, хотя щенки у них могут родиться и осенью. Тогда сука пытается выкормить их даже под снегом.

Иногда суки роют нору на южной стороне песчаного бугра на глубину оттаявшего грунта. Но однажды в такой норе сука оленегонной лайки оценилась в начале зимы, когда вечная мерзлота уже начала «подниматься» и сука примёрзла к грунту своей длинной псовиной, промокшей околородной жидкостью. Сука и щенки погибли, ибо выволить их из довольно глубокой норы в тех условиях наступавшей полярной ночи было невозможно.

На широте Москвы норы роют и наши бесхозные собаки, благополучно выкармливая в них потомство во все сезоны года.

В отличие от будки, мало пригодной для суки со щенками, нора имеет в центре гнездовой камеры удобное углубление, куда щенки собираются «кучкой». Находясь там под контролем матери они пребывают вне опасности во время продолжения родов. К гнездовой камере ведёт прямая, от полутора метров и более, «труба», создающая теплозащитную воздушную пробку и предохраняющая щенков от крупных хищников и человека, задумавшего проявить к щенкам «интерес» или, как правило, сомнительное в них участие.

Если в зоопарке диких псовых содержат не на грунте, в котором им можно вырыть нору, они используют при щенении и традиционную собачью будку, но, испытывая в ней беспокойство, часто бросают щенков или в поиске более надёжного для них укрытия, затаскивают их насмерть.

Нора удобнее будки для щенения и первых дней жизни новорожденных. Нору, по мере роста щенков, сука чистит, выбрасывая загрязнённые слои грунта.

Освежаемый грунт содержит антибиотики, вырабатываемые почвенными грибами, поддерживающими в норе асептическую среду.

Щенки оленегонной лайки, рождённые вначале лета, получают всё им необходимое для роста и развития. Угрозой щенкам в этот период является лишь интоксикация от комариных укусов. Но щенки, успевшие до начала комариной напасти обрести

защитной псовиной, выживают. Около двух месяцев они питаются лишь молоком матери, а затем она начинает подкармливать их леммингами, которых ловит в тундре и приносит в своём желудке. Отрыгнув каждому порцию мяса, она снова уходит на охоту. Когда возраст щенков достигнет трёх месяцев, мать начинает приносить им и живых леммингов, приучая детей к «самостоятельной» охоте.

Зимой молодые оленегонные лайки без обучения находят зарывшуюся в снег стаю белых куропаток, руководствуясь издаваемыми ими звуками и улавливая исходящий от них сквозь снег запах, с расстояний до нескольких десятков метров, что свидетельствует о незаурядном чутье этих собак. Потревоженных ими птиц, вылетающих из снежных лунок, они ловят в моменты их взлета.

6.6. Подражательное поведение

В стае собак подражательное поведение (ПП) щенков взрослым в избегании опасности, исходящей от хищников, угроз от человека, автотранспорта, других губительных факторов, направлено на спасение их от моментальной гибели.

Однако для сохранения жизни требуется пищедобывательная деятельность, к чему щенки также во многом учатся у взрослых псов путём ПП.

ПП молодняка у волков и шакалов выражено сильнее, чем у собаки, тем не менее трудно себе представить, чтобы пастух-оленовод и промысловый охотник обучали своих лаек так, как это рекомендуют пособия по собаководству, рассчитанные на собаку некой отвлечённой породы.

Подготовка к работе молодняка аборигенных пород лайки сводится к подражанию взрослым «менторам», с которыми их берут на промысел, в кочёвку со стадом оленей или в упряжку на привязи к нартам.

Если щенок-реципиент, перенимая опыт взрослой лайки, превзошёл в работе своего «ментора», им будут дорожить и дальше, а если это сука, она продолжит и свой род, что, к сожалению, не выпадает на долю кобелей лайки, не часто избегающих кастрации.

Различия, позволяющие реципиентам превзойти своих менторов, не остаются незамеченными хозяевами, работающими с ними изо дня в день.

Наиболее способный молодняк, используемый в работе, сохраняет в себе, как минимум, рабочие качества породы, а по максимуму, их улучшает.

Таким образом, рабочее поведение аборигенных пород лайки формируется из врождённых реакций и навыков, полученных путём подражания и врождённой предрасположенности к специализациям, дополняемых собственным опытом.

Поскольку выполнение менторских функций взрослыми псами и ПП щенками-реципиентами раскрывает способности тех и других, обучение оленегонных, промысловых и ездовых лаек требует резервов щенков-реципиентов и взрослых псов на роль «менторов», ибо не каждый из них на это годится.

Подражательный метод подготовки собак является тем «новым», но «хорошо» забытым традиционным способом, который наилучшим образом сочетается с оперантным обучением.

Обращение к ПП аборигенных пород сулит новые возможности в подготовке и предрасположенной к нему оленегонной лайки в нетрадиционном применении её судебно-одорологической экспертизы, Службами спасателей, безопасности, таможни и др. (60).

6.7. Функциональное состояние, «вязкость»

Собака, будучи по своему происхождению не одиночным животным, каким её делают любительское содержание и питомники силовых ведомств, а стайным хищником, поэтому свои возможности она максимально проявляет в стае.

Человек, с незапамятных времен используя эффективность стай гончих, свор борзых, семей пастушьих, промысловых и ездовых пород лаек, реализует в них и ПП в обучении молодняка.

Стая, как охотничья единица, распределяя роли своим членам, обладающим взаимозаменяемостью, обеспечивает всем моральную и физическую поддержку.

Хотя бы символическая «поддержка стаи» требуется служебно-поисковым собакам (СПС), помогая им ПП при адаптации в незнакомой обстановке, а также лабораторным собакам-детекторам (СД) в освоении стереотипов ольфакторного поведения.

Порой в поддержании рабочего состояния СПС достаточно лишь присутствия в поле её зрения знакомого ей собрата более высокого ранга.

В рабочем поведении стаи, стайки или смычка гончих представляет интерес и ситуация потери следа, что на языке гончатников называется «сколом», за которым при распутывании следов часто происходит и смена лидеров.

Гончая, ведущая стаю, устает больше других, и на какой-то момент, теряя след, смолкает, что служит для стаи сигналом к выправлению «скола», чем та, не снижая темпа, начинает усердно заниматься (55).

По правилам испытаний гончих, если через две минуты «перемолчки» не восстановится гон и лидерство не перейдёт к гончей, «выправившей скол», оказавшейся наиболее быстрой и удачливой в поиске прямого следа, номер снимают с испытаний.

Гончая, нашедшая прямой след и погнав по нему впереди стаи, до этого могла быть и в резерве. Вожак, уступив ей лидерство и оказавшись в хвосте стаи, восстанавливая силы, двигается за стаей, срезая дуги, поддерживая гон редким лаем, когда улавливает запах гонного зверя.

Как гончих в стаях, так и племенную ценность бессменных вожakov в упряжках ездовых лаек можно выявить только в больших группах псов, поэтому во времена расцвета охоты с гончими, их количества в стаях достигали нескольких десятков, а упряжки насчитывали более дюжины лаек (42, 78, 107).

Поэтому там, где время решает всё, применение собак спасателей стайками повысит скорость обнаружения пострадавших, а стайки СПС скорее обыщут места заложенных взрывных устройств.

Ошибочно полагать, что собак любой специализации можно применять без необходимого резерва, особенно, если в задачу, помимо скорости достижения результата, входит и совершенствование породы.

Эффективность охоты на боровую дичь повышало применение двух легавых, помогавших одна другой, где каждая была подготовлена и на «докладе» (анонсе) охотнику о своей напарнице, «вставшей» в непроглядных для охотника зарослях.

К сожалению, это относится к прошлому не только в охоте с легавыми, но и с лайками, бравшимися на промысел всем выводком, когда к концу сезона оставались наиболее способные к работе,

что, повышая эффективность промысла, одновременно совершенствовало и породу. Если основная часть лаек в поиске пушного зверя, или, следя за птицей, «уходила со слуха», то другие, подобно легавым, специализировались на «докладе», приучавшем их одновременно следить за передвижением охотника и сибсами, уходившими в поиске дичи «со слуха».

В короткие зимние дни это повышало производительность промысла, помогая охотнику и в ловле подранков, и в поиске в глубоком снегу отстрелянных зверьков, падающих в заросли, покрытые кухтой и в других случаях.

При творческом подходе современных кинологов к своей работе, а не слепо следующих устаревшим нормативам, можно многое перенять из охотничьей практики и для применения СПС, что также повысит их продуктивность.

Применение только одной СПС в поиске ВВ и наркотиков чревато нулевым результатом, поскольку собаке, в среднем через 30–40 мин. работы, особенно трудоёмкой среди пассажиров, необходим такой же продолжительности отдых. Если же ей нет замены, а по собаке не видно, что она уже не в рабочем состоянии, её будут применять и дальше. Однако время, потраченное впустую на такую «работу», как правило, и является причиной пропусков искомых объектов.

В таких случаях «бесхитростная» собачка, просто отказывающаяся от работы, лучше той, что часами безотказно имитирует поиск. Грань перехода от поиска к его имитации реально существует у всех собак, но проблема в том, что каждая СПС может выражать эту «грань» «по-своему», определяемую безошибочно лишь наблюдательными кинологом и дрессировщиком.

«Простодушный» отказ от работы, не вызывавший сомнений, показал трёхмесячный щенок шакало-псового гибрида F2. Ему требовалось подать из высокого и густого бурьяна четыре кроличьих лапки. Это задание стоило щенку немалых усилий. Три лапки были поданы, а четвёртую щенок неожиданно понёс от дрессировщика в сторону и закопал под кустом. Его «нерабочее» поведение с предельной ясностью говорило, что он устал, и это занятие ему надоело. Но, проявив неэлементарную рассудочную деятельность, малыш оставлял ещё себе возможность воспользоваться этой лапкой в другое время. Ему, при незаурядном в его возрасте мастерстве поиска, для продолжения занятий не хватало в такой работе «вязкости», а об её имитации у него не могло быть и речи.

«Вязкость» ценное качество домашней собаки, чем дикие виды обладают лишь в рамках целесообразной для них необходимости, хорошо «зная», что за старыми воробьями гоняться – зря тратить силы. Но это на генетическом уровне «забыл» за десяток тысяч лет жизни в Австралии динго, где все местные виды были ему доступной добычей. Охотничий инстинкт позволял ему преследовать всё, что бегало и летало, проявляя при этом исключительную врождённую «вязкость».

Таким образом, «вязкость» это сила проявления ведущей мотивации, в данном случае трофической, определяется врождёнными и приобретёнными реакциями и её сила связана также с подготовкой собаки, развивающей вязкость.

Подготовка охотничьей и служебно-розыскной (СРС) и служебно-поисковой собаки (СПС) состоит в реализации их врождённой и развиваемой «вязкости» к работе, сокращающей у них нерабочие состояния.

Если причиной выхода из строя прибора стал перегоревший предохранитель, то, заменив его новым, работу продолжают с тем же прибором. Определить же причину неработоспособности СД, для того, чтобы, устранив её, продолжить работу именно с ней, занятие может и не совсем бесполезное, но крайне неблагодарное, требующее времени без гарантии на успех. Тем более мы не можем заменить у собаки больной орган. Поэтому если из обязательных трёх СД какая-то окажется в нерабочем состоянии, из резерва, подобно запасной детали прибора, берут равноценно подготовленную собаку. Если все три собаки окажутся нефункциональными, их заменяют из того же резерва, а уставшим и больным предоставляют отдых.

СД, показавшую в контрольном пуске результат ниже своих возможностей, то, чтобы не рисковать дефицитным, исследуемым материалом, такую СД отстраняют от работы, ибо форсировать её применение в нерабочем состоянии значит подкреплять данное состояние, вырабатывая нежелательную связь на ситуацию.

Поэтому в производстве судебно-одорологических экспертиз, поиске ВВ и других объектов на случаи потерь собаками рабочего состояния, требуется резерв, как минимум, из трёх равноценных дублёров. Но из-за их отсутствия форсируют дальнейшее использование тех, какие есть, не считаясь с их рабочим состоянием.

Это делит собак на имитирующих работу, что устраивает начальствующий состав так называемых специалистов, и на тех, что не поддаются нажимам, теряя в глазах таких горе «практиков» производственную ценность.

Распознавание собак, имитирующих работу, затрудняет их негативный опыт, поскольку такие собаки, импонируя тем, кто сам вводит проверяющие комиссии в заблуждение, вдохновляют и заводчиков на разведение «безотказных» собак.

К ним следует отнести военно-полицейские отродья Немецкой овчарки с её восточноевропейским отродьем (ВЕО).

Бывший начальник отдела СРС ГУУР МВД СССР Сергей Семёнович Подушкин из-за такой «особенности» основной служебной породы, разуверившись в её положительных качествах, упорно противился внедрению в практику и судебно-одорологической экспертизы, где поначалу применяли исключительно этих собак.

Но как раньше, так и теперь сержант-кинолог, из пяти ВЕО предложенных ему для работы в судебно-одорологической экспертизе, может подготовить не более одной.

Преодоление последствий нерабочих состояний СД в оптимальном варианте решает их 100%-ный резерв. Но ретивый бюрократ-чиновник ГУУР МВД СССР, исходя из своей «рачительности» государственных средств, учреждая отделам уголовного розыска (ОУР) количество СРС, взяв с потолка круглую цифру, «начертал» в приказе главка: «Не более десяти собак», что исполняется по сей день всеми структурами МВД, ибо это упрощает работу «всёмогущим и всё определяющим» бухгалтериям.

Но, если чиновнику ГУУР МВД СССР, было бы уместнее, несмотря на всю абсурдность подобных квот «учредить» в приказе, «начертав»: «Не менее десяти», то и тогда судебно-одорологической экспертизе потребуется не менее 40 СД, поскольку ей необходима постоянная подготовка ремонтного молодняка, а у экспертов-одорологов поддержание навыков дрессировки.

Как показал опыт кинологической службы в бывшей ГДР, специалист, 10 лет проработавший с одной подготовленной им «под себя» овчаркой, к концу её производственной жизни терял свои навыки дрессировщика, становясь слабее новобранца, выполняющего в подготовке «своей» собаки указания инструктора.

6.8. СТИЛЬ

В стандартах охотничьих пород поведение собаки затрагивается вскользь, поскольку составители стандартов относят эту категорию к правилам полевых испытаний. Но и там «стилю» в рабочем поведении собаки уделяют внимание лишь на испытаниях легавых (117).

Однако основные аспекты рабочего поведения охотничьих собак заслуживают рассмотрения и в стандартах пород, ибо правила ряда испытаний, например по утке и норному зверю, стирают различия не только близких, но и не родственных пород. В то же время совершенно разные стили работы могут оказаться у собак одной породы, например, у фокстерьера в работе по лисе.

Стиль без официального названия, условно названный нами «английским» и оцениваемый правилами испытаний не выше диплома второй степени, требует от фокстерьера, не нанося лисе повреждений хватками, побуждать её к выходу из норы. Смысл такой работы заключался в том, чтобы лиса, понорившаяся от гончих и выжатая из норы фокстерьером, годилась для продолжения прерванной парфорсной охоты. Если на выходах из норы поставить сети, но не петли, то лису, выбегающую под натиском фокстерьера, работающего в этом стиле, ловят неповреждённой, относят на удаление от стаи гончих и, дав ей фору, продолжают прерванную скачку.

Этот стиль, не требуя разрушения нор, наиболее экологичен. «Немецкий» же стиль (так же без официального названия) лишён «деликатности» «английского», но оцениваемый дипломом первой степени требует от пса хваток зверя «по месту» удержания его до принятия охотником, который, ориентируясь на голос собаки, доносящийся сквозь грунт, роет вертикальные шурфы.

Точность такой маркшейдерской работы мала, ибо пёс и, не переставая лаять, перемещается за отступающим зверем, останавливаясь лишь в тупых отнорках, из которых лиса может вырваться путём «размена». В случае же мёртвой хватки, псу требуется её самостоятельно вытаскивать на поверхность, что также не всегда ему удаётся. В случае же удушения зверя, застрявший труп лисы или притворившаяся мёртвой, енотовидная собака могут остаться в норе. Редкий фокстерьер, взяв зверя «по месту» и, оставаясь с ним в тупом отнорке, продолжает, не разжимая пасти, приглушённо лаять, что требует от пса незаурядных физических данных.

В другом случае, если образцом стиля работы английского сеттера служит «стелющийся бег кошки» и это требование подчёркивается на испытаниях данной породы, то у ирландского сеттера «рыск волка» не отражается на оценке работы собаки, ибо не каждый судья-эксперт представляет себе, что это за «рыск», хотя оба аллюра, свойственные хищникам, с эстетической точки зрения сопоставимы (117).

Если говорить об оленегонной лайке, то, с одной стороны, ей требуется быть предельно «вежливой» к телятам оленей, подобно колли к ягнятам, но с другой – необходимо уметь и постоять за себя в схватках с более крупными ездовыми и охотничьими лайками при заходах на их территории во время кочёвок со стадом. Как правило, такие качества очень трудно совместить в одной породе.

В связи с этим у оленеводов Ненецкого Н.О. даже возникла нездоровая идея скрещивать оленегонную лайку с драчливым ягдтерьером, что в корне противоречит назначению этих пород.

У промысловой лайки в поиске зверя резко возрастает дистанция «допуска» к себе охотника, избавляющегося от лаек с узким и неглубоким поиском.

Эта дистанция сокращается лишь при подходе охотника к лайке, остановившей зверя, или при её подзывах для помощи в ловле подранков, поиске отстрелянной птицы или белки в непролазных таёжных зарослях.

Не больше привязаны к охотнику и гончие, у которых «полаз» также должен быть «широким» и «глубоким», позволяя им «помкнув» лису, уходить за «красным зверем» «со слуха», гоняя, сколько выдержат организмы гончих и лисы, к счастью, имеющей возможность понориться от назойливых красноносов (42, 55, 107, 136).

Но если охотничьи лайки, спущенные с поводка, тотчас скрываются с глаз, а гончие также уходят искать след своего зверя, то оленегонные и ездовые лайки не стремятся терять с пастухом и каюром зрительной связи. Поэтому первые две породы, для поиска требующего от собак визуальной связи с вожатым, мало пригодны. Зато оленегонные лайки с их острым чутьём, и ездовые, как нельзя лучше подходят спасателям в горах, где породные качества ездовых пригодятся и для эвакуации пострадавших.

Напротив, в лесу, для поиска потерявшихся, семейка спортивно-охотничьих лаек, подготовленных искать человека, а не

белок и работающих с «докладом», как нельзя лучше подошли бы спасателям, где всё решает время обнаружения потерпевших.

Во время советско-финской кампании специальное подразделение Красной армии применяло финскую птичью лайку для обнаружения прятавшихся на деревьях шуцкёров-снайперов.

Подружейным породам не характерно уходить из поля зрения охотника, и натасканную легавую не приходится постоянно подзывать. Вместе с тем «анонс» или «доклад», упоминаемые в старой литературе об охоте с легавыми, из-за её упадка не предусмотрены и в правилах испытаний этих собак испытывают лишь в одиночных разрядах.

Ещё меньше отходят от ног хозяина псы норных пород, которых легко по «чёрной тропе» потерять, если они начнут самостоятельно работать вдаль от охотника, в найденной ими норе барсука. Поэтому их «позывистость» оценивают десятью баллами из ста. Однако эти псы теряются в «джунглях» больших городов чаще охотничьих лаек, любящих «погулять», но отовсюду исправно возвращающихся домой. Используя же ягдтерьера, как гончую или лайку, любители этого немецкого отродья ж/ш фокстерьера не думают о риске потерять столь «универсального» пса, замурованным в норе барсуком вдаль от хозяина, развившего у него качества этих пород.

В то же время позывистость оленегонной лайки и фокстерьера востребованы в поиске ВВ, наркотиков, других запрещённых к обороту объектов, что нашло отражение в скрещивании этих пород и получении пользовательных для такой работы метисов.

6.9. Чутьё (обоняние, слух, зрение, осязание)

Под обонянием понимают способность организмов реагировать на вещества в их газовой фазе, а также растворённых в воде, воспринимая их органами хеморецепции, или иначе, обонянием и вкусом (126).

Наряду со словом «обоняние», употребимым применительно к СД, СПС, СРС по отношению к охотничьим собакам, используется более ёмкое понятие «чутьё», включающее у лаек и гончих обоняние, слух и зрение, а у норных пород и осязание,

учитываемое, однако, лишь косвенно по травмам, получаемым ими при работе в норе (120).

Норматива «чутьё» нет в оценке работы борзых, формально оцениваемых по его элементу – «меткости» зрения, хотя и борзые в поиске «угонного» зверя переходят на «верхнее чутьё», а их промысловые отродья, работая на пересечённой местности, используют и «нижнее».

Какое место по значимости занимают в жизни пса обоняние, слух и зрение легко понять из весьма простого эксперимента. Для этого воспитатель молодой собаки оставляет её на поводке со своим помощником, а сам уходит и, двигаясь против ветра, скрывается за укрытием. Через 2–3 мин., обойдя собаку против ветра с противоположной стороны на расстоянии около 100 м, он начинает к ней приближаться. Как правило, на появление человека пёс залает, проявив «неузнавание» своего воспитателя. Если же тот его позовёт, то пёс, перестав лаять, может неуверенно повилить хвостом. Но когда воспитатель продолжит молча приближаться, пёс снова залает. И лишь уловив знакомый запах, он окончательно его узнаёт.

Служебные собаки, привыкая к виду своих вожатых в производственной униформе, не сразу узнают их в другой одежде, пока не уловят их «личного запаха», хотя собаки запоминают и лица людей, а родичам собаки и их гибридам запоминание в ситуациях, связанных с их стрессовыми состояниями, возможно с одного раза.

Пёс, потеряв в преклонном возрасте слух и зрение, обоняние теряет в конце жизни.

6.10. Ольфакторное поведение

Благодаря исключительной остроте и универсальным возможностям обоняния собаки человек не находит ей замены не только в детекции индивидуальных запахов (ИЗ). Несмотря на разработки «Электронных носов», тянущихся более полувека, ни путём использования в этих целях иных макросматов, она остаётся по-прежнему самым верным помощником криминалиста-одоролога.

Современные методики судебно-одорологической экспертизы позволяют по запаху индивидуума устанавливать в его

следах, изъятых с места события, вид, пол и возраст, физиологические, патологические и другие состояния, запаховые наложения эндогенного и экзогенного происхождения, связанные с образом жизни, профессией и другими диагностическими признаками личности фигуранта, необходимыми розыскным и следственным целям.

Начав с установления принадлежности следов конкретному лицу, теперь судебно-одорологическая экспертиза в эксперименте устанавливает по следам и время их образования, позволяя решать вопросы алиби лиц, подозреваемых в причастности к происшествиям.

В отсутствие круга подозреваемых и исследуя с помощью СД запаховые следы с места события, можно установить розыскные данные на лиц, причастных к событию, определив их пол, возраст, болезни, место жительства, профессию, физиологические и патологические состояния, другие розыскные признаки личности, используемые для установления участников и свидетелей преступления.

Особо востребованной специализацией СПС стали поиск наркотических, психотропных и взрывчатых веществ (ВВ) с обнаружением их запахов в недосягаемо низких для улавливания приборами концентрациях, что требует подробного рассмотрения, ибо такие возможности обоняния, даже у специально-подготовленных собак, вызывают недоверие у технократов, работающих над созданием в тех же целях «Электронных носов».

Рабочая гипотеза, объясняющая «исключительные» возможности обоняния СПС и СД, основываясь на их практическом применении, свидетельствует, что и концентрации испарений тугоплавких ВВ, не регистрируемые приборами, СД выбирают в лабораторных условиях в химически чистом виде, в полевых, находят в смесях, а их ничтожные следы в атмосфере замкнутых пространств обнаруживают в пробах, взятых на адсорбент из воздуха (способ дистанционного анализа воздушной среды («ДАВС»)) (49, 51).

Недоверие разработчиков «Электронных носов» к возможностям обоняния собаки подогревает невежественный скепсис и более «высоких оппонентов», выступающих с высоких трибун в защиту мнения «своих» учёных, заявляя, что: «Нельзя доверять безопасности Страны столь сомнительным данным, получаемым кинологами, даже не имеющими учёных званий».

А для большей «убедительности» ими «приняты меры», ограничивающие (вплоть до запрета в законодательном порядке) применять в подготовке СПС реальные ВВ, предлагая вместо них использовать специально разрабатываемые ими заменители.

Ограничив под ханжескими предложениями работу кинологов с боевыми ВВ, свободно применяемыми в этих целях полицией развитых стран, им взамен законодатели предлагают так называемые имитаторы, непригодные по определению целям подготовки СПС для поиска и обнаружения реальных ВВ.

Поэтому, чтобы снять у наших коллег-технократов их предвзятое сомнение о реальных возможностях специально подготовленных собак, а «оппонентов», облачённых законодательной властью, убедить отказаться от неприемлемых в подготовке СПС ограничений на использование реальных ВВ, коллегам требуется понять, что происходит в «чёрном ящике» запахового анализатора специально подготовленной собаки, на порядки опережая как в настоящее время, так и в обозримой перспективе самые современные «Электронные носы».

Для осознания того, чем грозит искусственное ограничение в подготовке СПС применение реальных ВВ, предлагаем воспользоваться нашей рабочей гипотезой о работе обонятельного анализатора теплокровных, в частности, собаки.

В её основе лежит закономерность, открытая доктором химических наук Э.П. Зинкевичем, более полувека проработавшим в области теории и практики хеморецепции или чувства запаха, показавшая, что у человека это чувство определённых химических веществ возникает только в присутствии кислорода воздуха и невозможно в атмосфере инертных газов.

Окисление веществ кислородом воздуха, происходящее в носовой полости, вызывает распад молекул «слишком» крупных для восприятия обонянием на массу мелких дериватов, посредством которых и ощущаются конкретные запахи.

По-видимому, и тугоплавким ВВ, для возбуждения обонятельного центра СД и СПС, также нужен распад тяжёлых молекул на их более летучие дериваты.

Но скорость окисления и распад любых веществ, попадающих с потоком воздуха, вдыхаемого в носовую полость собаки, обеспечивают ферменты, вырабатываемые её слизистой тканью, которой нет в приборах.

Мгновенное окисление веществ под воздействием ферментов сопровождается выделением тепла, также ускоряющим процесс распада, протекающий мгновенно, позволяя на бегу ощущать и конкретный запах, что выработано эволюцией всех макросматических видов, к которым принадлежит собака.

Чем совершеннее ферментная обонятельная система макросмата вкупе с его типологическими особенностями ВНД, тем выше скорость прохождения у него обонятельных сигналов и ответных реакций. По этим показателям различаются и собаки, в зависимости от их породы, пола, возраста и типологических особенностей ВНД.

Если для окисления ВВ путём взрыва требуется детонация, после чего на месте их сгорания остаются вода, углерод, углекислый газ и продукты неполного распада, по которым и устанавливают исходные ВВ, то их окисление и распад без детонации происходит крайне медленно, скупно накапливая на своей поверхности продукты окисления. Тем не менее окисление и распад происходят с образованием тех же дериватов, и чем старше образцы ВВ, тем больше на их поверхности этих продуктов. Их дериваты, наряду с возросшей бризантностью и летучестью, легче воспринимаются и обонянием СПС, обученной стереотипному сигнальному поведению (ССП) о факте обнаружения, например, химически чистого гексогена и других ВВ.

По-видимому, герметично упакованные кристаллические ВВ, до тех пор не обнаруживаются приборами и собаками, пока их газообразные или пылевидные микрочастицы не выйдут наружу.

К счастью, для обнаружения кристаллических ВВ они, хотя и медленно, но окисляются атмосферным кислородом, распадаясь на дериваты, возрастающей массе которых легче, проникнув сквозь негерметичную упаковку, выйти наружу уже при обычном механическом встряхивании.

Если слабая летучесть затрудняет обнаружение химически чистых тугоплавких ВВ приборами, то на регистрацию их неустановленных дериватов приборы не рассчитаны. А те же дериваты, поступая в носовую полость собаки, в следовых количествах мгновенно «доокисляясь», и в разы увеличив свою массу, многократно усиливают суммарный запаховый раздражитель, вызывающий у СПС реакцию ССП о факте обнаружения искомого ВВ (52, 54, 55, 57).

Происходит это по физиологическому закону сложения слабых раздражителей, в частности запаховых, суммарная сила которых, достигая «критического» уровня, мгновенно вызывает у подготовленной собаки ССП об обнаружении исходных ВВ, независимо от того, в какой запаховой смеси они ей предстали, что также является исключительным свойством избирательности в обонянии собаки.

Как показал Н.М. Мызников, кондиционирование в воздухе температуры до +20°C и влажности до 60–80% повышает остроту восприятия обонянием собаки некоторых запаховых веществ.

Но кондиционирование воздуха имеет вспомогательное значение, а основное повышение остроты обоняния обеспечивает собаке её собственное, внутреннее, «кондиционирование» потока воздуха, приносящего в носовую полость следы паров ВВ и других веществ, порог, восприятия которых мгновенно падает.

Независимо от метеоусловий организменный гомеостаз собаки поддерживает в её носовой полости нормальную температуру тела, влажность и изотоничность солевых растворов, что также необходимо для ферментации вдыхаемых веществ, ускоряющей их окисление и распад.

Однако исключительная избирательность и надёжность обоняния СПС может «зашкалить», если собаку, подготовленную к поиску следовых количеств ВВ (что мы имеем в препаратах), применить на «поиск» килограммов той же взрывчатки, а тем более «предъявленной» вроссыпь.

Примеры из практики свидетельствуют, что СПС могут такие количества ВВ «не обнаружить», что сопоставимо с несваримостью желудком избытка пищи, где, как и в носу, также работают ферменты, хотя и другие.

У неискушённых заложников столь порочной подготовки СПС такой эпизод вызовет, по меньшей мере, недоумение, зато у «высоких оппонентов» «укрепит» их «твёрдую убеждённость», что поиск и обнаружение ВВ нельзя доверять столь «ненадёжным» биодетекторам.

Но СПС, не будучи субъектом поиска ВВ, а на языке тех же технократов лишь живой обучаемой, а с добавлением приставки «само»: самообучающейся, саморегулирующейся и самонаводящейся системой, в которой все функции действуют одновременно и слаженно, вырабатывая ССП при обнаружении любых масс ВВ, если таковые использовались в её обучении. Именно поэтому они

и служат постоянными атрибутами подготовки СПС во всех развитых странах. Так, например, в полиции Чехии (Policie Psovod MPI, Sprava HL. Mesta Prahy) на учебный год полагается для обучения и тренировки СПС 25 кг разных видов ВВ, подлежащих в конце учебного года возвращению, с учётом частичных потерь, и списанию с последующим их уничтожением. Аналогичное было и у нас в Великую Отечественную войну и ещё после неё, при подготовке минно-розыскных собак (МРС), применявшихся для разминирования проходов в минных заграждениях и зачистке от мин освобождаемых территорий.

Но тех МРС успешно готовили к поиску неразорвавшихся снарядов, фугасов и минных ловушек специалисты, (ставшие известными учёными), применяя тротил, в том числе и немецкий, а не его имитаторы. Это максимально приближая подготовку МРС к практическим условиям работы, давало надёжные результаты и сапёры, работавшие с МРС, могли ручаться, где они прошли, мин и снарядов действительно не оставалось. Теперь же, под ханжеским предлогом заботы о «безопасности» страны, которой, как известно, «не бывает слишком много», нам предлагают делать то же самое, но не на реальной взрывчатке, применяемой террористами, а на имитаторах ВВ или в лучшем случае на их препаратах.

Не исключено, что террористы могут засорить пылью взрывчатки, не прибегая даже к этому умышленно, места вокруг своих ВУ и тайников оружия, поиск которых не обходится без применения СПС, но их подготовка без использования реальных ВВ может оказаться непродуктивной.

Особого внимания заслуживает и сенсбилизация обоняния собак-детекторов, требуя их тренировки к обнаружению следовых количеств паров ВВ в пробах, собранных из воздуха замкнутых пространств методом «ДАВС» (48, 49).

В рабочем ольфакторном поведении собак-детекторов и СПС ещё не находит осмысленного применения на практике физиологический закон сохранения силы «суммарного» раздражителя в его компонентах после их разделения. Неосознанно им пользуются в подготовке СПС, когда нет необходимых ВВ, и в качестве учебного реквизита применяют их упаковочный материал от боезарядов с остатками на нём, помимо ВВ, в основном сопутствующих стабилизирующих и клеящих веществ, представляющих запаховой «букет» боезарядов.

Осознанно этот феномен используют лишь в химических ловушках, применяя в качестве запаховых маркёров различные одоранты, помогающие специально подготовленной СРС «брать след» фигуранта, попавшего в сферу действия ловушки, отличая его следы от следов непричастных к событию лиц.

Пройдя замаркированным следом некоторое расстояние, на котором запах маркёра ослабевает, как если бы СРС проработывала обратный след, она запоминает сопутствующий усиливающийся запах фигуранта (следовой запах индивида (СЗИ), продолжая преследовать фигуранта и в том случае, если он избавится от замаркированных препаратом одежды и обуви, ибо СРС уже переключилась на проработку его СЗИ.

Запомнить СРС СЗИ фигуранта, более чем на равных с запахом препарата, позволяет её большая заинтересованность в натуральном СЗИ, нежели в маркёре, как бы тот не был «приближен» к специфичности обоняния собаки.

Тем не менее Т.Ф. Моисеевой удалось подбором высших жирных кислот создать запах с женским запаховым признаком, на который СД реагировали «почти», как на генетически обусловленный женский запах (49, 51).

Исследования А.В. Сурова также показали, что и отдельными фракциями вагинальных выделений хомячков можно вызвать у самцов половое поведение, свидетельствуя об универсальном характере закона замещения комплексного раздражителя отдельными его компонентами, сохраняя за ними силу всего комплекса.

Входящие в штатные боезаряды канифоль, парафин и другое используемые в бытовой химии вещества, могут служить причинами ошибочного ССП у СПС, реагирующих на запахи этих веществ, как на штатные боезаряды. Такое может произойти, если СПС готовят и тренируют не имея «чистых» образцов ВВ и их запах не становится для СПС ведущим, предпочитаемым всем прочим запахам.

Но чтобы не проводить малопродуктивные занятия, чреватые ошибками, подготовку СПС следует начинать с выработки сигнальной реакции на те ВВ, которые по недоступности обнаружения приборами актуальны и в той их массе, какая закладывается террористами в их взрывные устройства (ВУ).

Эти ВУ с отключёнными детонаторами полезно использовать в подготовке СПС. Компоненты таких ВУ, а не штатных боезарядов, после выработки на них у СПС сигнального поведения

удаляются, сохраняя за оставшейся «чистой» взрывчаткой силу комплексного раздражителя. К штатным же боезарядам следует идти от заведомо чистых ВВ, дополняя их чем угодно.

Сделать ведущим запах любого «чистого» ВВ дело двухнедельной тренировки, СПС с последующим поддержанием у неё на этот запах ССП в течение всего продуктивного периода её жизни, измеряемого приблизительно десятью годами.

Память же собаки на эти и другие подобные им запахи практически неисчерпаема.

Но способность СПС «замещать» искомое ВВ его фрагментами, относится к их так называемых химической экстраполяции, проявляющейся и в обнаружении новых им видов взрывчатки, содержащих общую для большинства ВВ нитрогруппу.

Руководствуясь ею, как признаком ВВ, в аммонийных квасцах, лекарствах, парфюмерии, продуктах бытовой химии и в применявшемся огнестрельном оружии, аммонале, порохах, селитрах, а также на предметах, извлекаемых из эпицентров взрывов, СПС во всех случаях реагирует на объекты, содержащие эту группу своим ССП, что далеко не всегда оправдано задачей поиска.

Но поскольку от селитр и порохов, составляющих самодельные ВУ, ущерб равнозначен таковому от мин и штатных боезарядов заводского изготовления, то и меры безопасности в отношении этих веществ должны быть сопоставимы, несмотря на возможные издержки от ошибок при обнаружении СПС объектов, не относящихся к предметам поиска.

Тем не менее продукты бытовой химии и другие, вызывая помехи в работе СПС, могут приводить к задержкам авиарейсов и другие, нештатным ситуациям со всеми вытекающими последствиями. Но указанные сбои в применении СПС устраняются специальной тренировкой собак на чёткую дифференцировку запахов ВВ и их нитрогрупп от прочих источников, что гарантирует их от ошибок со столь же чётким ССП при обнаружении самих ВВ.

Но столь якобы «тонкой» дифференцировки у СПС достигают всего лишь при наличии в учебных реквизитах как реальных ВВ, так и имитирующих их материалов.

На самом же деле ничего исключительно «тонкого» в этом для работы собаки нет, ибо она повседневно встречается и с непоставимо более сложными (на взгляд не только технократов) задачами, дифференцируя индивидуальные запахи (ИЗ) в смесях из десятков таких же индивидуальных комплексов запаховых

веществ человека и животных, образованных не единичными, как ВВ, а тысячами компонентов (54, 55, 198, 199).

О способности собаки к дифференцировке запахов также не столь «тонкой», но не менее впечатляющей, свидетельствует её распознавание на бегу «по чёрной тропе» направление запаховых следов индивида в условиях «многоследицы».

ЗСИ человека, как показал Э.П. Зинкевич, состоят из тысяч веществ, делясь на ряд фракций, из которых основные: а) насыщенные жирные кислоты (кислые липиды), наиболее устойчивые к окислению и распаду, конечные продукты белкового метаболизма, сохраняющие запаховый код индивида даже при нагревании свыше +100°C.; б) щелочные вещества; в) нейтральные вещества; г) фракции других веществ.

Все фракции кроме кислой, неустойчивы во внешней среде и, окисляясь с разной скоростью, изменяют физико-химические свойства запаховых следов.

По снижению этих изменений и повышению концентрации запаха следов в целом, собака и находит их «прямое» направление, отличая от «обратного», в котором качественные изменения возрастают за счёт окисления и выветривания распадающихся веществ, с падением общей концентрации запаха.

В целом этого достаточно не только собаке, но и другим макросматам, всегда выбирающим «прямой» след, предпочитая его свежие запахи окисленным.

На этом естественном предпочтении, при свободном выборе собакой наименее изменённых ЗСИ, разработан метод установления времени их образования на местах происшествий в условиях неочевидности.

Но такая судебно-одорологическая экспертиза требует консервации проб ЗСИ в момент их изъятия на месте события в морозильной камере и атмосфере CO₂, что прерывает микробиологические процессы на следоносителях и адсорбенте и окисление веществ запаховых следов.

В отличие от наиболее затратной ДНК-скопической экспертизы, требующей для своего анализа белковой субстанции, и при самой высокой достоверности, дающей вероятностные выводы, судебно-одорологическая экспертиза, используя лишь ЗСИ, собранные на месте события, и, применяя СД, категорично отвечает на вопрос: кому из круга подозреваемых лиц принадлежат данные следы.

Судебно-одорологическая экспертиза идентифицирует по ЗСИ и монозиготных близнецов, что недоступно ДНК-скопии, как и идентификация индивидуума по смешанным пробам ДНК, какой бы биологический материал она не использовала.

Способность же выслеживать свои жертвы по их ЗСИ, вне зависимости от «многоследицы», образуемой и идентичными близнецами, обычными у копытных и зайцеобразных, основной добычи псовых рода *Canis*, плотоядные предки собак вырабатывали многие миллионы лет.

Возможно когда-то архаичные хищники, также пользовались в распознавании запаховых следов своих жертв ограниченным набором запаховых компонентов из их индивидуального запахового комплекса, сопоставимым с тем, чем пользуется ДНК-скопия. Но принцип Долло не даёт оснований современным видам рода *Canis* повторять эволюцию, и возвращаться к тем далёким временам, когда идентичные близнецы зайцеобразных, копытных и других трофеев их охоты, вдогон по запаховым следам создавали им губительную «многоследицу».

Современные псовые рода *Canis*, различая по ЗСИ идентичных близнецов, используют весь их индивидуальный комплекс, состоящий из многих тысяч веществ эндогенного и экзогенного происхождения, позволяя хищнику создавать подробнейший запаховый образ преследуемой жертвы, обеспечивая тем и необходимую дифференциацию её запаховых следов в любых смесях, при любых обстоятельствах и любой погоде.

Химические вещества запаховых следов, «прорабатываемых» собакой, в том числе и идентичных близнецов, находят в её носовой полости необходимый для их мгновенного окисления кислородом воздуха гомеостаз температуры, влажности изотонического раствора солей, создающих среду, благоприятную для работы всей ферментной системы, обеспечивающей в конечном итоге процесс требуемой дифференциации.

СД выбирает в сравнительном ряду из «множества» образцов-статистов пробу СЗИ, сходную или различающуюся с образцом, предъявленным ей на «старте» либо заложенным в её оперативной или долгосрочной памяти иным способом.

О найденном в ряду выборки испытуемом запахе или искомом объекте на месте происшествия, СД оповещает ССП, состоящим из: лая, посадки и так называемого назального жеста – движения носом к источнику запаха, обеспечивая его «точечную локацию».

Низкая (запороговая) концентрация искомого запаха в пробе вызывает у СД незавершённые формы ССП, в частности в виде коротких приостановок.

Неверная интерпретация экспертом незавершённых форм ССП служит в судебно-одорологической экспертизе источником вероятностных заключений, являющихся её издержкой по вине эксперта, поскольку СД представляет в экспертизе не субъекта, а наряду с запахом объект и предмет исследования (143).

В настоящее время разрабатываются приборы, улавливающие нейросигналы в обонятельной системе собаки, работающей с околопороговыми концентрациями искомого запаха, на которые она уже не проявляет всех элементов ССП.

Качество же проявления собакой ССП на обнаружение испытуемого запаха зависит от сезонной активности её ферментной системы и обонятельных генов, от соотношения в её гено типе их функционирующих и так называемых спящих видов.

Примечание: Сезонные изменения остроты обоняния псовых субарктического и арктического происхождения сведены к минимуму у ШПБ, ибо ОШ, как субтропический вид, не меняет по слабо выраженным сезонам года остроты обоняния, передавая это свойство и своим псовым гибридам.

Степень проявления остроты обоняния у СД зависит и от её функционального состояния, и её оператора (кинолога), их сработанности в момент её применения, от степени её адаптации к нюансам и переменам его поведения, профилактикой чему служит систематическая смена её операторов в режиме работы: «Все со всеми». Такому режиму в питомнике обычно мешают персональные закрепления отдельных собак за каким-либо кинологическим расчётом.

В целом рабочие качества собаки зависят от подготовки и типологических особенностей её ВНД, а также функционального состояния на момент испытания.

Генетическое повышение остроты обоняния у собак конкретным веществам обеспечивает отбор пробандов, predisposed к проявлению этого признака в их рабочем поведении и однородный подбор пар-производителей при их воспроизводстве.

Совершенствование рабочего поведения собак-детекторов в целом достигается прогрессивными методами их подготовки и содержания, представляющих единый процесс.

Если в освещении СМИ затраты времени на разработку очередного «Электронного носа» и воспроизводство в тех же целях одного поколения СПС и собак-детекторов сопоставимы, то материальные затраты учёных и инженеров, пытающихся приблизить чувствительность своих приборов к обонянию собаки, несопоставимо выше кинологических затрат, включая и обучение специалистов.

Вместе с тем практика свидетельствует, что самая высокая продуктивность в контроле незаконных оборотов ВВ, наркотиков и других объектов достигается при комплексном использовании всех имеющихся средств: кинологического – по запаху, приборного, по физико-химическим сигналам и личного сыска по информации, получаемой от агентуры. Однако разработчики «Электронных носов», используя реальные материалы и имея в этом преференции по сравнению со своим естественным «конкурентом», обрекают его на работу с негодными средствами.

Поэтому госструктуры, обеспечивая безопасность электронными средствами и имея в этом преференции, не должны использовать свой ресурс в «сдерживании» развития кинологического контроля в части подготовки СПС, ограничивая ей доступ к реальным наркотикам и ВВ, ибо СПС реализуют свои возможности при подготовке не на имитаторах, а на реальном материале.

Подготовка собак-детекторов, «плавно» переходя в практическое применение, состоит из трёх этапов. На первом этапе дрессировщик знает место искомого запаха в ряду выборки и, раз за разом, доводя до него собаку, командой побуждает её выполнить ССП на запах, который она воспринимает при любых условиях.

На втором этапе, оператор не знает мест расположения искомых объектов, анонимно размещаемых его помощником. Но собака, как правило, ещё не может дать чётких сигналов обнаружения, ожидая команд дрессировщика, который и доводит её ССП до требуемой чёткости.

На третьем этапе ни оператор, ни исследователь не знают, присутствует ли в испытуемом объекте искомый запах, при этом в практическом материале он часто недостаточен или вовсе отсутствует. Но чтобы получить подкрепление, собаке требуется просигнализировать об его обнаружении. Для этого в ряду, помимо испытуемого объекта, в котором наличие искомого запаха представляет вопрос анализа, помещают и так называемый эталонный объект-

свидетель, с запахом, заданным собаке на старте выборки или отложенным в её памяти иной с ним работой.

Собаку, нашедшую в ряду искомый запах и получившую подкрепление, проводят до эталонного объекта, и за его обнаружение подкрепляют вторично.

Если собака не обнаружит испытуемый объект, что может служить признаком отсутствия в нём искомого запаха, то её подкрепляют лишь за обнаружение эталонного объекта, что и сохраняет у неё стереотип рабочего поведения.

Если же она не обнаружит и эталонный объект, её нерабочее состояние не подкрепляют, а работу не учитывают.

Данный стереотип, применяемый в судебно-одорологической экспертизе, оказался удобным и в изучении ольфакторного поведения собаки в целом.

Некоторые «неординарные» в ряду запахи вызывают у СД ориентировочную реакцию, и она обозначает их «своим» сигнальным поведением, которое может выражаться от еле заметной задержки у заинтересовавшего её объекта, до полноценного ССП.

Подкрепляя ориентировочную реакцию собаки на испытуемый запах, у неё можно развить на этот запах ССП. Раздражителем для такой реакции может стать как запаховый комплекс индивида в целом, так и любой его компонент.

Если он недостаточно силён для вызова ориентировочной реакции, к нему добавляют раздражители любых модальностей, образуя суммарный раздражитель необходимой силы. Когда СД станет обозначать его ССП, все вспомогательные раздражители постепенно, один за другим, убирают, наблюдая лишь за тем, чтобы собака продолжала обнаруживать то, что остаётся, пока не останется тот, «единственный», запах, обнаруживаемый собакой, как в «чистом» виде, так и в смеси с любыми дополнительными запахами. Искомым запахом может стать, как любой компонент из запахового комплекса индивида, так и вещество, вообще неспецифичное обонянию собаки, как ВВ, наркотики и другие, о чём сообщалось выше в работе по подготовке СПС.

Собака зверь плотоядный и предпочитает запахи животных, филогенетически связанные с её трофическими отношениями: хищник – жертва.

Например, её неизменно привлекают запахи зайцеобразных и редкий пёс не подаст голос на «горячем» следу зайца.

Принадлежа в Природе к хищникам-санитарам, собака выбирает запаховые следы индивидов (ЗСИ) с любыми патологическими отклонениями, а как зверь социальный, предпочитает ЗСИ знакомых особей и, наконец, как хищник-макросмат, предпочитает чистые ЗСИ смешанным; «горячие» «остывшим»; свежие, старым первичным, вторичным.

Но, как было упомянуто, ориентировочную реакцию на испытываемый запах в ряду гомологичных объектов у собаки можно вызвать его более высокой или низкой концентрацией по сравнению с запахами объектов-статистов.

В отсутствии установки на выбор в ряду гомологичных запахов конкретного запаха, СД может проявить ориентировочную реакцию на любой альтернативный запаховый признак.

Реакция вызывает у собаки-детектора запоминание «неординарного» запаха, становясь помехой в выборе и по образцу, заданному на старте. Избежать влияния таких помех на выбор по заданному образцу позволяет проверка толерантности СД к запахам ряда до начала их исследования.

Для этого в выборочном ряду, приготовленном к идентификационному анализу испытываемого запаха, СД применяют на выборку по образцу ЗСИ нейтрального донора.

СД, оказавшиеся нетолерантными к испытываемому запаху и запахи-статисты ряда, не уравновесившие (до «спокойствия») «неординарность» испытываемого запаха, подлежат заменам до тех пор, пока вся система, приготовленная к исследованию, в составе вспомогательных запахов и трёх СД, не придёт в функциональное состояние.

Ричард Аксель и Линда Бак, награждённые Нобелевской премией за открытия обонятельных рецепторов и организации обонятельной системы, утверждают, что у разных видов млекопитающих, а у собак, в зависимости и от их породы, гены, отвечающие за обоняние определённых запахов, могут быть в активном и в «спящем» состояниях, хотя их общее количество приблизительно но у всех одинаково (2).

Домашняя собака, унаследовав обоняние от диких прародителей, не во всех породах сохранила его первозданную остроту или (ферментную) активность обонятельных генов.

Известный исследователь генетики поведения животных Леонид Викторович Крушинский, изучая остроту обоняния у разных пород собак, используя свой ольфактометр, показал, что,

«разбудив» сенсibiliзирующим тренингом «спящие» обонятельные гены собаки, можно повысить у неё остроту обоняния, например к китовому мясу, более чем на два порядка (66).

У арктической лайки обоняние наиболее обострено к высоколетучим веществам. По ним она приспособилась дифференцировать ЗСИ животных и человека, находить пропитание в условиях полярной ночи при температуре, опускающейся ниже -70°C , когда большинство летучих веществ, кристаллизуясь, теряют свой запах.

Обоняние охотничье-промысловых лаек обостряет и их индивидуальный отбор на пригодность «тропить» пушных зверей в сезон промысловой охоты, с ноября по март, когда в Сибири не только у полюсов холода держится экстремально низкая температура.

Арктические ездовые лайки в упряжке руководствуются обонянием в поиске занесённых снегом санных путей и, разгоняясь на ледяных трассах рек, своевременно обнаруживают по запаху реки, припорошённые снегом разводья.

Этих собак традиционно применяют на промысле нерпы, в который входит поиск ими нерпичьих лунок по запаху морской воды, выходящему из трещин в торосах, занесённых снегом, а по запаху самой нерпы и посещаемость ею своих лунок.

Оленегонной лайке обоняние позволяет находить в полярную ночь по следам не только своих, не самых заботливых хозяев-кочевников, но и домашних оленей. При этом даже свежие следы тех и других на морозе не менее -50°C , а в полярную ночь и ниже -70°C , язык не повернётся назвать «горячими», при всей условности этого понятия.

При температуре «сухого льда» большинство веществ утрачивают запах, и только наиболее летучая часть из них сохраняет свои запаховые свойства. Если учесть, что самая низкая температура в Арктике приходится на полярную ночь, длящуюся на Таймыре около четырёх месяцев, когда снижение зрительной ориентации восполняется в основном обонятельной, и лишь частично слуховой, нетрудно понять значение обоняния для арктических зверей.

Исследователь обоняния пушных видов Сергей Александрович Кoryтин показал, что обоняние песца (*Alopex lagopus L.*) самого высокоширотного вида семейства Canidae (1), на порядок острее обоняния псовых средней широты.

Но ареал песца лишь краем заходит в места обитания оленегонной лайки, где находятся полюса холода. И хотя Корытин не исследовал обоняние этих лаек, полагать, что они уступят по остроте обоняния песцу, нет оснований (61).

Благодаря чутью промысловой лайки охотнику с лихвой хватит выручки за одного добытого с ней соболя, чтобы окупить затраты на её содержание.

И пастух понимает, что в сохранности стада оленей он обязан лайке и, не задумываясь, поделится с ней своим скудным провиантом.

А каюр, жизнью обязанный вожаку своей собачьей упряжки, вовремя остановившему её бег у полыньи, готовой затянуть неосторожных путников под лёд, не пожалеет отдать ему последний кусок. Так, по крайней мере, хотелось бы думать об этих людях, исходя из того, что мы о них слышали.

ОШ, представляя субтропический вид, обладает не менее острым обонянием, но в ином спектре запахов. В отличие от сорочичей субарктики он сориентирован на восприятие в следах своей добычи запахи слаболетучих веществ, поскольку в субтропиках при экстремально высоких температурах воздуха, высоколетучие компоненты запаховых следов быстро выветриваются.

Трофическое поведение ОШ специализировано также на поиске по следам самок копытных в период рождения ими потомства, поскольку их плацента и павшие детёныши входят в его сезонное меню. Это требует от хищника-собираателя чёткой дифференциации по запаху следов, в том числе и не первой свежести, их половую принадлежность, ибо присутствующие самцы, отвлекая хищников на себя от самок, укрывшихся перед родами, создают из своих следов «заградительную многоследицу».

В связи с этим с ШПБ, в качестве детекторов запаха, легче, чем с обычными собаками устанавливать половую принадлежность следов и время их образования (в эксперименте с точностью до получаса).

В эксперименте ШПБ легко дифференцировали половую принадлежность запаховых следов глухаря (*Tetrao urogallus L.*) и домового воробья (*Passer domesticus L.*), хотя у птиц иная хромосомная детерминация пола. Оказалось, что они также легко дифференцируют по запаху и пол насекомых.

Таким же обонянием типичного хищника-собираателя семейства псовых, (*Canidae*), но далёкой от рода *Canis*, обладает и еновидная собака (*Nyctereutes procyonoides*).

По сообщению эксперта-одоролога ЭКЦ МВД РФ З.Ю. Панфиловой, самка этого зверя, прирученная и подготовленная ею для детекции запаховых следов человека, существенно превосходила рабочими качествами СД декоративных пород, используемых в отделе исследования запаховых следов человека.

Объяснить отсутствие в классе млекопитающих видовой специфичности в запахе пола лишь общими половыми X-Y хромосомами нельзя, поскольку в следах птиц и насекомых, имеющих иную половую детерминацию, ШПБ так же легко различают самок. Это оправдано тем, что ОШ, по запаху самок птиц, гнездящихся на земле, находит их гнёзда с кладками яиц и птенцами, как и самок крупных насекомых перед откладыванием яиц, более упитанных, нежели самцы, добыча которых не оправдала бы энергозатрат на их ловлю.

Обоняние ОШ как субтропического вида, стабильно во все сезоны года, что наследуют и ШПБ (60). Поэтому, несмотря на то что гибриды европейского подвида ОШ (*Canis aureus moreoticus*) и Таймырского отродья оленегонной лайки наследуют и антропофобию обоих партнёров, они вполне достойны серьёзного внимания прикладной кинологии. Да и доминантный характер признаков антропофобии упрощает её устранение размножением ШПБ «в себе».

Происходящие в F2-3 рекомбинации признаков, с возвратом лояльности к человеку, из рецессивного состояния в гомозиготное, позволяют в последующих F достичь полной утраты ШПБ признаков прежней антропофобии.

По наблюдению известного американского писателя-натуралиста Сетон-Томпсона, пастушья собака запоминает индивидуальные запахи всех овец вверенного ей стада, что позволяет по их запаховым следам находить своих овец, прибывших к чужим отарам (140). Не случайно служебно-розыскная порода, завоевавшая весь мир, получилась из Немецкой овчарки, хотя её аналогия, выведенная из динго, возможно, была бы ещё лучше, если бы ту не испортили, скрещивая с травильными породами (4, 54, 82).

Кроме заводских пород борзых, узко специализированных в поиске зверя зрением, все остальные породы борзых пользуются в этом и обонянием.

В породе русской псовой борзой пробандов, проявлявших ориентацию на запаховые следы, исключали из разведения.

В результате, даже шея у выдающихся представителей этой породы претерпела заметное укорочение, не позволявшее псам опускать нос к земле, что, однако, не мешает им в поиске «угонного» зверя пользоваться верхним чутьем (78).

Любая специализация обоняния собаки сопряжена с регламентацией в её ориентации на «посторонние» обонятельные сигналы. Вначале ограничения вводят путём дрессировки, затем переходят в подбор пар, предрасположенных к поиску лишь «своих» объектов. В результате селекции интерес к «посторонним» запахам в породе сужают, оставляя за ним исключительно «свои» объекты, пополнив в новой узкоспециализированной породе количество «спящих» обонятельных генов.

Но без целенаправленной селекции выведение любой новой породы окажется несостоятельным, свидетельствует мировая практика, с чем и связаны издержки любой специализации, выражающейся в потере у части обонятельных генов их активности.

Казалось бы, отбор по «чутью» охотничьих пород собак, проводимый на полевых испытаниях уже более 100 лет, должен был способствовать развитию остроты обоняния хотя бы у наиболее «продвинутых» пород, но на практике происходит нечто обратное.

Примером служат гончие, легавые, спортивные лайки, которым на полевых испытаниях судейские комиссии, осуществляющие оценку их охотничьих качеств, не дают дипломов, исключая собак из разведения как раз из-за «слишком острого» обоняния. Дело в том, что этим породам присущ общий «порок» так называемые ложные сигналы обнаружения зверя и птицы по их запахам, без очевидности судейскими комиссиями самих объектов поиска.

У гончих нежелательным сигналом к снижению оценки служит и так называемые добор, когда гончая, выражаясь тем же языком гончатников, «помкнув» по старому, запутанному следу, оставленному зайцем во время ночной жировки, «вязко» кружит по поляне или опушке леса с редкими «отдачами голоса», стараясь выйти на прямой след, что ей никак не удаётся. Гончую, за такой «мароватый» гон с «добором», обычно снимают с испытаний, и если он у неё систематически повторяется, ей не суждено получить полевой диплом, чтобы войти в племенной класс. А гончая той же породы, но с обонянием не столь острым, проскочит, не удостоив вниманием слабый для неё запах ночного следа и

не задержавшись в «доборе», а «побудив» зайца, «перевиденного» судейской комиссией и, отработав по его «горячему» следу час, получит свой диплом, открывающий ей доступ производить себе подобных, поскольку и половой партнёр с дипломом того же достоинства будет ей обеспечен.

Проведённая Л.В. Крушинским ольфактометрия чемпиона породы русских гончих знаменитого «Трубача» ВНИО и его потомков, показала, что острота обоняния у них значительно слабее, чем у немецкой овчарки и беспородных собак (66).

По личному сообщению охотоведа СВО МВО Э.С. Шибаяева, наганиявая молодых русских гончих, он вынужден снимать обувь и ходить по лесу босиком, дабы его подопечные могли найти своего нагонщика по его «горячим» следам. Такое было бы нелепостью в «нахаживании» молодняка промысловых лаек, которым во все сезоны года хватает остроты обоняния, чтобы не потерять в тайге своего хозяина.

Но, учитывая реальное обоняние гончих, правила их полевых испытаний не допускают проведение испытаний при температуре ниже -20°C .

Аналогичный отбор проводится и у легавых, когда им снижают оценки, оставляя без полевого диплома (и племенного класса), если на испытаниях они постоянно допускают «пустые стойки», принимая сигнальные позы в сторону якобы сидящей птицы, а на самом деле в направлении её следов другой на месте бывшей «сидки», с которой птица слетела или под пологом травы ушла (110, 120). Естественно, что след дупеля, бекаса, коростеля, и другой «спортивной дичи», «прихваченный» «верхним», а не «нижним чутьем», пахнет слабее самой птицы. Но полевой диплом дают не за остроту обоняния, а как раз наоборот, если на следовой запах дичи легавая вовсе не реагирует (71, 180). Поэтому не только английским легавым, но и немецким, шире применяемым в поиске подранков, не нашлось места в судебно-одорологической экспертизе, кроме единичного случая использования дратхара в ЭКЦ ГУВД г. Барнаула.

Аналогичный отбор происходит и у спортивных лаек, отодвигающий их обоняние на второй план. В подобной ситуации, из-за отсутствия объекта поиска лайке также снижается оценка за «пустые полайки», при уходе белки по смыкающимся кронам деревьев и «псевдопустые», при её крепком затаивании в густой, покрытой снегом вершине старой ели.

То же самое происходит при отлёте птицы до подхода судейской комиссии, когда судьи не могут засвидетельствовать улетевшего рябчика, где не помогают ни удары обухом по стволу дерева, ни даже отчаянные «лазальщики», отваживающиеся для выявления зверька добраться до вершины густой заснеженной ели. Если лайка упорно облаивает ель, на которой остались для неё злополучные следы, а объект охоты неочевиден, то её «полайку» также будут считать «пустой». В такой ситуации лайки, больше доверяющие слуху и зрению, пользующиеся не обонянием, а скоростью бега, покажут лучшие результаты, найдя белку на невысокой сосне и, получив свой диплом, будут допущены к размножению себе подобных.

В отличие от легавых, спаниелям возбраняется искать верхним чутьём. Они ищут дичь по её следам, не отрывая носа от земли, не позволяя себе делать дальних прихваток запаха, что ждёт и спортивно-декоративное отродье военно-полицейской Немецкой овчарки, так как её спортивное испытание следовой работы так же третирует «верхнее» чутьё. В обоих случаях поиск «по спортивным правилам», став самоцелью, важнее результата, когда игнорируется естественное стремление собаки использовать все возможности своего обоняния для нахождения фигуранта, где самым объективным критерием может быть лишь время, затраченное на обнаружение искомого объекта.

Но у спорта «свои критерии», из-за которых спортивные породы и отродья становятся всё менее пригодными для решения практических задач.

У собак, используемых в поиске ВВ и других объектов по их запахам, а также в судебно-одорологических экспертизах, существуют два «рода» ошибок.

Ошибки «Первого рода» происходят от недостаточно острого обоняния у СД, не нашедшей искомый запах там, где его находят более чутыистые СД.

При ошибках «Второго рода», СД, пребывая в нерабочем состоянии, допускает сигнал обнаружения искомого запаха там, где его нет.

Поэтому, чтобы не зависеть от нерабочего состояния СД, их применяют тремя собаками, с проверяемым в момент применения рабочим состоянием, при таком же количестве резервных, на случай замены части собак, несостоявшихся в работе.

Если ошибку «Первого рода» допустила бы вся группа подготовленных СД, что, как правило, не случается, то заключение эксперта могло бы утверждать, что: «В представленном объекте, индивидуальный запах подозреваемого «N», не обнаружен». Но такие примеры, когда все применяемые в экспертизе СД не обладали бы для представленного на исследование материала достаточно острым обонянием, случаются не часто.

Однако отрицательный вывод из-за недостаточно острого обоняния СД никому взысканием не грозит, ибо отсутствие в стране независимых лабораторий не позволяет производить повторные судебно-одорологические экспертизы. А для суда, возможно, найдутся и другие улики, поскольку одна не решает его исход.

Опаснее ошибка «Второго рода», которая может повлиять на обвинительное заключение. Но и такое, невозможно, благодаря применению трёх СД, у которых функциональное состояние тестируется во время работы и ошибки маловероятны.

Однако бывают исключения, когда СД не хватает, и вина в этом уже не эксперта, а экспертного учреждения, не обеспечившего условий для производства качественной судебно-одорологической экспертизы.

И наоборот, за ошибки у СПС ВВ «Второго рода» не последует служебного расследования «неправильных» действий кинологических расчётов, если это не вызовет длительной задержки авиарейса, а повлечёт лишь неудобство, этического характера, связанного с дополнительным досмотром лиц, не причастных к нарушениям.

У СПС ВВ неизмеримо опаснее ошибка «Первого рода», если не будет «обнаружено» взрывное устройство (ВУ). Поэтому ищек ВВ, хотя и обладающих незаурядным обонянием, также применяют группой из трёх СПС, при одной, находящейся в резерве, что позволяет работающим СПС, по мере их уставания, своевременно производить замену, не снижая темпа и качества патрулирования терминалов и кинологического обследования объектов аэропорта.

Обе специализации могут иметь общие издержки, при которых эксперты судебно-одорологической экспертизы довольствуются паллиативными породами собак со слабым обонянием, а вожатые СПС мирятся с их слабой подготовкой.

Если при этом те и другие, даже имея возможности, не стремятся заняться племенной работой по совершенствованию обоняния своих собак, а приобретают, руководствуясь требованием бухгалтера, «только чистопородных» по документам собак, не зная на заведомо «спортивно-декоративный мусор».

6.11. Слух

Слух, занимает у собаки по значимости второе место после обоняния, по остроте значительно превосходя слух человека, воспринимающего ультразвук частотой не выше 17 килогерц, тогда как собака слышит ультразвук свыше 30 килогерц.

Особенно острый слух у диких видов рода *Canis*. ОВ по звуку позёмки распознаёт под снегом пустоту над капканом и обходит это место. А охотнику подойти к ОШ на выстрел ещё труднее, чем к ОВ, ибо ОШ, обитая в тугаях и зарослях тростника, приглушающих звуки, обладает обострённым слухом.

Не случайно древнеегипетский бог Анубис, охраняющий Врата в Царство Мёртвых, изображался с головой, похожей на голову нубийского волчьего шакала, от которого домашняя собака унаследовала лай, как сигнал тревоги и его сторожевые качества, из которых главная роль принадлежит слуху.

Об остроте слуха охотничье-промысловой лайки говорит форма постав и подвижность её ушных раковин. Если они напоминают уши обыкновенной кошки, то и остротой слуха лайка ей не уступит. С таким слухом лайки распознают в летнем шуме леса шорохи и звуки, издаваемые белкой на расстоянии свыше 100 м, где звук, отражаясь от стволов деревьев, создаёт в поиске его источника резонансные помехи. Только высоко поставленные и исключительно подвижные ушные раковины позволяют охотничье-промысловой лайке дифференцировать звуки, издаваемые в высокоствольной тайге птицей или зверем и находить их источники.

Об остроте слуха промысловой лайки говорят и её сторожевые качества, позволяя ей за 20 мин. до подхода к зимовью постороннего человека, оповещать лаем о его приближении.

Уши, выполняющие функцию «радиаторов охлаждения», у гончих, легавых, спаниелей, ретриверов не говорят об остроте слуха у собак этих пород, как и небольшие, но мало подвижные ушные раковины у бультерьера.

6.12. Зрение

Псовые рода *Canis* обладают хорошим зрением, и собака практически не утратила в процессе домостикации его свойств. Она хорошо различает в ночное время интересующие её объекты. В настоящее время вопрос о цветовом зрении у собаки решается в его пользу и есть уже экспериментальные доказательства, что собака различает некоторые цвета, как например, синий и жёлтый.

У борзых зрение служит ведущим анализатором, связанным с их охотничьей специализацией, но его особенностью является не столько способность узнавать картины и образы, а улавливать на относительно больших расстояниях движение охотничьих объектов.

Но собака пользуется зрением не только в слежении за движущимися объектами, а, как показал Л.В. Крушинский, и в различении плоских и объёмных фигур. Запоминая их, она руководствуется видом окружающих предметов и при ориентации в пространстве вырабатывает на них зрительные связи, как и на сигнальные жесты пастухов, а также вожатых СРС и СПС (8, 157).

Вид незнакомых предметов вызывает у собаки ориентировочную реакцию, которая по мере ознакомления с ними угасает. Её используют для выработки условной связи, подкрепляя движение к ним командой: «Хорошо!» и лакомством, а запрещая командой: «Фу!» и натяжением поводка реакции гасят.

Положительные условные связи, выработанные у СПС к определённым зрительным раздражителям, используют при её адаптации в незнакомой обстановке, размещая их на виду, что снимает у собаки тревожные состояния (8).

Обучая собаку поиску и обнаружению объекта по запаху, вначале у неё образуют на него положительную зрительную связь, после чего переходят к его укрытию, оставляя собаке возможность воспринимать лишь его запах.

6.13. Осязание

Специальными органами осязания у всех зверей служат производные от волос вибриссы, симметрично расположенные на всех выступающих частях тела.

У псовых их больше всего на голове, в области морды, где они достигают наибольшей толщины, длины и обладают целенаправленной подвижностью.

В пассивном состоянии они прижаты в направлении от носа к скулам, а в активном направлены к носу и, выходя далеко за его пределы, прикасаются к объектам в момент их обследования животным.

Предок собаки, ОШ с помощью вибрисс осязает свою мелкую и проворную добычу: мышевидных грызунов, рептилий, амфибий и крупных насекомых.

Вибриссы, расположенные по краям головы помогают ОШ отыскивать лазы в зарослях колючих кустарников. Однако и остевые волосы, покрывающие его корпус, несут ту же функцию. Основная часть этих функций сохранилась и у лайки, обеспечивая ей свободное передвижение в таёжных дебрях.

Гладкошёрстному фокстерьеру (ГШФ) вибриссы, как и ОШ, помогают в ловле крыс и работе в норе. Используемый в тех же целях жесткошёрстный фокстерьер (ЖШФ) уступает гладкошёрстному, ибо его вибриссы, подвергаясь, как и вся псовина, триммингу, утрачивают и свою осязательную функцию. Не имея вибрисс, он при работе в норе в кровь разбивает себе надбровные дуги, что, однако, не считают недостатком породы, поскольку в испытаниях имеют значение лишь повреждения, полученные от хваток зверя, скрываемых у ЖШФ его псовиной.

Вибриссы СД воспринимают и притяжение статического электричества на предметах из диэлектриков, образующееся при их трении. Для исключения этих помех в работе СД в ряду, составленном из стеклянных банок, передвигаемых по пластиковому покрытию пола, статическое электричество снимают, накрывая их металлическими экранами.

6.14. Болевая чувствительность

На боль основная масса собак отвечает визгом и лаем высокой тональности.

Щенки аборигенных пород лайки уже в возрасте месяца тем же визгом, не испытав ещё боли, оповещают и о грозящей им опасности.

Пороги восприятия боли (и грозящей опасности) у собак имеют породные и возрастные различия. Хотя щенки лайки наиболее чувствительны к тому и другому, но их терпеливость с возрастом возрастает.

Уровень болевого порога зависит от эмоционального состояния собак.

«Ярость» в схватках между собой или со зверем его понижает.

Малочувствительны к боли триммингуемые породы, а также, используемые в травле зверя псы норных и бойцовых пород. Порог болевой чувствительности наследуется как рецессивный признак.

6.15. Голос

«Варом-варит закипевшая стая
Дивной гармонией нежится слух!
Однопомётников лай музыкальный
Хор так певуч, мелодичен и ровен,
Что твой Россини! Что твой Бетховен!
Кто же охоты собачьей не любит,
Тот в себе душу заспит и погубит».

Некрасов Н.А. «Псовая охота»

Лай – ценнейшее свойство домашней собаки, доставшееся ей от африканского предка *Canis simensis* и, как диагностический признак вида, стоит на втором месте после манеры держать хвост в кольце, ибо есть обширные территории, где собаки аборигенных пород, под прессом элиминации крупными кошками, лай утратили (45, 39, 76). К таким относятся: австралийский и ново-гвинейский динго, ряд пород Центральной Африки.

Оба подвида динго утратили лай, продвигаясь с человеком на Юг Азии через ареалы крупных кошек.

Также африканские породы, потеряв свободу передвижения диких сородичей из-за своей зависимости от человека, оставались и погибали до тех пор, пока их популяции не перестали лаять.

Дикие же предки собаки, оповестив свою стаю об опасности лаем, могли своевременно уйти из мест, где обосновался опасный их хищник.

Молодой же пёс европейского происхождения, почуяв запах незнакомого человека, непременно залает, так впервые проявив сторожевое поведение.

В подобных ситуациях «взлаивают» ОВ и лиса. А «горячий» след зайца редкий пёс не отметит своим вокалом, и этот сигнал обнаружения дичи издревле культивируется во всех породах, кроме тех, что утратили свой видовой признак под прессом крупных хищников.

У ШПБ, обученных ССП, испытуемый запах, задаваемый на старте к поиску в ряду выборки, уже после нескольких секунд «занюхивания» образца может вызвать лай, свидетельствуя о тесной связи обонятельной системы с голосовым центром, хотя лай на старте не входит в стереотип рабочего поведения СД.

Когда СД в момент поиска искомого запаха в ряду выборки из-за слабой концентрации запаха недостаёт силы раздражения всех центров для полноценного выполнения всех элементов ССП (посадки, «назального жеста» и лая), она может на ходу ограничиться приглушённым коротким «взбрёхом».

Однако этого вполне достаточно, чтобы оператор обратил на него внимание, как на незавершённое ССП, и принял его к сведению.

Таким образом, сигнал голосом повышает эффективность работы как СПС, так и СД при обнаружении искомых запахов в около пороговых концентрациях.

Если СПС в техотсеках воздушного судна, и в пассажиропотоке не может реализовать все элементы ССП об обнаружении запаха ВВ, то её лаю может помешать лишь внешнее торможение, ибо полноголосый лай требует и сильного возбуждения центральной нервной системы. Его может не хватить СПС при низкой концентрации искомого запаха или при лишние затратах её сил на сопротивление натяжению излишне короткого поводка. При такой ситуации в судебно-одорологической экспертизе из ССП выпадают элементы трудно выполнимые в движении. И тогда едва слышный «взбрёх» СД, пробежавшей по ряду, может исправить складывающееся положение.

Это побудит эксперта-одоролога проверить объект, встревоживший СД, усилив в нём десорбцию запаха увлажнением и нагреванием, или повысить СД остроту восприятия испытуемого запаха путём сенсibiliзирующей тренировки, сделав в исследовании на это время подготовительную паузу.

При недостаточной адаптации СПС к незнакомой обстановке снять у неё торможение рабочего поведения, также поможет приём «голос».

Лай, как функция голосового центра Центральной нервной системы (ЦНС) СД, характеризуя её общее функциональное состояние, связан с функциями обонятельного, дыхательного, двигательного и зрительного центров.

Возбуждая ЦНС собаки, лай служит тестом и корректором её рабочего поведения.

Если стереотипное рабочее поведение СПС тормозят внешние раздражители, на что указывает у неё и опущенный хвост, то команда: «Голос!» через обратную связь, повышая силу общего возбуждения, её ЦНС позволяет ей преодолеть и запредельное торможение. И наоборот, непрерывный лай СПС, опережающий команду: «Голос!», вызванный перевозбуждением её ЦНС, можно остановить тем же приёмом, подкрепляя её лишь за разовое выполнение команды.

Реакцию ЦНС СПС на изменение силы внешних раздражителей, вызывающих в ней генерализованное торможение можно видеть на изменении латентной фазы исполнения собакой команды: «Голос!».

Эксперимент проводился в конце 60-х годов, на шести метисах ГШФ и оленегонной лайки, использовавшихся в «наркотико-поисковой» службе.

Приём лаять вслед команде: «Голос!» у собак был выработан оперантным методом обучения. Начиная лаять по команде, собаки получали предварительно условное подкрепление командой: «Хорошо!», а затем лакомство.

Находясь у края проезжей части Садово-Кудринской улицы, стоя против потока транспорта, собакам требовалось для выполнения приёма «голос» многократно давать команду: «Голос!», выполнявшуюся ими с задержкой в несколько секунд.

Когда же транспортный поток двигался на них с тыла, они выполняли команду не только с более длительной задержкой, но и в незавершённом виде: без звука, а лишь встряхивая головой, тревожно оборачиваясь в сторону движущегося транспорта.

На разделительной же полосе движения собаки поджимали хвост и вовсе не могли выполнить команду. На противоположной стороне улицы, удаляясь от её края, всё повторялось, но в обратном порядке.

Ещё чётче показал выполнением приёма «голос» своё рабочее состояние ШПБ, имея 32% кровности по ОШ. Он аналогично менял качество выполнения приёма «голос», перемещаясь по выгулу относительно сетчатой изгороди, отделяющей его от лиц, вызывавших у него пассивно-оборонительную реакцию. Приближение к изгороди ухудшало выполнение приёма, а удаление возвращало к норме. Всё это говорит, что не использовать приём «голос» у служебных собак любого профиля в определении их рабочего состояния будет непрофессиональной издержкой, хотя выработка чёткой связи лая с искомым запахом, как и самого приёма «голос», требует опыта и немалых усилий дрессировщика.

Наконец, экспресс-тест определения рабочего состояния собак приёмом «голос» незаменим для собак, лишённых сигнальной функции хвостом, когда он у них купирован.

Вокальный репертуар, каким обладают лишь немногие позвоночные, собака может использовать не только во внутривидовом, но и в межвидовом общении с человеком.

Лай, вой, скуление, визг, рычание, исчерпав запас русского языка, не отражают всех переходных и её оттеночных вокальных форм, тем более ультразвуковых (выше 17 килогерц), не воспринимаемых слухом человека.

Занимая доли секунды, они легко переходят в лай, длящийся часами.

Переход в лай любого вокального звука используют в выработке приёма лаять по команде, развивая подкреплением лакомством те его модификации, которые всё больше приближаются по звучанию к его требуемой чёткости.

Визг и лай высокой тональности, вызванные болью, а у щенков страхом уже в месячном возрасте, как правило, тормозят агрессию у сородичей и оповещают всех об общей опасности. Они также легко переходят в лай по команде, чем пользуются и солдаты, в дрессировке своих овчарок прибегая к болевым на них воздействиям.

Из европейских старых заводских пород наиболее молчаливы русские псовые борзые, при испуге они фыркают, как утративший лай динго. Но это результат селекции, направленной на их отличие от гончих, называвшихся «тявкушами» во времена Н.А. Некрасова, и требовавшее от борзых способность затаиваться в ожидании появления зверя, выжимаемого гончими из чащи леса в поле (96).

Евразийские псы, Субарктики, подобно ОВ, ОШ и койоту, любят повить, подняв морду вверх. Красные волки (*Canis alpinus*), и гиеновые собаки (*Lycaon pictus*), наряду с воем, издают высокие звуки, сходные с голосами мелких птиц, что не привлекает крупных кошек. Но щенки гиеновых собак у своих нор лают и воют высокими голосами, а взрослые, воя низким тембром, опускают морду вниз, используя эффект отражения звука от каменистого грунта, усиливающего звучание.

Восточная мудрость советует, заблудившимся в пустынной местности путникам, вслушиваться в отдалённый лай, но хорошо различать, кому он принадлежит, чтобы не идти на голоса шакалов, способных издавать звуки, схожие с лаем собаки, особенно если это относится к Нубийской пустыне, где обитает лающий волчий шакал. При таких обстоятельствах лай псов с незапамятных времён служит человеку спасительным маяком. В этих условиях он не раздражает, ибо необходим, тем более, что за тысячелетия из глухого и неприятного для слуха он стал ненавязчивым, как у лайки, и благозвучным, как у русской гончей, хотя унаследован от волчьего шакала Африки (*Canis Lupaster = (simensis)*), обладающего голосом дворняги.

Теперь же собаки аборигенов Севера и Юга, непрерывно и монотонно лающие, уловив по ветру запах постороннего человека или услышав приближение к посёлку незнакомцев, тотчас замолкают, чем заблаговременно оповещают своих жителей о предстоящей встрече с неожиданными гостями. Как это делал их африканский предок представить нетрудно, хотя современный волчий шакал и ОШ уже далеко не прежние комменсалы человека, а гибриды последнего с собакой в F1 начинают лаять не ранее пяти лет, а его самого можно научить по команде: «Голос!», лишь фыркать, подобно русской борзой.

ОШ скулит и рычит, как бы «под сурдину», исключение представляет его вой, издаваемый им в полную силу.

Он, как и волк, откликается на вой сородичей и «вабу», или, как домашние псы, на высокие звуки музыкальных инструментов.

В «белом безмолвии» Арктики и теперь ещё используют ездовых лаек в целях перевозки грузов и передвижения промысловых охотников, хотя всё чаще в роли каюров выступают спортсмены, поскольку спортивная езда на собачьих упряжках становится всё более престижной.

Такие упряжки (маламутов или хаски), выбившись из последних сил, уже не реагируя ни на команды: «Джи!», «Хо!», или бранные окрики по-русски, ни на удары бича, едва слышав отдалённые «позывные» своих сородичей, сулящие им отдых и сытый ночлег, делают последний, отчаянный рывок, и, как во времена Джека Лондона, выносят нарты к затерявшейся в стороне от наезженных дорог фактории, притулившейся у подножья сопки, с небольшим озерком в кратере от падения древнего метеорита.

Стайка или хотя бы смычок гончих, разбежавшихся в «полазе» по лесу на такие расстояния, что егерю их невозможно дозваться, тотчас подваливают на голос своего напарника, «помкнувшегося» по зверю. Но теперь такое относится не только к гончим, это начинают использовать кинологовические расчёты, применяя СПС в патрулировании больших площадей терминалов аэропортов, в поиске ВВ, других запрещённых к обороту объектов.

И спасателям применение СПС стайками также предстоит в обозримом будущем.

Промысловые лайки, спящие, свернувшись калачиком, у порога охотничьей избы просыпаются, услышав приближение ночных гостей, и за 20 мин. до их появления у зимовья всё усиливающимся лаем предупреждают об этом своего хозяина. Они заливаются звонким лаем и при подходе вечером к зимовью, почувяв в воздухе запах незнакомого человека, обосновавшегося там в отсутствии хозяев.

Послушать голоса гончих в работе по зайцу беляку уже издавна было у охотников не меньшей страстью, чем травить борзыми зайца русака.

По фигурным голосам русских гончих владелец стайки или хотя бы смычка распознает за кулисами леса не только, кто из его «хора» или «дуэта» в данный момент «солирует» и какого вида зверя они гонят, а по характеру гона и его «поло-возрастную» принадлежность (137).

Однако горожане воспринимают лай собак ночью и в ранние утренние часы нетерпимее, чем звуки автомобилей, и это представляет в содержании служебных собак вблизи жилых домов серьёзную проблему, поскольку лают не русские гончие или оленегонные лайки, а чаще овчарки и евразийские моллосы, голоса которых звучат угрозой, вызывая у человека реакцию, далёкую от умиления.

Ещё хуже если это собаки вивария, где преобладают терьеры с их стальным и до хрипоты яростным лаем.

Для решения этой проблемы казалось бы существуют нелающие породы, как африканский базенджис и лишь изредка «поющий» новогвинейский динго, или не усложняющий «фиоритурами» свой короткий вой *Canis familiaris dingo*.

Но, к сожалению, тропические и субтропические породы, лишённые не только лая, но и псовины, отвечающей нашему климату, требуют отапливаемых помещений, где воздух при самой совершенной вентиляции отравлен аммиаком, действующим на их обоняние, ради которого они могли бы быть востребованы.

ОШ евразийских подвидов, обитая в тех же влажных субтропиках, хорошо переносит на средней широте нашей страны и летний зной, и зимние морозы. Будучи сам голосист, при скрещивании с собакой даёт в F1 безголосых гибридов.

Звуки, издаваемые ими, схожи с коротким воем динго, свистельствуя о реверсии их к общему «безголосому» предку. Если потребуется, они могли бы, стать исходным материалом в создании нелающих пород, пригодных к нашему климату. Однако выводить комнатно-декоративную породу, лишённую лая в угоду урбанофилов, по нашему мнению занятие неблагодарное.

Особо важное место в вокальном репертуаре собаки занимает её рычание, направленное на устрашение противников и предотвращение нежелательных схваток, где наиболее выразительно-раскатистым: «Р-р-р!» в басовом регистре рычат псы пород, близких по происхождению к волку.

Если красочное рычание ОВ предназначено устрашать противников, убеждая тех отказаться от опрометчивого поведения, но не сопровождается столь же выразительным зрительным устрашением, то рычание ОШ евразийских подвидов, звучащее, как и у их комменсала полосатой гиены «под сурдину», насыщены демонстрацией ярких зрительных угроз, также «заимствованных» у этого зверя.

Рычание ШПБ высоких генераций, заняв переходные формы между рычанием ОШ и ОВ, дают богатый материал для отбора этого признака в выведении новых сторожевых пород, предупреждающих нарушителей не только лаем, но и устрашая их рычанием.

Бойцовые же породы, утратившие эти предупреждающие сигналы, чем они также схожи с медведем, подготовленные к карательной службе, наиболее опасны.

6.16. Формирование рабочего поведения

Человек с доисторических времён использует охотничий инстинкт собаки и его специализация у старых охотничьих пород достигла такого уровня, когда вмешательство дрессировщика в их обучение сходит на нет. Всё чаще профессии егерей-натасчиков легавых, нагонщиков гончих, притравщиков борзых и норных пород становятся невостребованными, как и необходимость «особого опыта» пастухов, промысловых охотников и каюров в формировании рабочего поведения их лаек, передаваемого от рабочих псов молодняку подражательным способом.

Служебные же породы вначале, традиционно предназначавшиеся иным целям, ещё не вышли из периода становления и в их новом использовании всё зависит от дрессировщика.

Обучение СПС поиску ВВ основано на подкреплении вырабатываемых стереотипов условной командой: «Хорошо!» и лакомством, а предрасположенных к игре с поноской (бринзелем) подкрепляют игрой с такими предметами, заменяющими им от рождения все другие способы безусловного подкрепления.

В ряде ситуаций при поиске ВВ у СПС возникают затруднения, требующие для достижения конечного результата их поэтапного преодоления.

Подъём по трапу воздушного судна (ВС), челночное движение между рядов кресел и под ними в салоне ВС, все эти промежуточные стадии подкрепляют командой: «Хорошо!» и лакомством, вплоть до чёткого сигнала обнаружения ВВ, завершающего работу. Но постепенно акцент их безусловного подкрепления переносят на завершающий этап, а промежуточные этапы перестают подкреплять лакомством, оставляя лишь команду: «Хорошо!». И только закончив работу (занятие) на лучшем исполнении задания, СПС подкрепляют и лакомством, но не в момент её возвращения в клетку (или на старт), иначе именно туда собака и будет стремиться больше всего. В случае же снижения качества работы подкрепление вовсе отменяют.

Продуктивное применение собак в новых направлениях облегчает выведение их специализированных пород. Вначале рабочее поведение будущей породы моделируют, как динамический стереотип дрессировкой. Затем генофонд породы формируется из метисов и гибридов, предрасположенных к выработке данного стереотипа однородным подбором пар при разведении,

что с каждым поколением упрощает дрессировку как за счёт накопления у пробандов желаемых признаков, так и путём совершенствования техники их обучения.

Становление генофонда в породе сводится к корректировке у пробандов их рабочего поведения, наследуемого блоками унитарных реакций исходных пород, а также признаками дикого вида, участвовавшего в образовании генофонда.

При подготовке СРС и собак-спасателей роли фигурантов-нарушителей и пострадавших выполняют профессиональные помощники.

В подготовке охотничьих собак используют подсадных животных, а в работе СПС, ВВ, наркотиков и других запрещённых объектов, настоящие объекты заменяют их препаратами, но от их качества зависит и качество подготовки СПС.

Если случится СПС обнаружить реальные ВВ или наркотики, то сразу за них она не сможет получить безусловное подкрепление (лакомством или игрушкой), ибо нужен их идентификационный анализ, но за состоявшееся «обнаружение» она должна его получить незамедлительно, что она и получит за обнаружение подложенной рядом с найденным объектом в контрольной закладке препаратов наркотика или ВВ.

С конца XIX в., любители охотничьих собак разводят и проводят их испытания сообща, по общим для ряда пород правилам.

Декларативно, полевые испытания максимально приближены к практическому применению собак на охоте, на деле же становятся самоцелью. Например, испытания легавых по болотной дичи или состязания спортивных лаек в травле цепного медведя.

Испытания и состязания, требующие основательной подготовки собак, полезны, но переходя постепенно в самоцель, служат лишь получению полевого диплома и отбору пробандов с врожденной предрасположенностью к работе по узкому кругу видов, удобных для данных мероприятий.

А поскольку «победители», при соответствующих оценках экстерьера и набора баллов за классное потомство, составляют элиту породы, то вред от такого отбора заключается в том, что порода становится узкоспециализированной и пригодной лишь для спортивных состязаний, но бесполезной для практической охоты (189 ст. 268, 370, 422, 423, 443, 450). Так, спортивных лаек, «отваживая» от мышкования, а легавых от стоек по «птичкам» и «неблагородным» видам куликов, на самом деле отваживают от

всего, что не имеет отношения к испытаниям и состязаниям (189 ст. 276, 388).

Хорошо понимая вред такой узкой специализации, известный автор статей по натаске легавых В.В. Курбатов начинал натаску молодой легавой с того, что давал ей пробудить охотничий инстинкт ко всему, что может собаку заинтересовать, будь то «птички» или бабочки, а уж затем регламентировал её рабочее поведение общепринятой натаской по традиционным видам дичи (70).

Рабочее поведение собаки, основанное на охотничьем или сторожевом инстинктах, связано с её подкормкой, в чём в иной форме продолжается тот же комменсализм доисторического человека с его «допородной» собакой.

Гончих и лаек поощряют частью добытого трофея. Насколько это отвечает ветеринарным требованиям, вопрос другой, но при натаске легавых готовят специальное лакомство, хотя сам процесс натаски и охоты уже давно служит им безусловным подкреплением.

Естественным подкреплением у охотничьих собак поиска конкретных видов дичи служит разрядка так называемой злобы, когда им даются возможности задушить, пойманных ими подранков.

Служебным собакам при успешном задержании нарушителя, разрядкой их злобы служит возможность хотя бы полаять на фигуранта в момент задержания, а при их подготовке к работе «покидаться» на помощника и потреть его за специальную одежду.

Искусственным подкреплением собак ретриверных пород, при поиске ВВ и наркотиков, служит удовлетворение их аппортировочного поведения, с подачей имитаторов небольших охотничьих трофеев, с вложенными в них источниками искомого запаха. В дальнейшем их дают собаке в качестве игрушки, и после обнаружения искомого объекта или его имитатора. Проблема заключается лишь в том, чтобы на апортировочном предмете ведущим запахом для собаки был объект поиска, а не запахи дрессировщика и собак.

Собак с врождённой предрасположенностью к развитию мёртвой хватки, к каковым относятся терьеры, военно-полицейские отродья Немецкой овчарки и ряд других заводских пород, можно подкреплять, давая им потреть полотенце, что

практикуют американские полицейские, применяющие таких собак на поиск ВВ и наркотиков. Полотенце для трѐпки, входя в экипировку полицейского, висит у него на поясе с левой стороны.

Апортировочное поведение (АП), выработанное у собаки на подкреплении подачи предмета лакомством, при определенном опыте обучающего и жадности собаки к лакомству, бывает невозможно отличить от врождѐнного.

Но подкрепление СПС за поиск ВВ и других объектов не врождѐнным АП, даёт слабый условный рефлекс второго порядка. Поэтому целесообразнее подкреплять вырабатываемые приѐмы лакомством без апортировочного «посредника».

Перепрофилирование паллиативных пород осуществляют, подкрепляя у них становление новых стереотипов лакомством или игрой. Но пищевое подкрепление из рук дрессировщика, больше соответствуя комменсализму собаки с человеком, оправдано их эволюцией, поэтому отказываться от подкрепления собак при их обучении лакомством в пользу подкрепления игрушкой, пока нет оснований.

Подбор пар, дающих преуспевающих потомков с предрасположенностью к новому рабочему стереотипу формирует поведение новой породы.

Вероятные предки домашней собаки африканский подвид ОШ (*Canis aureus algirensis*) и волчий шакал (*Canis lupaster*) с подвидом *Canis simensis*, в очагах их одомашнения были не только склонны к комменсализму, но и обладали настоящим «собачьим» лаем, как и обитающие в той же стаии павианы, научившие их или научившиеся у них лаять при появлении опасных хищников и человека. Homo sapiens пользовался их услугой задолго до их сакрализации древними египтянами.

ОВ же (*Canis lupus*), будучи независимым от комменсализма с людьми, стал донором генетического материала тем породам, в дрессировке которых помогают методы, основанные на развитии апортировочного поведения. Но поскольку пород, обладающих только генетическим материалом ОВ, а тем более шакалов нет, каждая порода, как бы ни была однородна по экстерьеру, по поведению достаточно разнородна, что показали работы Л.В. Крушинского о преобладающих у Немецкой овчарки реакциях, в то время достаточно разных по характеру (4, 67).

6.17. Сторожевое и бойцовое поведение

Не вдаваясь в детали активного или пассивного сторожевого поведения собаки, легко заметить, что оно связано с охраной индивидуальной территории, (гнездового участка), трофеев и присуще большинству позвоночных. Биолог-охотовед С.П. Кирпичёв наблюдал в Баргузинском заповеднике, как на поляне токовавший глухарь вскочил на спину медведю, вторгшемуся на его токовище и, хлеща того крыльями, прогнал с поляны обратно в лес. Самка ШПБ с 55% «крови» ОШ охраняла на выгульной площадке питомника место, где она у дрессировщика получала лакомство, не подпуская к нему самца, превосходившего её в 1,5 раза.

Трёхмесячный щенок ОШ, играя со сверстниками ШПБ, собрал в углу комнаты общие игрушки и охранял их ото всех, кто пытался ими воспользоваться.

По личному сообщению кинолога Н. Мелёхина, его пёс породы Мастино, активно охранял предметы со следами индивидуального запаха хозяина, нанесённые им простым касанием.

Известный кинолог К. Панютин утверждал, что «мосол», заслуживающий внимания кавказской овчарки, может повысить её бдительность к тому участку охраняемой территории, где нарушители безнаказанно проходят, пользуясь тем, что собака ещё далеко. «Мосол» в этом месте прикрепляют так, чтобы пёс не мог его унести, и тогда он, постоянно находясь поблизости, никого к нему не подпустит. Аналогично ведёт себя собака этой породы в жилище хозяина по отношению к посторонним лицам.

Поэтому караульных собак целесообразно кормить на охраняемой ими территории, вознаграждая за работу полным их рационом.

Многие хищники, в том числе и собака, не охотятся вблизи своего гнезда, позволяя своим жертвам спокойно жить рядом с ними. Волк вблизи своего логова не трогает и домашний скот, а, прогоняя со своей территории сородичей и других хищников, может охранять от них значительную часть охотхозяйства.

Охотничье поведение пса сопряжено с защитой членов своей стаи, в которую могут входить живущие рядом индивиды других видов, став «своими», в частности, человек и домашние животные. На этом феномене основано и сторожевое поведение пастушьих собак, пишет известный писатель-натуралист Сетон-Томпсон в рассказе «Вулли», где пёс, напомилавший койота, возможно, это

был его гибрид с собакой, охотясь на овец в чужих отарах, исправно охранял своих (139).

Охотничье поведение пса с удалением от охраняемой территории гасит сторожевое поведение. Поэтому охотничьи собаки плохие сторожа, а в местах охоты и вовсе никакие, хотя на охране своих трофеев гончие могут за себя постоять. Но по возвращении на собственную территорию все они, как правило, становятся на её охрану не только от сородичей, но и посторонних людей.

Подобным образом ведут себя псы кочевников, ездовые лайки, находящиеся в пути. Сила проявления сторожевой реакции отражает степень их адаптации к новым местам.

Охрана и защита во время гона своих половых партнеров, как и членов семейных групп, хорошо прослеживается у собак к незнакомым лицам, а у ШПБ, с кровностью по шакалу не менее 37%, и к своему воспитателю-человеку.

Собака, преследуя бегущих людей, среди которых оказался и её хозяин, нападает на незнакомых ей лиц, что развивают у неё для помощи в задержании преступников. Но если среди бегущих за нарушителем окажется и помощник дрессировщика, участвовавший в развитии у данной СРС «злости» на себя, он, естественно, одним из первых подвергнется её нападению.

Аналогично пёс реагирует активно-оборонительной реакцией на борьбу людей и собак. Во всех случаях его агрессия будет направлена на незнакомцев, если со знакомыми лицами у пса не было неприязненных отношений. В противном случае негативное отношение к ним во время драки обязательно проявится.

Развитие этой унитарной реакции используется у «псов-телохранителей».

В ряде пород она стала врождённой. Так, в заводской породе Алабай, в целом толерантной к человеку, но по сообщению заводчицы этой породы Г.А. Когунь, хватка человека за руку, поднятую для нанесения удара, проявляется у этих собак, как врождённая реакция.

ОВ и ОШ для хватки человека, если такое редкое событие происходит в Природе, выбирают «по месту», соответственно, лицо и шею.

Четырёхмесячный щенок полукровного шакало-псового гибрида схватил своего воспитателя (автора этих строк) за нос, при неосторожной попытке его поймать.

В единоборстве между собой, у этих и других зверей побеждает тот, кто первым возьмёт противника «мёртвой» хваткой «по месту» за нос.

На испытаниях терьеров хватка «по месту» лисы оценивается дипломом первой степени. Значительно труднее этим псам взять «по месту» барсука и совсем невозможно других кунных, а также ондатру и крысу, которых они берут за туловище. Специализируясь брать зверька поперёк туловища, эти собаки перестают брать «по месту» и лису, что позволяет ей брать их «по месту».

В норе обоюдные хватки «по месту» собаки и зверя не редки, поэтому псы, пострадавшие меньше других в схватках с подсадным зверем, выигрывают и состязание между собой.

Главной причиной предпочтения любителями ЖШФ заключается в том, что у него, в отличие от ГШФ, при осмотре повреждений не так заметны следы от хваток зверем, влияющих на оценку, хотя отсутствие у него вибрисс на голове, не защищает голову при работе в норе от повреждений её твёрдыми сводами.

Ещё более строгие правила в оценке так называемой приёмыстости в быстром убивании зверя выработаны для русских борзых. Лиса, а тем более русак, не должны быть «изжёваны» или разодраны борзой, чего, к сожалению, не требуют от гончих, если тем удаётся не только «сжечь» своего зайца, но и сожрать, перехватив отстрелянного, а тем более поймав подранка.

Все бойцовые приёмы домашняя собака фрагментарно унаследовала от своих родичей, а проявлять их ей приходится в более сжатые сроки онтогенеза.

И хотя в проявлении бойцовых качеств человек был суровее и придирчивее естественного отбора, бойцовыми приёмами домашние псы не владеют в том совершенстве, какое мы видим у ОВ и ОШ.

К счастью, охотничьим собакам не приходится вступать в единоборство и брать «по месту» такую крупную добычу, как взрослые лось, кабан или медведь.

В схватках с ними не всегда выходят без потерь и ОВ, обладая наиболее совершенными бойцовыми приёмами.

Если ОВ не нападает на человека, когда тот ловит его щенков, то ОШ способен постоять за своих детей, делая молниеносные броски из-за укрытий на любого врага.

Одна самка из полукровных шакало-псовых гибридов F2 выделялась сверх неукротимой злобой не только к человеку, но и к ОШ, независимо от их половой принадлежности, нанося им серьёзные повреждения.

6.18. Хоминг (возвращение домой, нахождение дороги к дому)

Щенки диких псовых начинают выходить из нор, когда их органы чувств настолько развились, что позволяют малышам самостоятельно находить дорогу домой, а уже 2–3-месячный щенок лайки, едва отставший в лесу от человека или взрослых собак, сразу садился выть и взрослые лайки тотчас бежали к нему на «выручку».

Естественным породам, созданным кочевниками и заводским, но работающим с охотником за пределами зрительной связи, а также гибридам собаки с дикими родичами, свойственно находить свой дом, возвращаясь с любых расстояний и преодолевая все доступные им препятствия.

Промысловые лайки могут уходить и «пропадать» месяцами, но возвращаются к своему последнему месту жительства. В тайге они не теряют охотника, пользуясь его «горячими» следами и возвращаясь к тому месту, с которого они были пущены в поиск.

Псы же норных и подружейных пород, а также оленегонная лайка и другие пастушьи породы, которым свойственен тесный контакт с человеком, как и их декоративные отродья с их привязанностью к хозяину, в «каменных джунглях» большого города теряются чаще других.

Наблюдения фактов нахождения собаками дороги к дому свидетельствуют о том, что это связано у них не с запоминанием пути, ибо их часто увозят от дома на поездах и автомобилях, а с так называемым навигационным чувством хоминга, остающимся пока не разгаданной загадкой.

Как показали наблюдения за метисными щенками в возрасте 5–8 месяцев, потерявшись и утратив связь с хозяином, они двигаются к дому по прямой линии, сворачивая с неё лишь для обхода препятствий.

Удалось проследить путь такого 5-месячного щенка, направившегося в феврале по снежной целине напрямик к дому, находясь от него в полусотне километров, куда он приехал с хозяином на поезде. Оставшись на привязи за дверями дома, он через четверть часа перегрыз поводок и пошёл домой один.

При сходных обстоятельствах щенок 8 месяцев попал домой только через 3 дня из-за того, что в пути его захватили подростки, от которых ему не сразу удалось уйти.

6.19. Врождённые культура поведения, «общее послушание»

Породы, культура поведения которых и навыки так называемого общего послушания на бытовом уровне, став их натуральными реакциями и, проявляясь лояльностью к хозяину и готовностью следовать за ним «по пятам», как правило, «позывисты».

В доме их «не видно и не слышно», но из-за этого к работе, требующей сильной ориентировочной реакции и инициативы, они малопригодны. Такие мелкие собачки, предназначенные для игр с детьми, существуют у народов и с первобытным уровнем развития. К такому домашнему содержанию вместе с уже декоративными породами эволюция ведёт и старые охотничьи и служебные породы. Эти породы утрачивают психомоторные качества, необходимые для какой-либо продуктивной работы, хотя существуют и исключения.

Спонтанное возвращение к утраченной норме вида «обратным» мутагенезом и селекцией через испытания по аджилити, хотя и не гарантирует быстрого успеха, но позволяет на него надеяться, учитывая, что обратный мутагенез возвращает метисов и без вмешательства человека к норме вида. Скрещивание таких собак с дикими родичами и естественными породами в целях получения пользовательных метисов, например, с острым обонянием, равносильно выведению новых пород.

Аборигенным породам принадлежат врождённые реакции более значимые в быту и жизни хозяев-аборигенов, чем «общее послушание» заводских пород.

Засорение популяций аборигенной лайки иными заводскими породами грозит размыванием у неё врождённых запретов на

агрессию к человеку, на воровство провианта доступного, но не ей предназначенного.

Благодаря исключительно «уважительному» отношению промысловой лайки к привязи, которую лайка у себя на исторической родине пока ещё хорошо различает, ею можно защитить от нападений собратьев не только её саму, но и любого зверя, если он привязан верёвкой или посажен на цепь.

Зато спортивные отродья лайки, неосознанно отбираемые на утрату этого ценного качества в состязаниях по травле цепного медведя, при возвращении на историческую родину, что и происходит в настоящее время, будут размывать это ценное свойство, дополняя этим военно-полицейских отродий Немецкой овчарки и других пород, завозимых из городов в таёжные посёлки.

Врождённое у лайки «вежливое» взятие корма из руки, у прирученных ОВ, ОШ и их гибридов с собакой, приходится вырабатывать.

Приём Галины Когунь, работающей с ОШ и ШПБ, состоит в следующем: лакомство, зажатое в кулаке, она подносит к носу зверя и, медленно поворачивая кулак, не разжимая пальцев, смело даёт зверю их понюхать. Как только зверь начнёт облизывать пальцы, сжатые в кулаке, Галина их не спеша разжимает, и зверь берёт лакомство аккуратно, не прихватывая пальцев.

6.20. Формирование новых качеств врождённого поведения

Великие скульпторы Микеланджело и Роден, шутя, говорили о своём ваянии, как об отсекании у каменной заготовки «всего лишнего».

С таким «отсеканием лишнего», с точки зрения селекционера, сопоставимо и бывшее выведение пород, где слабо специализированную породу или даже гибрида использовали в качестве монолита, а признаки, несовместимые по замыслу автора, с выводимой им породой, подпадавшие под «лишнее», навсегда отсекали от природной «заготовки» классической селекцией.

Но этот трудоёмкий способ не гарантирует от непредсказуемых издержек, ибо «отсекаемые» признаки часто оказываются генетически сцеплёнными с более полезными качествами, нежели те, ради которых их «отсекали».

Так, становлением безупречной «солдатской» дисциплины, у Немецкой военно-полицейской овчарки была ослаблена ориентировочная реакция, необходимая для поиска ВВ, наркотиков и других объектов по их запаху, которую теперь приходится развивать у неё искусственными путями, что не всегда удаётся.

Тем более самое неблагоприятное занятие использовать в нетрадиционных целях заводские породы борзых и гончих, созданные «классическим» способом.

Выведение новой породы межпородным скрещиванием сопоставимо с ваянием способом лепки, когда для ускорения процесса используют врождённые реакции так называемые генные блоки, и желаемые признаки скрещиваемых пород объединяют в новом применении.

Врождённое у ездовых лаек принятие поз, требуемых при распутывании каюром упряжки и удобных для облачения собак в алыки, присущее и всем аборигенным породам лайки, полезно и другим без исключения породам.

Но для выявления таких «блоков» требуется большой массив метисов, ибо в нужных сочетаниях их наследует далеко не каждый пробанд. В этом случае выбраковку носителей «балластных» признаков также могут сопровождать потери других ценных качеств, сопряженных с «балластными».

Таким образом, делая упор на развитие в формируемой породе каких-либо новых признаков поведения, мы не можем исключить того, что их проявление не связано с утратой генов, отвечавших за другие качества, например остроту обоняния, пороги восприятия запахов, бывшие индифферентными, могут стать главными и т.д.

Антропофобию неизменно выбраковывают во всех заводских породах, но с тем же постоянством человек восстанавливает её в тех же породах не только обратным мутагенезом, но и путём случайных вязок со свободно живущими бесхозными псами.

Бывает так, что гетерозиготный «неублюдок», не потерявший облика исходной породы, настолько привлекает рабочими качествами, против чего трудно устоять, чтобы не использовать его в породе. Так было в бывшей ГДР с их военно-полицейской овчаркой, восстановленной после войны из метисов и из восточноевропейского отродья ВЕО.

Преследуя бесхозных псов с целью их сокращения или в скорняжных интересах, человек истребляет наиболее лояльных, антропофобные же, избегая этой участи, плодят себе подобных.

Недопустимую у собаки агрессивность к детям и женщинам не только сохраняет, но и усиливает на генетическом уровне накопительный отбор носителей «злости к посторонним лицам», культивируемой во всех породах, используемых силовыми ведомствами.

Такие породы и их метисы, оказавшиеся среди бесхозных псов, засоряют своими признаками и популяции вольных собак-парий, характерная особенность которых не «злоба к человеку», а осторожная к нему лояльность.

Нежелательное поведение в породах охотничьих собак: «скотинничество» (охота на домашних животных), «мышкование» лаек, стойки легавых по «птичкам», не относящимся к охотничьей орнитофауне, как правило, искореняют из пород выбраковкой псов, предрасположенных к такому поведению, поскольку не каждый заводчик способен справиться с таким «злом» дрессировкой, но что полезного уходит с выбракованными псами ощущается не сразу.

Крайне нежелательной у СРС является имитация работы, которую можно и не заметить в отсутствии надёжных тестов функционального состояния собаки.

«Безотказную» в работе породу, с искусно скрываемым нерабочим состоянием, представляют собой Немецкая военноплицейская овчарка и её отродье ВЕО. Но избавление генофонда от носителей нежелательного поведения их отбраковкой неизбежно затрагивает и поливалентные гены, отвечающие за признаки, касающиеся, в частности, обоняния. А у собаки с антропофобией сопряжены острота обоняния и сила ориентировочной реакции.

Любое специфическое поведение, в том числе и обонятельное, в породе дают гомозиготные по этим признакам производители, за счёт утраты доминантных аллелей, отвечавших за предпочтение каких-либо иных запахов.

Традиционная узкая специализация охотничьих пород по видам дичи, теперь существует на виды, удобные для проведения испытаний при «голубой мечте» об универсальной лайке, состоявшейся лишь в её промысловых отродьях.

И хотя такая специализация охотничьих пород не выдерживает критики, она неизбежно формируется полевыми испытаниями и состязаниями, к чему сводится основной досуг любителей охотничьих собак.

Но когда от узко специализированной «спортивно-декоративной» породы требуют нетрадиционного применения, то при столь резких поворотах поиска среди элитных особей, тех, что оказались за рамками их узкой специализации, ведёт к потерям времени и средств.

Не один десяток лет упорной племенной работы был затрачен на то, чтобы большой любитель курцхааров, известный зоолог А. Чельцов-Бебутов мог в обзорной статье по итогам состязания легавых с гордостью заявить, что его послевоенные курцхаары, наконец-то, сравнялись (!) в работе по дупелю и бекасу с отечественными пойнтерами и сеттерами, которых у нас по этим видам куликов специализируют на испытаниях и состязаниях без малого три четверти века (179).

Охотничьи качества пса, требующие для своего проявления благоприятных условий, часто не могут быть протестированы на полевых испытаниях за положенное время, которого порой хватает лишь на определение у него рабочего состояния, а не качеств. Не зря для объективной оценки собакам дают возможность пройти через повторные испытания, которых чем больше, тем объективнее будет оценка, хотя далеко не каждый любитель может участвовать со своим псом в нескольких испытаниях. В то же время, никто кроме хозяина собаки не оценит всех её достоинств, а успех её племенного использования зависит только от интуиции заводчика. Тем не менее испытания являются ведущим фактором формирования породы. Их эффективность очевидна в том, что испытуемые в большинстве случаев всегда готовы к испытанию, хотя в их жизни оно может быть всего один раз, но без него по правилам им не быть в племенном классе.

Кроме официальных испытаний на формирование поведения собак влияет отбор на их выживание «в быту», требующее известной культуры поведения и реальной продуктивности. Но если от собак для включения в племенной класс требуют лишь диплом по ОКД или защитно-караульной службе (ЗКС), то породные различия в их поведении стираются за каких-нибудь полтора десятка лет.

Отбор по нетрадиционному применению породы создаёт в ней отродья, поскольку пород «сразу» пригодных, например, к лабораторной детекции запахов, к поисково-спасательной службе, поиску ВВ и наркотиков не существует.

Используя же паллиативные породы, приходится мириться с тем, что как в прошлом столетии, так и теперь к идентификации запаховых следов индивида (ЗСИ) обучаемых руками сержанта-кинолога, оказываются пригодными не более одной из пяти Немецких военно-полицейских овчарок. Пастушеская порода с тем же названием «Немецкая овчарка» не в счёт.

Если рекламные сообщения о лабрадорах, кровяных гончих, спаниелях, якобы успешно применяемых в названных целях, чиновники служебного собаководства берут на веру и, руководствуясь ими, закупают эти породы, то они рискуют не получить ничего, кроме материальных и моральных издержек, ибо им требуются собаки с нетипичным для их пород поведением, и не отродья, а совершенно новые породы.

Вскоре после войны, полагаясь на принадлежность к известным породам, у нас пытались «освежением кровей» улучшить отечественных английских сеттеров, сеттерами Э. Лаверака, приобретёнными в Западной Европе, а англо-русских гончих, фоксгаундом, по кличке «Барон», вывезенным из Германии.

Но «улучшателям», незнакомым с нашей охотфауной, используемой на испытаниях и состязаниях, предъявлялись «неведомые» им требования.

Западноевропейских легавых применяют в охоте на серую куропатку, фазана, зайцеобразных и даже на поиск по кровяному следу подранков копытных. У нас же их отродья испытывают в работе по бекасу и дупелю, как правило, даже без отстрела птицы, которую берегут. Поэтому неудивительно, что пробанды «улучшенных» сеттеров и в руках опытных натасчиков уступали на состязаниях по традиционным у нас бекасу и дупелю их «неулучшенным» отродьям.

Те же результаты, кроме реверсии «вежливости» к добытому зверю, дало и «улучшение» англо-русских гончих, фоксгаундом, созданным для парфорсной охоты на лис и совсем не знающим зайца-беляка, традиционного объекта всех испытаний и состязаний гончих в лесной части России.

Возвращая «вежливость» в породу англо-русских гончих к добытому трофею (в лучшем случае к зайцу русаку), выжлец по кличке «Барон», вывезенный из Германии, где нет беляка, ухудшил их работу по традиционному у нас объекту испытаний.

Практикам известны проблемы состязаний отечественных гончих, с участием приглашённых из южных и западных областей

страны, где специализированные по русаку гончие, не зная нашего зайца-беляка, не могут на равных состязаться и с нашими гончими в распутывании следов «генетически» им незнакомого, или крепко «забытого» в нескольких поколениях беляка. Не зная его таёжной станции, им было «не мудрено» «забыть» и его повадки.

Также и наш среднерусский волк не сразу «осваивает» незнакомых ему пятнистых оленей, выпускаемых у нас в охотхозяйствах для акклиматизации, продолжая какое-то время добывать менее доступных, но «привычных» лосей и кабанов.

Для успешного использования собак в новых направлениях необходимо создавать соответствующие породы, что требует базы и время. Однако чем специализированнее берется исходный «материал», тем дольше формируется новая порода.

Создание генофонда будущей породы гибридизацией сопоставимо с ваянием, «смешанного» типа, когда на ОВ, ОШ или лайку, олицетворяющих «монолиты» родовой нормы, «лепят» «генные блоки» реакций и экстерьерные признаки каких-либо пород.

Их «монтаж» на «монолитную норму», «дикаря» призван усилить у пробандов «накладываемые» признаки, ибо они ложатся на гомологичные им признаки, пребывающие у «дикого партнёра» по скрещиванию в уравновешенном состоянии с признаками-антагонистами, «отсечёнными» у предков скрещиваемой породы в процессе её создания.

Сложение у гибридов гомологичных признаков скрещиваемых партнёров нарушает баланс нормы дикого вида, смещая экстерьерные и поведенческие признаки гибридов в сторону использованной породы поскольку её признаки, по меньшей мере, «возрастают» вдвое.

В становлении породы «Русского спаниеля», любители спаниелей, скрещивая их породы, создали за десять с небольшим лет из много-породных метисов породу «Русского испанца».

Если в выведении ряда волчьих отродий Немецкой военной полицейской овчарки, называемых у нас «волкособами», её одну скрещивали с волком, то в генофонде ШПБ использовали несколько отродий и пород, лайки, шпицев и даже фокстерьера, поэтому в них заложен набор признаков, не имеющих аналогов.

Для получения метисов-лайкоидов, близких по габитусу к ОШ, с кем предстояло их спаривание, оленегонную лайку скрещивали с ГШФ, а полученных шакало-псовых гибридов вторично

скрещивали с лайками, ГШФ и шпицами естественных и заводских отродий.

ШПБ, начав использоваться в судебно-одорологической экспертизе, которая им обязана своим признанием, нашли не менее успешное применение в поиске запрещённых к незаконному обороту объектов, на воздушном транспорте и «на очереди» их применение Службой спасения для поиска заблудившихся в лесах и пострадавших в руинах.

Будущее за применением этих псов в свободном поиске на больших площадях стайками, где они, наряду со спортивными лайками, могут и должны заменить паллиативные породы немецких и бельгийских овчарок, лабрадоров и спаниелей.

Использование Немецких овчарок в разминировании на Северном Кавказе, вблизи от банд-формирований показало, что снайперам боевиков эти собаки служат лёгкой и более ценной мишенью, чем даже сапёр-кинолог, отмечал полковник инженерных войск, свидетель гибели такой собаки, сражённой снайпером, сразу по прибытии на место разминирования. Полковник убеждён, что небольшие, непоседливые ШПБ были бы в этих условиях менее уязвимы, чем неповоротливые овчарки.

Естественно, что у СПС, используемых вблизи противника, сигнал лаем будет противопоказан, но у ШПБ его вырабатывают дрессировкой.

ОШ в возрасте 8–10 недель способны перенимать у взрослых домашних собак поведение, точнее, чем это делают их псовые сверстники. Подражательное поведение бастардов, наследуемое от шакала и лаек, позволяет и в их обучении использовать псов-менторов, подготовленных к любой работе.

6.21. Рассудочная деятельность и «телепатия»

Из понятий заглавия следует исключить отождествление поведения собаки и человека, ибо в поведении животных многие акты обусловлены не рассудком, а врождёнными реакциями, какой бы невероятной сложности они ни были.

Их сочетание с приобретённым опытом и подражанием своим менторам и позволяют животным выживать в смертельных для них ситуациях.

Нельзя также приписывать собакам ложь, когда они, в поиске объектов по заданным им запахам, ошибаются, обозначая своим стереотипным сигнальным поведением (**ССП**) «обнаружение» искомого запаха там, где его нет, но по каким-то, воспринимаемым ими ситуативным признакам, он мог бы и быть, например, при пустых стойках легавых по птице или таких же «полайках» лаек по белке, в местах, где накануне были и птица, и белка, оставив там свои запаховые следы.

У псовых, ярких представителей макросматических хищников, характерной экстраполяцией, на основе их острого обоняния, является определение ими при охоте «троплением», направление следов своих жертв, пользуясь для этого ничтожно малыми изменениями физико-химических свойств запаховых веществ на незначительном отрезке трассы следов. К этому относится и выправление «сколов» гончими, гонящими зайца-беляка, с его «смётками», «сдвойками», другими заячьими «хитростями».

Из литературы известны примеры поведения высшего порядка у ОВ.

В зоопарке Сент-Луиса (США) волк-самец, при приближении служителя со шлангом для уборки клетки, загонял месячных волчат в помещение и при помощи верёвки закрывал за ними дверь. После уборки он её открывал и выпускал щенков.

В зоологической лаборатории на Аляске волчица, чтобы завладеть крысой, только что убитой её щенком-субадультусом, отвлекла его внимание, принеся припрятанный ею кусок мяса. Волчица вспомнила о спрятанном мясе, чтобы им повлиять на поведение щенка, не применяя насилия, на что субадультус уже мог адекватно ответить. (Department of Psychology, Wachington Univesity) США.

Носителем новейших, врождённых знаний, может служить кобель ездовой лайки по кличке «Оч», вывезенный с Чукотки трёхнедельным щенком. Со слов автора стандарта этой породы Е.С. Богословской, которой можно верить, «Оч» боится предметов, отдалённо похожих на орудия лова. Таковым, в частности, ему «представляется» и загнутая ручка сложенного зонта. Но пластиковая копия охотничьего ружья, увиденного им на улице у случайного прохожего, привела «Оча» в стрессовое состояние. Это свидетельствует о том, что «Оч» точно представляет себе его форму, генетически отложенную у него в памяти, на что ушло не более двух десятков поколений ездовых лаек, выживших при их

расстрелах в упор, ибо к тем лайкам, которых отстреливают на убойной дистанции в 40 шагов с подхода, это не относится. Для тех лаек сигналом опасности служит уже силуэт отдельного человека на удвоенном расстоянии убойного выстрела картечью или нулевой дробью.

Нас не удивляет, что десятилетний кобель кавказской овчарки распознаёт кто из двух незнакомых ему пожилых женщин старше, пока они переступают порог охраняемого им дома, ибо старшей из них он тотчас выражает свою лояльность.

Но за этим феноменом адекватного поведения стоят тысячелетия культуры народов Кавказа, создававших эту породу.

Неудивительно, что собаки естественных пород «трепещут» перед детьми, особенно отроческого возраста, ибо непредсказуемая опасность их поведения заложена в генетической памяти домашней собаки, и не только.

У ОВ, кому на протяжении тысячелетий евразийской истории *Homo sapiens* не прощал агрессии к себе, а тем более к детям, что обросло легендами вперемежку с фактами от «Капитолийской волчицы», якобы вскормившей основателей Рима до «Маугли», встречающихся и в наши дни.

Тем более такое относится к нормальному поведению аборигенной лайки.

Феномен особой приязни пса к ребёнку грудного возраста и чуть старше, умиляя хозяев, мало кого удивляет. Когда же сука забирает малыша к себе, не подпуская к нему родителей, это уже становится понятным лишь биологически образованным свидетелям.

Если лайка самопроизвольно берётся присматривать за таким малышом, оповещая его бабушку, занятую работой по дому, о конкретной опасности, грозящей ребёнку, об этом уже пишут в СМИ. И, хотя лайке присущ так называемый анонс (доклад), но осознание грозящей ребёнку опасности, если тот начинает беспокойно себя вести в коляске, побуждая пса тянуть бабушку к ребёнку за подол, достойно немалого удивления (74).

Собаководам со стажем известно, как их псы рвутся плыть за ними, будь они в лодке или оказались в воде, и тогда, подплывая к хозяину, пёс сможет ему оказать необходимую помощь, если тот сумеет ею воспользоваться, о чём мы узнавали из художественной беллетристики, а теперь из реальной подготовки таких псов Службой спасения.

Изучение элементарной рассудочной деятельности позвоночных принадлежит Леониду Викторовичу Крушинскому, положившему в основу разработанный им экстраполяционный метод анализа (68).

Метод оказался особенно продуктивным в сравнительной оценке плотоядных (Carnivora), в частности, псовых (Canidae), показав, что не только лисы, ОВ, но и собаки таких декоративных пород, как французский бульдог, обладают не менее развитыми экстраполяционными способностями.

Предварительная оценка таких способностей может служить отбору собак, наиболее пригодных к использованию в поиске любых объектов по запаху.

Изучение у СПС элементарной рассудочной деятельности по Крушинскому показало прямую связь их экстраполяционной способности с рабочими качествами.

К сожалению, практика ещё мало осведомлена об этих исследованиях (93).

В то же время и разработчики «Электронных носов», мечтающие заменить ими СПС и СД запаха, могут не знать о способности СПС к «химической экстраполяции» запахов, связанных с новыми видами ВВ, когда они отмечают их ССП, как о факте обнаружения ещё неизвестной ими взрывчатки, но «попадая в самую точку». Особенно актуально это при обнаружении СПС новых видов ВВ, с которыми в процессе обучения их не знакомили.

К таковым, например, относятся разные виды селитр, бездымных порохов, а также пороховой нагар на оружии, другие производные от ВВ дериваты, отмечаемые СПС своим ССП при первой же встрече с их запахами.

Из случайных наблюдений рассудочной деятельности собак обращают на себя внимание примеры, выходящие за рамки элементарного уровня, требующие научного осмысления и дальнейшего изучения. Если их поместить в ряду по возрастанию участия рассудка и убывания врождённых реакций, то наиболее распространённые примеры касаются подноски псами своей добычи щенкам или хозяевам, её запасаения и охраны, перетаскивания щенков при грозящей им опасности, определения её порогового уровня, поиска новых мест для укрытия и других действий, связанных с врождённой реакцией переноски предметов.

Но мотивации тут могут быть гораздо сложнее ответной реакции, располагающей небогатыми возможностями. Усложне-

нием этого акта будут примеры известные многим собаководам, когда пёс, без обучения принося свою миску, напоминает хозяину, что пора его кормить, или поводок и обувь, приглашая идти с ним на прогулку. Если вначале он приносит любую обувь, то вскоре выучивается подавать ту, которую ждёт от него хозяин, находя её по его индивидуальному запаху.

Неудивительно, что первым стереотипом рабочего поведения СД при выборке объектов по заданному запаху, была подача оператору искомого объекта.

Часто СД, работая без поводка в селективном ряду, находя искомый объект и обозначив его всеми элементами ССП: лай, посадка и так называемый назальный жест, дополнительно берут в зубы и сам объект, если, как им должно казаться, оператор не спешит их подкрепить заслуженным лакомством, чем они и усиливают для него сигнал выбора.

Но ШПБ, подготавливавшиеся к детекции запаха, найдя в ряду выборки искомый объект и, получив за сигнал его выбора лакомство, могли, не желая расставаться с этим источником, ложиться рядом с объектом, упираясь, когда их вынуждали продолжать движение, а не имея возможности сопротивляться, брали объект с собой и шли, неся его в зубах.

Когда щенку шакало-псового гибрида в возрасте трёх с половиной месяцев надоело три раза подряд подносить по команде кроличьи лапки, найденные им, на пустыре, кем-то прикопанные под кустом, вынеся четвёртую лапку из густого бурьяна, щенок не подал её дрессировщику, а снова прикопал в стороне, лишив себя лакомства, но «распорядившись» лапкой по своему «усмотрению».

У ШПБ постарше наблюдали способность по своему «усмотрению» «воздерживаться» от перенимания рабочего поведения «ментора».

Этот щенок-реципиент, наблюдая, как взрослая СПС в поиске закладок с препаратом ВВ обнюхивает места, где обычно их прячут, до тех пор не стремился повторять за ней её действия, пока не увидел, что та, найдя контрольную закладку, получила лакомство. Этого было достаточно, чтобы щенок тотчас начал повторять поведение взрослой СПС.

У другого бастарда, по кличке «Флип», рассудочная деятельность проявилась при его побеге из питомника, продолжавшегося три недели. Нашли его в терминалах аэропорта, отстоящих

от питомника в 2 км, куда «Флип» регулярно приходил к своим рабочим местам, пока сотрудники терминала не признали в нём того, кто был «объявлен в розыск».

Стремление бастардов в терминалы к поиску ВВ, подкрепляемому лакомством, со временем становится им не столько источником утоления пищевой мотивации, сколько их «информационного голода», где они черпают для себя то, чего им недостает в питомнике, «решая» туда не возвращаться.

Когда «Флипа», пожившего в домашних условиях, успешно поработавшего по поиску ВВ, возвращают в питомник, у него наступает нервное расстройство, сопоставимое с «падением настроения» у человека.

Промысловая лайка также любит погулять месяцами и, если не погибает, всегда и отовсюду возвращается домой.

Потрясают примеры самостоятельных поездок бесхозных псов в трамваях, метро, автобусах, троллейбусах и даже до недавнего прошлого в маршрутных такси с посадкой и выходом на нужных им остановках, о чём сообщают СМИ с демонстрацией любительских видеосюжетов.

Одного из таких «пассажиров» метро удалось проследить и автору этих строк до прибытия пса в свою стаю, встретившую его с радостью, чего не бывает при случайных встречах с чужаками. Находясь в вагоне, пёс безмятежно спал, но тотчас проснулся и вышел на своей остановке, где, не мешкая, побежал вверх по стоявшей ленте эскалатора. Я не отстал от него лишь потому, что поднимался за ним по движущемуся полотну и, чтобы не потерять его из вида, бежал за ним и по улице.

Человек, не думая, понимают ли его речь домашние животные, часто что-то им говорит, как правило, в форме поучений или уговоров, но не всегда, подобно повару из басни Крылова, а чаще вслед за воздействием «властью». Но псы способны приспособливаться. И если не полностью понимают смысл слов, то, отвечая адекватным поведением, на словосочетания в повторяющихся ситуациях, образуют на них врождённые реакции либо «телепатически» постигая их смысл, одновременно пользуются тем и другим, не реагируя на интонацию (ласковую, тревожную, угрожающую), которая часто бывает не адекватной или наигранной.

Но в Таймырском Н.О. аборигенные лайки на словосочетание: «Бар тагес!» («Пошёл вон!»), сказанное в любой интонации и даже шёпотом, реагируют однозначно: тотчас поджав хвост,

поспешно направляются к двери и, ускоряя движение, выскакивают, если она открывается наружу, как бы опасаясь удара вдогонку поленом, вполне возможного после такого трюизма. Однако всё ли здесь можно объяснить пониманием лайкой смысла, словосочетания. И нет ли в передаче информации другой модальности, в частности «телепатической», которой пользовался Великий Дуров, остаётся загадкой.

Ни кого не удивит доведенное до автоматизма исполнение собакой команд: «Ко мне!», «Вперёд!». На то они, как правило, и производится с максимальной чёткостью, в сопровождении соответствующих жестов, на которые у собаки также вырабатываются условные и врождённые связи.

Но из сообщения этолога И.П. Ивлевой узнаём, что её десятилетний кобель кавказской овчарки, неизменно «почивавший», не реагировавший на отвлечённые телефонные звонки и разговоры, на слова, произнесённые ею кому-то в телефон: «Я сейчас тебя встречу!», «просыпался» и поспешно направлялся к дверям, где без него никаким встречам быть «не положено». А если он слышал слова с радостными интонациями в голосе хозяйки, то спешил к калитке и ложился, заняв позицию для длительного ожидания. Аналогично он реагировал и на голос дочери хозяйки, когда слышал его по радио и видел её лицо на экране большого телевизора.

Вряд ли кого удивит, что вторая кавказская овчарка в том же доме, восьмилетняя сука «Анка», выросшая в окружении нескольких кошек, крепко с ними сдружившись, охраняет их и общие с ними «владения» от проникновения чужаков. Сама, научившись оповещать хозяйку лаем, когда ей хочется войти или выйти из дому, чтобы та открыла ей двери, «Анка» лает, трогательно заботясь и о своих кошках, чтобы и им хозяйка открывала двери, когда те молча сидят перед ними, не умея оповестить о своём желании, а «Анка» это безошибочно распознаёт.

То, что со стороны «Анки» это альтруистическая забота о кошках, а не о себе самой, указывает отсутствие у неё желания идти за ними или впереди них, когда хозяйка открывает двери, поскольку идут в них только кошки. Можно ещё много приводить примеров подобной рассудочной деятельности собаки, но они все укладываются и в рабочее поведение как охотничье-промысловый лайки, так и легавых, называемое у них «анонсом» или «докладом», и проявляемое ими в случае их лояльности к тем, кто берёт их на охоту. В быту псы с «докладом» встречаются у разных пород

и в целом это поведение свойственно не только легавым, укоренившись в блатном жаргоне за сотрудниками уголовного розыска.

Уровень рассудочной деятельности собаки, прибегшей к «анонсу», определяет сложность ситуации, побуждающей её на такой поведенческий акт, и адекватный, соответствующий событию, выбор ею реципиента для передачи информации.

Возможно, не каждый пёс обладает столь высоким интеллектом, но те случаи, подтверждаемые наблюдениями разных лиц, говорят, что в целом «нашим братьям меньшим» присущи не только элементы рассудочной деятельности, но и способность самостоятельно, в соответствии с ситуацией постигать смысл слов. Эти факты подтверждают возможность собаки адекватно реагировать на сигналы, исходящие и от мозга человека при участии в этом процессе её интуиции. Из наблюдений за упомянутым кобелём кавказской овчарки следует, что достаточно хозяйке лишь подумать, ничем не проявив своё намерение визуально, о том, что неизменно спящему псу можно дать вылизать кастрюлю из-под каши или его пора кормить, как тот моментально просыпался и шёл к месту, где обычно он всё это получал.

На память приходят «оспариваемые» физиологами школы академика Павлова опыты В.Л. Дурова по телепатии с одной из его «Каштанок», выполнявшей его, подававшиеся ей мысленно команды на подачу предметов, загадывавшихся участниками эксперимента во главе с В.М. Бехтеревым и его сотрудниками.

По убеждению физиологов школы Павлова, в тех опытах было больше цирковых трюков с идиомоторикой, спекуляций и домыслов, чем фактической передачи сигналов на расстоянии от мозга человека к мозгу собаки, что тем не менее страдало как предвзятостью и некорректным отношением к личности Велико-го дрессировщика, так и к его опытам.

Но биоэкстрасенсорика, всё больше обрастая фактами постижения животными и, в частности, псовыми, мысленных намерений человека, от которых зависит их благополучие, набирает силу и, подвергаясь в наши дни более пристальному анализу, требует их научного осмысления, поскольку, двойственность такого осмысления без строгого научного анализа приводит к противоположным выводам.

Так, из советов начинающим охотникам на ОВ биолога-охотоведа, кандидата биологических наук, известного у нас как волчатника №1, М.П. Павлова, следует, что в коллективной охоте

на «зафлаженных волков», звери, как правило, в обкладе выходят на новичка, а не на «бывалых» охотников и тех, кто думает о волках плохо.

Всего раз, участвуя в такой охоте, я, автор этих строг, мог бы на личном примере убедиться в правоте Михаила Павловича, непревзойдённого практика коллективной охоты на этих зверей. Строго соблюдая все правила поведения на номере, кроме одного, я не стал стрелять по единственному в обкладе волку, а естественно думая о нём хорошо, лишь зачарованно проводил его глазами, не поднимая ружья, в то время как «бывалые» участники охоты даже издали этого волка не видели.

Объяснениями этого факта могут быть как проявление волком загадочной экстрасенсорики, так и строгое соблюдение новичком правил поведения стрелка на номере, позволившее мне не «подшуметь» зверя, в отличие от «бывалых» участников охоты, а тот «за это», на меня и вышел, что свидетельствует о весьма прозаической причине.

Но факты продолжают свидетельствовать, что проводники СПС и операторы судебно-одорологической экспертизы, применяя лабораторных СД, постоянно становятся заложниками своих нарушений чистоты анализа испытуемого запаха, влияя осведомлённостью о местонахождении искомых объектов, недопустимой в их работе, что уже давно «непостижимым» образом передаётся собакам.

Это относится как к результатам выборок СД испытуемых проб в ряду выборки, так и обнаружению СПС контрольных закладок препаратов ВВ в местах их поиска, будь то полигон, терминал аэропорта или воздушное судно.

Псы-телохранители из среднеазиатских и кавказских молосов, или даже прирученных волков, о которых узнаём из тех же СМИ, перехватывая у нападающего руку до момента её занесения на хозяина, обладают не столько реакцией тореодора, сколько присущей им особой «интуиции», предвидя улавливаемое тем же «непостижимым» образом намерение противника.

Этой «интуицией» обладают все виды семейства псовых, но в схватках побеждает тот, у кого нервно-мышечная система срабатывает на сотые доли секунды быстрее, позволяя раньше взять противника «мёртвой хваткой» «по месту», т.е. за нос или горло. Часто лиса и фокстерьер одновременно хватают друг друга: «пасть в пасть».

Создается убеждение, что, упреждая намерения противника, звери с помощью экстрасенсорики «перехватывают» у него нервные импульсы, поступающие в его двигательный центр головного мозга до совершения им направленных против них телодвижений.

Более того, кажется и то, что благодаря телепатии псы не менее успешно улавливают и другие интересующие их сигналы, «считывая» в отношении себя и сиюминутные намерения человека, ещё не проявленные им каким-либо образом.

Если в обыденном общении собаки с её хозяином «всё это» вызывает умиление, а в «тандеме» кинолога и СПС помогает им в работе, то в судебно-одорологической экспертизе «оно» служит помехой, ибо от СД требуется найти в выборочном ряду пробу запаховых следов подозреваемого по образцу его ИЗ, а не по месту нахождения пробы, на которое собаку могут навести «запретные» мысли оператора.

Версия о способности собаки «считывать» мысли человека, интригующая начинающих кинологов, у практиков «со стажем» становится «аксиомой».

Однако не меньше ещё остаётся и скептиков, не верящих в телепатическую способность собаки, требуя экспериментального подтверждения. Проблема же такого исследования заключается в том, что собака, кроме неустановленной телепатии, фактически использует в поиске объектов по запаху комплекс разномодальных сигналов, связанных с местом расположения искомого объекта, объединяя их в суммарный раздражитель, в котором каждый компонент обладает силой всего комплекса.

Объективный анализ требует удалить все компоненты, влияющие на её работу, оставив лишь телепатический сигнал оператора, принимаемый собакой.

Буквально воспроизвести эксперимент В.Л. Дурова, из-за отсутствия у нас безупречно подготовленной собаки-апортировщицы, какую Владимир Леонидович демонстрировал В.М. Бехтереву, мы не могли, а использовали работу ШПБ с кровностью по ОШ от 10% до 32%, подготовленных по методике судебно-одорологической экспертизы для применения в качестве СД запаха.

Результаты нашего эксперимента будут представлены по его завершении.

Техника и собака: гармония или противостояние

05.09.16 К.Т. Сулимов

Если по значимости для безопасности нашей страны приборы, применяемые в отслеживании криминального хранения и распространения взрывчатых веществ (ВВ), наркотиков и других объектов, запрещённых к гражданскому обороту, с одной стороны, а с другой – их традиционные поиски со служебно-поисковыми собаками (СПС) условно сопоставимы, то судебно-одорологической экспертизе с применением собак-детекторов (СД) в идентификации лиц по их запахам следов на местах неочевидных событий альтернативы в мире техники нет, и она не предвидится в обозримом будущем.

Однако на практике технократы с некоторых пор во всём стали ближе к господдержке и даже получили некое «Добро» на «сдерживание» своего «конкурента» не так как раньше обласканного преференциями, чему на наш взгляд есть весомые доказательства и неоднозначные причины.

Для кинологов фактором такого сдерживания явились дискриминационные ограничения, введенные только у нас против использования в подготовке СПС и лабораторных СД, реальных масс ВВ, что не может свидетельствовать о равенстве возможностей, поскольку технократы в своих разработках «Электронных носов» имеют доступы ко всему, что им необходимо.

Ограничения кинологам доступов к реальным массам ВВ в подготовке СПС–СД наши технократы аргументируют тем, что поскольку они довольствуются ВВ в «неопасно-малых» дозах, то и кинологам не надо в этом делать исключений.

Однако, многолетняя практика применения СПС для поиска мин и других взрывных устройств (ВУ) по запаху слаболетучих ВВ (тротил, гексоген и пр.) свидетельствует, что кинологические расчёты, подготовленные по методикам, разработанным ещё в Школе МО СССР «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА», где таких ограничений не было, обнаруживают как следы ВВ, не регистрируемые ни нашей, ни импортной техникой, так и реальные массы ВВ.

Теперь же, к сожалению, у нас об этом приходится напоминать новоявленным оппонентам кинологических мониторингов безопасности.

Но если у наших инженеров, разрабатывающих более полувека «Электронные носы» и хорошо осведомлённых о возможно-

стях СПС эти факты могут вызвать разве что застарелую зависть, то уже их «современные» коллеги, ортодоксальные «физхимики», беспепелляционно с высоких трибун выражают неоспоримым фактам своё «научное» недоверие, засоряя им общественное сознание и влияя на законодателей.

Огульное и высокомерное недоверие химиков-ортодоксов кинологической практике, высказываемое на учёных форумах, подогревает нездоровый скепсис и у «высоких» покровителей технократов, заинтересованных в решении задач с незаконным оборотом запрещённых объектов (ВВ и др.) исключительно их техническими средствами.

Подмалоубедительными предложениями оппоненты-технократы, добившись ограничительных мер к использованию в подготовке СПС реальных количеств ВВ, нашли себе занятие «изобретать» для кинологов «имитаторы ВВ», хотя без их реальной массы в подготовке СПС не обходится ни одна полиция, как, например, в Чехии, где «отработанные» в подготовке СПС килограммы ВВ в конце года списывают и уничтожают обычным путём.

Реальную массу ВВ применяют для подготовки СПС всюду, как это было и у нас во время ВОВ, и вскоре после неё по методикам подготовки минно-поисковых собак, разработанным Школой МО СССР «КРАСНАЯ ЗВЕЗДА», не имевшей равных по уровню науки и практики.

Теперь же кинологам взамен реальной массы ВВ в лучшем случае предлагают их низкоконцентратные препараты разового применения, а в худшем – многоразовые, кустарно-изготовленные умельцами, и уж совсем непригодные «имитаторы», которые по понятию нельзя использовать для подготовки собак на поиск и обнаружение реальных ВВ–ВУ, поскольку СПС ищут тот запах, который им по составу и концентрации предоставляют при их подготовке, и он не должен резко отличаться от реальных ВВ–ВУ, иначе их запах не вызовет у собаки при обнаружении ВВ–ВУ стереотипного сигнального поведения (ССП).

Но из этого не следует, что СПС и СД только повторяют функции техники. В ольфакторном поведении собаки участвует и её рассудочная деятельность, которую в поиске ВВ можно охарактеризовать как «хемоэкстраполяцию» как помогающую, так и затрудняющую им поиск реальных ВВ–ВУ.

Хемоэкстраполяционное поведение СПС–СД подготовленных к поиску, например, какой-либо конкретной селитры, при её

замене другой селитрой позволяет собакам реагировать ССП и на любую из них, руководствуясь запахом нитрогруппы, общим для всех селитр и не только, ибо эти собаки реагируют ССП как на любую из селитр, так и на вещества, имеющие общую нитрогруппу, например, на дубильные квасцы, остающиеся в изделиях из кожи, на фармпрепараты и пр., что часто служит источником ошибок (см. далее).

И такие ошибки у СПС–СД будут происходить до тех пор, пока у них не выработается дифференцировочное торможение ССП на запах нитрогрупп, исходящий не от производных ВВ, а от других запаховых объектов. Но для этого образцы тех и др. должны входить в учебные реквизиты при подготовке СПС–СД, что не представляется возможным иметь их в натуральном виде. Поэтому потребность в их препаратах-заменителях важнее заменителей реальных ВВ–ВУ.

Но поскольку у нас на разработку «заменителей» реальных ВВ не жалеют, ни времени, ни средств, а такого контроля, как в Чехии, за использованием реальных ВВ мы обеспечить не можем, то отмен препаратов и «заменителей» ВВ в обозримое время ждать не приходится, несмотря на то что такая замена в обучении СПС–СД чревата ошибками, кинологам остаётся только минимизировать негативные последствия навязанной им псевдоподготовки СПС–СД, ибо они несут по всей строгости закона ответственность за ошибки СПС–СД, а не те, кто по преступному недомыслию продаёт им негодные для подготовки собак средства, и по справедливости должны бы разделять с ними ответственность.

А тем, кто занят разработкой запаховых препаратов ВВ и заменителей ВУ, рациональнее бы заняться препарированием заменителей веществ, имеющих общие с ВВ нитрогруппы и вызывающие ошибки не только у СПС–СД, но и у приборов.

Поскольку убедить в этом «умельцев», а «химфизиков» тем более, озабоченных заменой реальных ВВ на «нечто» по их понятиям, «напоминающее», невозможно, выправлять положение, следует с государственных допусков к разработкам учебного реквизита кинологов с высшим биологическим образованием.

Получив соответствующие допуски к этой непростой работе, не менее важной чем изобретение приборов, они лучше могли бы следить за разработками ВВ–ВУ не столько у себя, сколько по ту сторону фронта. Их запаховые композиции максимально долж-

ны быть приближены к запахам реальных ВУ террористов, а не к «букетам» наших штатных боезарядов со своих заводов из одного хранилища боеприпасов, на запаховой фон которого у СПС–СД вырабатываются нежелательные связи, ибо в нём больше запаха упаковочных и других сопутствующих материалов, чем слаболетучих ВВ.

Наше предложение изготовителям учебной запаховой атрибутики, предназначенной для подготовки СПС–СД, не игнорировать в своей работе двух принципов, заложенных в следующих ТЕХНИЧЕСКИХ ЗАДАНИЯХ (ТЗ):

а) ТЗ на приготовление ПРЕПАРАТОВ ВВ;

Для препаратов ВВ годятся только химически-чистые тротил, ТЭН, гексоген и другая или взрывчатка, извлекаемая из старых боеприпасов, используемая террористами.

ВВ растворяют в химически чистом ацетоне, или в ином летучем, но не токсичном растворителе.

В раздельно приготовленные растворы каждого вида ВВ погружают фильтровальную бумагу, которую после пропитки раствором просушивают в приточно-вытяжном шкафу до максимально-полного удаления (выветривания) растворителей.

Этими же растворителями, но без ВВ обрабатывают и фильтровальную бумагу, используемую в контроле.

Бумагу, пропитанную растворами ВВ после просушки проверяют на надёжность фиксации в ней кристаллов ВВ, путём встряхивания или более технологичным способом.

Если происходит их осыпание, то снижают концентрации растворов до уровней, гарантирующих ВВ от осыпания.

Существуют и более совершенные способы нанесения ВВ на носители в специальном устройстве под вакуумом.

Бумагу делят на куски, их суммируемая поверхность должна обеспечить сопоставимую со штатными зарядами ВВ и ВУ террористов концентрацию паров ВВ.

Удобны фильтры-диски заводского изготовления диаметром 50 мм, которые легко делить на секторы и сегменты, цель которых приведена ниже.

Препаровочные работы проводят в вентиляционном шкафу, начиная под вытяжной тягой для выветривания запаха растворителей, а заканчивают под приточной для удаления с объектов индивидуального запаха (ИЗ) лиц, производивших препарирование.

Желательна заводская маркировка дисков красителями без запаха, отражающая вид испытуемых веществ. Дату их нанесения и другие необходимые сведения под шифрами, вписываемыми на верхнем диске простым карандашом.

Питомнику отдела кинологического мониторинга ПАО «АЭРОФЛОТ» для подготовки молодняка и тренировки 50 взрослых СПС требуется в год порядка 50 тыс. дисков разного использования, пропитанных растворами ВВ, в том числе: Тротила 20 тыс. Гексогена 10 тыс., ТЭНа 5 тыс., Пироксилиновых порохов 3 тыс., Селитр 2–3 тыс., Дисков, пропитанных только растворителями 10 тыс.

Но поскольку поставщик препаратов не смог ни разу предоставить такое количество дисков, для их экономии и возможности создавать из них запаховые композиции, максимально приближенные к реальным ВУ, изготовлен «простейший» макет ВУ, рассчитанный с одним набором дисков, максимум на три применения в работе с одним расчётом СПС–СД, после чего диски заменяются свежими.

Учебная атрибутика более длительного использования, предлагаемая изобретателями и изготовителями учебных макетов ВУ мало пригодна для подготовки СПС–СД, ибо она при любых мерах предосторожности и дезодорации накапливает на себе запахи окружающих источников.

Их комплекс очень скоро становится для СПС–СД более сильным, запаховым раздражителем, чем реальные ВУ террористов, не обладающие специфическими для СПС–СД запахами.

В результате они неизбежно переходят у СПС–СД в категорию ведущего запахового комплекса, собаки ищут его в первую очередь, минуя все прочие запахи, в том числе и запахи ВВ, не ставшие для них ведущими, что часто приходится видеть на состязаниях СПС, которых готовили на реквизитах длительного применения, или, что ещё хуже, на имитаторах ВВ.

К «помехо-опасным» запаховым следам прежде всего относится индивидуальный запах (ИЗ) лиц, постоянно ими оставляемый на макетах ВУ длительного применения, где он служит более сильным запаховым раздражителем, чем все другие запахи, независимо от их концентрации.

б) ТЗ на изготовление макета «ВУ» со сменяемыми источниками запахов.

Устройство представляет собой плексигласовый или металлический стержень-болт диаметром 5–7 мм, длиной 9–10 см, имеющий по всей длине винтовую нарезку. Один конец стержня заострён для нанизывания на него порядка 40–50 фильтровальных дисков, разделяемых для продухов шайбами диаметром 10 мм, толщиной 2 мм с отверстием диаметром 7 мм. Тупой конец стержня ввинчивается в круглое основание диаметром 6 см из плексигласа или металла, позволяющее ставить устройство в вертикальном положении. На заострённый конец стержня, с набором нанизанных дисков для их удерживания от рассыпания, навинчивается гайка-шайба.

Все металлические части устройства изготавливают из алюминиевых сплавов, используемых в самолётостроении, и кроме плексигласа не должно быть других материалов, на запахи которых у СПС будут образовываться условные нежелательные связи.

Устройство хранят в собранном виде в стеклянной (консервной) банке ёмкостью порядка 0,5 л, с крышкой «твист», где диски с препаратами ВВ и другими веществами вспомогательного или испытуемого характера защищены от адсорбции посторонних запахов и выветривания ВВ.

Устройство позволяет создавать из дисков с разными ВВ и другими компонентами, сопутствующими ВУ, запаховые композиции, «букеты террористов», для подготовки СПС к их поиску.

Устройство пригодно и для сенсibilизации обоняния СПС–СД к следовым концентрациям любых запахов.

Для этого его применяют в режиме постепенного удаления дисков, кроме так называемого последнего, у которого уже выстригают для удаления секторы или отсекают определённой площади (или навески) сегменты.

Они несут миллиграммы вещества (комплекса), служа измерениями им порога чувствительности обоняния СД к его запаху при нормальных (лабораторных) температуре воздуха +20°С и его относительной влажности 60–80%.

Исследования доктора химических наук Э.П. Зинкевича, посвятившего свою научную деятельность изучению обоняния, показали, что восприятие запаха ряда веществ невозможно в атмосфере азота и других инертных газов, а возможно лишь в присутствии кислорода воздуха, участвующего в их окислении и распаде на мелкие молекулы, более доступные обонянию.

К таким веществам относятся и тугоплавкие ВВ с крупными (слаболетучими) молекулами, из-за чего приборная техника их не регистрирует, пока её сенсор не накопит их концентрацию до требуемого уровня.

Обоняние же СПС–СД также их не чувствует, пока они не распадутся на более мелкие (и лёгкие) дериваты.

Технократам и тем, кто их опекает, остаётся понять, что обоняние – явление сугубо биологическое. По чувствительности оно на порядки превосходит «ЭЛЕКТРОННЫЕ НОСЫ», которым невозможно приблизиться к процессу, преобразующему в носу реципиента крупные молекулы вдыхаемых веществ в их более лёгкие дериваты, воспринимаемые обонянием не только собаки, но и человека.

ВВ, попадающие в носовую полость СПС–СД под действием ферментов вырабатываемых слизистой тканью носа, мгновенно подвергаются окислению и распаду на свои более лёгкие для восприятия обонянием дериваты, подобно белкам, углеводам и жирам, подвергающимся в желудочно-кишечном тракте хотя и не мгновенному, но такому же распаду на более лёгкие для усвоения вещества и также под воздействием ферментов, но только пищеварительных.

Однако на образующиеся окислением ВВ дериваты, которые не все известны и химикам, сенсоры приборов не рассчитаны, а посему их не берут во внимание, поскольку процесс распада ВВ во внешней среде протекает столь медленно, что в ВУ они не успевают накапливаться до критической массы недостаточно чувствительной и надёжной техники. Проблема их обнаружения приборной техникой вызвана крайне затратной разработкой для каждого из них специальных сенсоров.

В носу же СПС–СД процесс окисления и распада ВВ, происходящий на вдохе–выдохе и ускоряемый ферментами, сопровождается выделением тепла, также способствующего ускорению процесса, в итоге протекающему мгновенно.

При распаде ВВ происходит и увеличение общей массы распавшихся веществ. Став запаховыми раздражителями, они по физиологическому закону суммируются в раздражитель, способный за те же тысячные доли секунды вызвать в центре обоняния головного мозга СПС–СД как мгновенное восприятие запаха конкретного ВВ, так и выдать ответную реакцию ССП о факте его обнаружения.

Но если окисление ВВ в носу СПС–СД ускоряют ферменты, а под действием детонации происходит их взрыв, то окисление без того и другого, протекая крайне медленно, накапливает те же дериваты, повышая не только бризантность ВВ, но делая их доступными и обонянию СД–СПС.

Известен случай обнаружения минно-розыскной собакой по запаху тротила неразорвавшейся авиабомбы, пролежавшей со времён Великой отечественной войны на глубине 4-х метров.

Но как ВВ, так и их дериваты, попадая даже в ничтожных количествах в носовую полость собаки, тут же «доокисляются» с распадом на ещё более мелкие молекулы, «обогатив» в разы их совокупную массу, образующую «суммарный» раздражитель, силы которого с избытком хватает для вызова у СПС–СД ССП.

В целом скорость обоняния конкретного вещества зависит от его химической структуры, активности ферментной системы реципиента запаха и типологических особенностей его Высшей нервной деятельности (ВНД)

Работы Н.М. Мызникова показали, что кондиционирование температуры до +20°C и влажности воздуха до оптимальных уровней 60–80% повышает чувствительность обоняния собаки к некоторым пахучим веществам.

Однако остроту обоняния к конкретным пахучим веществам у наземных зверей многократно повышает их так называемое внутреннее кондиционирование воздушного потока в момент прохождения его через носовую полость, где он, попадая в среду гомеостаза температуры, влажности и изотонического раствора солей, тут же подвергается воздействию ферментной системы.

Все вещества, оказавшиеся в этом потоке под действием ферментов окисляются и распадаются на свои, более простые дериваты.

Но, захваченные потоком воздуха пылевидные частицы ВВ и его отдельные молекулы, распавшиеся на более доступные обонянию дериваты, вызывают у СПС–СД ССП обнаружения ВВ, независимо от того, в каком составе веществ они попали в запаховый анализатор собаки.

Собака, обладая исключительной среди зверей макросматов избирательностью запахов как отдельных веществ, так и их комплексов, тем не менее функционально завит от той их концентрации, при какой она обучена их поиску.

Обоняние собаки, подготовленной к поиску лишь следовых количеств (паров) как ВВ, так и наркотиков, подобно прибору легко «зашкалить», если её впервые пустить на поиск открыто предьявленных этих веществ не в следах, а в килограммах.

При таком казусе СПС–СД не среагируют своим ССП на искомое вещество, знакомое им по слабо-концентрированному запаху препарата, зато приборы в подобных случаях должны работать, что вызовет у неискущённых заложников такой подготовки СПС–СД недоумение и досаду, а у технократов укрепит их «убеждённость» в «преимуществах» техники и «ненадёжности» собак.

Однако собака, будучи на языке технократов «системой» живой, самообучающейся и саморегулирующейся, в которой всё действует одновременно и слаженно, обучается поиску и обнаружению любой массы ВВ, если таковые применяют в её обучении. Поэтому вначале учебными атрибутами должны служить килограммы ВВ, как они служат в др. странах, где не заморачивают, ни себя, ни тем более СПС препаратами ВВ, не говоря уже об их имитаторах.

Если использовать препараты, содержащие «символическую» массу ВВ, предназначенную «имитировать» запах, так называемых схронов ВВ и ВУ террористов, исходящий от килограммов взрывчатки, им требуется испарять и сопоставимую концентрацию молекул ВВ, что можно обеспечить лишь в предложенном выше макете ВУ, который должны стать в подготовке СПС неотъемлемой атрибутикой.

И наоборот, сенсбилизация обоняния СПС–СД, повышая на порядки их чувствительности к ВВ, требует тренировок поиска и выборок проб, полученных на адсорбент от испарений со следовых количеств ВВ.

Такие пробы для тренировок берут из воздуха замкнутых пространств способом дистанционного анализа воздушной среды («ДАВС»), разработанным А.Г. Зариповым.

Пробы исследуют по методике применения СД в судебно-одорологической экспертизе, в режиме постепенного снижения выдержки искомого адсорбента в «парах» испытуемого ВВ.

В использовании СПС–СД важен также феномен сохранения силы «суммарного» запахового раздражителя в его остающейся «разности» после «вычитания» части его «слагаемых» запахов.

На этом феномене, используемом, в частности, в запаховых «химловушках», основана и порочная замена реальных ВВ на

так называемые имитаторы, которые составляют из нейтральных веществ, входящих в, т.н., «флегматизаторы» ВВ, а также в упаковочные и клеящие материалы штатных боезарядов.

Применяя их, не всегда учитывают, что унитарная реакция ССП на их запах образуется у СПС–СД только после занятий с суммарным раздражителем, в который входил запах реальных ВВ.

Но такие «имитаторы» используют в подготовке и работе СПС по поиску ВВ, применяя их в учебных реквизитах сразу вместо реальных ВВ, находящихся под запретом.

В этом качестве используют также упаковочные и другие сопутствующие заводским боезарядам материалы, несмотря на порочность такой практики.

Когда же СПС, подготовленных с помощью «имитаторов» применяют на поиск реальных ВВ, избежать ошибок, как правило, невозможно.

В обратном (позитивном) варианте работают, т.н., запаховые химволюшки, где их препараты помогают подготовленной к работе по ним служебно-розыскной собаке (СРС) выбрать след фигуранта-нарушителя, попавшего в сферу действия «ловушки».

Пробежав по «замаркированному» следу нарушителя некое расстояние, напоминающему по убыванию запаха препарата его «обратный след», СРС запоминает и индивидуальный запах (ИЗ) фигуранта, который для собаки более специфичен.

Возрастая концентрация ИЗ, указывает СРС и его «истинно-прямое» направление.

При истощении запаха препарата, СРС продолжает идти по прямому следу фигуранта, уже руководствуясь лишь его ИЗ даже в том случае, если тот избавится от замаркированной одежды и обуви.

Исследования А.В. Сурова показали, что определёнными фракциями вагинальных выделений хомячков, у самцов можно вызвать половое поведение, как на их полный состав.

Т.Ф. Моисеева подбором нескольких предельных жирных кислот создала запаховую композицию, на которую СД, уже применявшиеся для обнаружения женского запаха в судебно-одорологических экспертизах, реагировали как на натуральный женский запах, содержащий тысячи компонентов.

Вещества, используемые в заводской упаковке боезарядов ВВ и встречающиеся в бытовой химии при подготовке СПС на их запах, при поиске реальных ВВ–ВУ, служат причиной так называемых ошибок «Второго рода». А тех СПС–СД, которых обучали

поиску взрывчатки, применяя её в чистом виде, её запах стал им ведущим, т. е. предпочитаемым прочим запахам.

Методически правильную подготовку собак следует начинать с выработки у них ССП на такие виды ВВ и в той их массе какую террористы используют в ВУ, прячут в своих «схронах» и могут для совершения теракта пронести к местам скопления людей или на борт воздушного судна.

Если удалить из такого ВУ сопутствующие элементы, силу его суммарного запахового раздражителя сохранит лишь сама взрывчатка. Тренировкой СПС в поиске макетов ВУ по запаху такой взрывчатки его делают у неё ведущим на весь рабочий срок её жизни, но даже учитывая вредность для её здоровья такой работы и питания в питомниках сухим кормом, жизнь у неё в среднем заканчивается к десяти годам, но не к восьми, как пишут техники, оппоненты кинологического мониторинга безопасности.

Природа распознавания (служебно-розыскной) собакой запаха индивидуума и направления его запаховых следов

В исследованиях доктора химических наук Э.П. Зинкевича индивидуальный запаховый комплекс (ИЗК) человека, как и других многоклеточных животных, состоит из тысяч веществ, которые можно разделить на три основные фракции:

- а) насыщенных жирных кислот, продуктов метаболизма и липидного обмена организма, сохраняющих запаховый код индивида (ЗКИ) при нагревании в автоклаве выше +100°С и устойчивых к дальнейшему окислению и распаду,
- б) нейтральных химических веществ, не устойчивых к окислению и не несущих компонентов, определяющих ЗКИ.
- в) химических оснований, не устойчивых к окислению и не имеющих существенного значения в детерминации ЗКИ.

Вещества, определяющие ЗКИ, находясь в крови организма, переходят из неё в пот, мочу и естественным путём выводятся наружу, где, в зависимости от субстрата и метеоусловий, могут некоторое время сохраняться в следах его жизнедеятельности.

С кровью (кроме менструальной) вещества ЗКИ выходят за пределы организма при повреждении его кровеносных сосудов и, в частности, капилляров кожи.

Микроповреждения кожных капилляров проколом иглой применяют в микродонорстве крови для создания из её высушенных пятен коллекции различных признаков организма и, в частности, его ЗКИ.

Выделяют ЗКИ из сухих пятен крови, размачивая их водой.

Глобулины крови, высохшей в пятне на марлевой салфетке, образуют твёрдую структуру, позволяя сохранять такие пятна в бумажных конвертах, по меньшей мере, десятки лет.

Так из сухих пятен крови, взятой у лиц, например, при их диспансеризации, можно поставить на «одорологический учёт» персонал, имеющий допуски на спецобъекты и, в частности, на воздушные суда.

«Одорологические учёты» как гласные, так и оперативные, технического персонала будут не менее полезными на водном и ж/д транспорте.

Эффективность таких учётов была доказана в профилактике и рецидивной преступности в курортных городках Прибалтики.

Но для этого надо организовать в кинологических Центрах, существующих в транспортной полиции, на Таможне, в МЧС и в частных компаниях Спасателей «одорологические учёты» и лаборатории судебно-одорологической экспертизы, требующие юридической проработки вопроса. Там, где лица состоят в ОВД на административном учёте, в правовом отношении упрощает и их «одорологический учёт».

Фракции ИЗК, представленные нейтральными и химическими основаниями, будучи наименее устойчивыми во внешней среде, окисляясь, изменяют физико-химические свойства запаховых следов.

По убыванию этих изменений и возрастанию концентрации общего запаха собака и находит «прямое» направление следов, отличая их от «обратных» по убыванию концентрации запаха в целом, и возрастанию в нём качественных изменений.

То, что собака это делает, почти не снижая аллюра и на кругах, диаметры которых не превышают и десятков метров, может паразитировать воображение.

Используя СД в выборке без стартовой установки, её предпочтение наименее изменённых во времени ЗСИ, можно установить время их образования на местах неочевидных происшествий.

Это даёт дознание розыскную информацию в установлении лиц, причастных к происшествию, а следствию – доказательства

суду, позволяющие решать вопросы алиби фигурантов, следы которых были обнаружены на местах неочевидных событий.

Однако технология сборов запаховых следов для решения судебно-одорологической экспертизой таких вопросов остаётся пока достоянием эксперимента, проведенного ещё в лихие 90-е годы ().

На пороги восприятия обонянием СД запаховых следов ИЗК влияют следующие факторы:

а) соотношение в геноме собаки активных и «спящих» обонятельных генов и зависимость их ферментной активности от сезонов года;

В полном составе активные обонятельные гены домашней собаки присутствуют у её диких родичей: обыкновенных волка и шакала. Но если у субтропического шакала обонятельные гены не меняют по сезонам года своей активности, то у волка они подвержены изменчивости, и поэтому в целом по остроте обоняния волк уступает своему «младшему брату».

б) качество подготовки СД и её рабочее состояние на момент тестирования зависит также и от функционального состояния оператора.

Фактор «а» зависит от подбора пар в воспроизводстве собак, что сопоставимо с разработкой в тех же целях новых приборов. Однако затраты на воспроизводство и содержание новых поколений собак с их специальной подготовкой ниже инженерных и несопоставимы с ними по срокам, ибо тем на разработку хемосенсоров конкретных веществ уходят годы.

Молодую же собаку с её естественными обонятельными сенсорами-генами при соответствующем подборе опытный дрессировщик может подготовить за полтора месяца на поиск любых запахов.

Термин «ложный сигнал», широко употребляемый в оценке негативных результатов работы как приборов, так и СПС–СД, принципиально неверен и требует замены словом «ошибочный», поскольку, ни собаки, ни приборы не страдают человеческим пороком. В противном случае мы не могли бы использовать ни тех, ни других по их назначению.

Однако те и другие имеют сходные по значению ошибки «первого» и «второго» родов.

Ошибки «первого рода» происходят от недостаточной чувствительности прибора или остроты обоняния СПС–СД к поро-

говым концентрациям испытуемых веществ в их газовой фазе, когда, прибор, не регистрирует их своим индикатором, а СПС-СД не отмечают ССП. Но у тех и других ошибки «первого» рода могут происходить и в случае так называемого «зашкаливания», когда прибор не рассчитан на высокую концентрацию паров веществ, а она превышена (на два-три порядка) или такая концентрация испытуемого вещества не применялась в подготовке СПС-СД, ибо от количества вещества зависит и качество его запаха.

Ошибки «второго рода» ещё более напоминают «обман», ибо прибор в этом случае регистрирует наличие испытуемого вещества там, где его нет, а СПС-СД отмечают ССП объект, не имеющий конкретного запаха искомого вещества, и в выборе руководствуются раздражителями иных модальностей.

Но существенное отличие ошибок прибора и собаки в том, что в приборе они заложены его конструкцией, а у собак они зависят от качества их подготовки, смещаясь в пограничные состояния в зависимости от концентраций паров испытуемых веществ, применявшейся в учебной атрибутике.

Тренировкой собаки на поиск-выборку конкретного запаха в режиме постепенного снижения его концентрации у неё можно повысить остроту обоняния к испытуемому запаху на порядки, но начинать надо с его максимально-допустимой концентрации, чтобы не было его «неузнавания» в случае (её) превышения.

Точно также у собак вырабатывают дифференцировочное торможение ССП на раздражители любой модальности, которые вызывают ошибки «второго рода».

Неиспользуемые новации

К восприятию всего «непривычного» наши чиновники не готовы на протяжении целых поколений, о чём свидетельствует отсутствие интереса у руководства кинологических Центров к Комплексу, разработанному ещё 40 лет назад во ВНИИ МВД СССР.

Комплекс разработан под становление генофонда шакалопсовых бастардов (ШПБ) для кинологического мониторинга криминального оборота наркотиков.

Его научно-производственную базу успешно использовала судебно-одорологическая экспертиза. Комплексу она обязана и своим становлением с признанием судебной практикой страны.

Но поскольку Комплекс не имеет аналогов, его невозможно целиком внедрить в кинологическую практику нашей страны.

Клетка с решётчатым полом для содержания животных, второй по значению, после ШПБ, элемент Комплекса. Она позволила упразднить уборку за СД на десятки лет, повысив гигиену их содержания, освободила рабочее время кинологов для более продуктивных занятий, но до сих пор не внедрена в широкую производственную практику нашей страны.

Причины те же – профнепригодность руководителей Центров и, конечно же, строителей типовых питомников, которым не нашлось в конструкции клетки ничего пригодного для дачного строительства.

Комплекс, безоговорочно принял лишь «АЭРОФЛОТ», где и кинологический мониторинг обеспечивается применением ШПБ.

Но ШПБ лучше знают и почитают не у нас, а за рубежом, о чём свидетельствует то, что первый ШПБ, подготовленный к поиску ВВ за пределами аэропорта «ШЕРЕМЕТЬЕВО», оказался не в кинологическом Центре нашей страны, а в США.

И хотя учредители частной компании «ВЕЖЛИВАЯ СОБАКА», вопреки официозной диффамации, инспирированной в прошлом веке против ШПБ сотрудниками ЭКЦ МВД РФ (уволненными по служебному несоответствию), вырастили из двух щенков ШПБ непревзойденных «мастеров» спасения, но и три ШПБ никак не делают погоды их внедрению в широкую производственную практику.

ШПБ, полученные скрещиванием обыкновенного шакала с метисами оленегонной лайки и гладкошёрстного фокстерьера, были вначале апробированы в поиске гашиша и опия сырца.

Затем четвертькровных по шакалу бастардов использовали в судебно-одорологической экспертизе, которая обязана им своим становлением и признанием судом.

И, наконец, благодаря их исключительным психофизическим данным, уникальной ориентировочной реакции, непревзойденно острому обонянию они нашли призвание и в кинологическом мониторинге, «АЭРОФЛОТ», став генофондом собак наиболее пригодных для поиска ВВ среди всех пород, используемых в этих целях.

Выдающиеся качества ШПБ обязаны обыкновенному шакалу и оленегонной лайке с гладкошёрстным фокстерьером старого

промыслового типа, специально выбранного из представителей этой породы для воспроизводственного скрещивания с ШПБ.

Благодаря наследственности лаек Заполярья, ШПБ, как ни одна заводская порода собак, переносят любые морозы, а при 25% кровности по шакалу адаптируются и к экстремальной жаре субтропиков, сохраняя при этом работоспособность и вязкость, полученную от фокстерьера.

На испытаниях по поиску ВВ в Арабских Эмиратах при +45°C в тени и +60°C на разогретом полуденным солнцем песке, в новой для них обстановке работы на авто-фурах с мелким рогатым скотом, ШПБ нашли все закладки тротила, не отвлекаясь на столь непривычные помехи.

К всеобщему удивлению мелкий рогатый скот, встреченный ШПБ впервые, не отвлек их от поиска тротила, запах которого в любых условиях стал для них ведущим.

В то же время традиционные европейские породы овчарок, закупленных на Украине для поиска ВВ и «наркоты», которых содержат в ангаре с кондиционированным воздухом, так и не показали функционального состояния, если не считать «вялого интереса» к козам и овцам.

Однако наши СМИ, назвав ШПБ «Шалайкой» и вписав это прозвище даже в словарь С.И.Ожегова, с тем же умилением и без тени сомнения сообщают, что кинологический Центр ГУВД Москвы меняет традиционного спаниеля на Корги, ещё «более декоративную» породу, пригодную лишь к ношению на руках, хотя способную «преодолевать» и ухоженный газон, зато по цене несравненно «круче» спаниеля.

Но если нам дорог уникальный генофонд ШПБ, созданный для замены малопродуктивных пород, используемых в судебно-одорологической экспертизе, спасении пострадавших в руинах и лавинах, в поиске потерявшихся в лесу, а также для поиска ВВ, наркотиков и других объектов в их криминальном обороте, при этом пригодных к использованию во всех климатических поясах и гуманитарных направлениях, то уже пора отказаться от дилетантских изысков, для этих и других целей пород, «более пригодных», чем ШПБ.

Апробации применений узкоспециализированных пород в несвойственных им целях закончились уже в прошлом веке не в их пользу.

Но за восторгами от успехов ШПБ их воспроизводственный возраст «незаметно» приблизился к критическому, и мы можем

потерять результаты труда тех, кто спасал их в 90-е годы от неминуемой гибели.

Чтобы не стать свидетелями потери ШПБ, ставших нашим отечественным достоянием, память о котором, если такое произойдёт, будет упрёком тем, от кого зависело их сохранение, следует срочно и неуклонно браться за их воспроизводство, форсируя их внедрение во все кинологические мониторинги, не прикрываясь причинами, не имеющими силы оправдания и не откладывая эту работу до лучших времён, которые сами никогда не наступят.

Кто думает, что теперь легче вернуть утраченное, если это случится, не понимают, что лишь по редкому совпадению, с одной стороны, опережающего понимания руководством ПАО «АЭРОФЛОТ» необходимого ей кинологического мониторинга, а с другой – преступного недомыслия руководством ЭКЦ МВД РФ тех лет, оставившего ШПБ не у дел, и могло произойти такое благоприятное стечение обстоятельств, позволившее сохранить их половину.

То, что результаты превзошли все ожидания не только сторонников ШПБ, а в аэропорту «ШЕРЕМЕТЬЕВО» они нашли признание и оппонентов их необходимости для безопасности авиакомпании, уже заслуга руководства лётчиков, а не МВД страны в лице его Министра, отказавшего в помощи.

Обретя под крылом «АЭРОФЛОТА» своё второе дыхание и очередное призвание, ШПБ по тем же причинам, от которых их спасло «чудо» при нынешнем отсутствии их полноценного ремонтного воспроизводства, могут «незаметно» закончить свою непростую историю, ибо их всего 40, как это было и в самые лихие 90-е, а рассчитывать на «чудо» при ротации спасавшего их персонала нет оснований.

Заклучение

Надёжным оружием в борьбе с преступностью, наряду с современной техникой и в гармонии с ней, дополнительными возможностями при использовании шакало-псовых бастардов (ШПБ) обладают как служебно-поисковые собаки (СПБ), так и собаки-детекторы (СД).

Использование ШПБ должно расширяться, поскольку они вошли в нишу, заполненную спортивно-декоративными и чисто декоративными породами, применяемыми не по их назначению, что уже по понятию контрпродуктивно.

По убеждению практиков, старые, узкоспециализированные породы, мало пригодные к решению резкоменяющихся задач, требуют замены, но не очередными паллиативными породами, каким бы модными они ни были, а специально созданным для такой замены генофондом ШПБ.

ШПБ, как и военно-полицейские отродья Немецкой овчарки, не случайно выведены из пастушьих пород. В случае ШПБ не из крупных овчарок, а из мелкой оленегонной лайки, также обладающей всеми необходимыми качествами взаимодействия с человеком, как и крупные пастушьи породы.

Если овчарок для улучшения экстерьера и рабочих качеств скрещивали с обыкновенным волком, то мелкую оленегонную лайку в тех же целях скрещивали с обыкновенным шакалом.

Гуманитарная направленность использования ШПБ не требует от них агрессии к человеку, сохраняя все достоинства диких родичей, утраченные овчарками.

Использовать универсальные качества ШПБ, пригодных к любому гуманитарному применению на всех континентах и во всех климатических поясах, веление времени и большая удача.

Игнорирование их официальной кинологовической практикой в повышении своей продуктивности служит примером непростительно-упущенных возможностей.

Резюме и постскриптум

Первым одомашненным животным не случайно стала собака, образовавшись из африканских синантропных видов рода *Canis*, нашедших в кухонных отходах *Homo sapiens* более надёжный источник для сотрапезничества, нежели со львом и даже с гиенами. Хотя и теперь гиены обеспечивают африканскому подвиду обыкновенного шакала (*Canis aureus alqirensis*), вскрытие найденных им павших копытных, но те оставляют своим комменсалам мало поживы. В отличие от них, человек, добывая крупных травоядных, не только оставлял сотрапезникам гораздо больше мясных отходов, но и своей женской половиной покровительствовал их щенкам, прибывавшимся к поселениям людей, что и теперь продолжается со щенками волков и бесхозных дворняг (собак-парий), оказавшихся изгоями в своих семейных стаях.

Это и послужило им, ещё не обременённым антропофобией, коротким путём к приручению и прямым, хотя и не быстрым, переходом в домашнее состояние, ибо на становление в Африке домашней «прасобаки» ушли десятки тысячелетий.

Но произошло это значительно раньше, чем, выйдя с человеком на Юг Евразии и попав в ареалы, ныне вымерших койотоподобных видов, африканская «прасобака» начала с ними скрещиваться, к чему располагал и её уже домашний статус. Известно, что в домашних условиях любой кроссбридинг осуществляется чаще, чем в Природе.

Скрещивание с евразийскими видами рода *Canis*, замещавшими признаки африканских сородичей в геноме «прасобаки», привело к формированию на этом континенте вида домашней собаки (*Canis familiaris L.*), распространившейся вслед за *Homo sapiens* по всем континентам, кроме Антарктиды.

Тот так называемый допородный облик собаки-парии полнее всего сохранился, у её единственного подвида, австралийского динго, (*Canis familiaris dingo*), а из естественных пород, у нашей охотничье-промысловой лайки.

С продвижением человека и его уже оформившейся в настоящий вид домашней собаки на Северо-Восток Евразии, начались и её спорадические скрещивания с ОВ (*Canis lupus L.*).

Но мало кому известные генетики, пользуясь вероятностным методом ДНК-скопии и не найдя у современных пород собаки генетических признаков ОШ (как и у ШПБ), «обнаружили» в ней лишь признаки ОВ и вслед известному зоологу Гептнеру, опиравшемуся на других ошибочный вывод, кариогенетика Маттея (1950), насчитавшего в диплоидном наборе обыкновенного шакала 74 хромосомы вместо 78, как у всех видов рода *Canis*, стали полагать домашнюю собаку и её подвид динго домашним подвидом обыкновенного волка.

Исходя из этих сомнительного качества работ, околонучная общественность поспешила объявить теорию Дарвина о происхождении домашней собаки от нескольких видов рода *Canis* «устаревшей», а единственным её родоначальником ОВ. Саму же собаку, вопреки классификации Линнея, та же общественность, вслед за Гептнером, также отнесла к одомашненному подвиду ОВ, поскольку за 30 тысячелетий, «отведённых» ей генетиками на становление домашнего вида, полноценный вид образоваться не может.

По палеонтологическим же данным (36) на образование устойчивой формы *Canis familiaris*, сохранившейся в этом облике у австралийского подвида *Canis familiaris dingo*, ушло, в общей сложности, не менее 100 тысячелетий.

Об устойчивости вида домашней собаки говорят возвраты к её «допородному» облику, размножение «в себе», «многопородных» метисов, воспроизводящих в своих популяциях реверсию нормы вида *Canis familiaris*, а не *Canis lupus L.*

Об участии в становлении домашней собаки нескольких видов говорит и сравнительное исследование мозжечка у ОВ, ОШ, койота и домашней собаки (197). По строению мозжечка домашняя собака, оказалась ближе к ОШ и койоту, а не к ОВ, на что указывают и изыскания палеонтологов, относящих её становление в Евразии, по меньшей мере, к плейстоцену, когда африканская «прасобака» на Юге Евразии могла скрещиваться с койотоподобными родичами, вымершими только в конце этого периода (193).

В 1952 г. Маттей признал свою ошибку, подтвердив, что и ОШ (*Canis aureus L.*) имеет тот же набор из 78 хромосом, что и все виды рода *Canis*. Однако «околонучная общественность», «не заметив» этой работы, осталась в своём самоуверенном заблуждении.

Фертильность шакало-псовых гибридов, полученных скрещиванием всех трёх подвидов ОШ с собакой, укрепляет теорию Дарвина о её происхождении от нескольких видов.

Вторая стадия расселения «допородной» собаки-парии заняла десятки тысяч лет, характеризуя образование подвида *Canis familiaris dingo*.

Третья стадия, длившаяся порядка 10 тыс. лет, отмечена возникновением первых, так называемых прапородных образований: борзых, гончих, пастушьих и молоссов.

Распространяясь с переселением народов и скрещиваясь с подвидами ОВ, «прапороды» временно принимают его черты, что отмечал и А. Брем в начале прошлого века у Чукотской ездовой лайки. Но, размножаясь «в себе», все волчьи отродья неизменно возвращаются к норме вида домашней собаки, что лишь подчёркивает спорадичность участия волка в становлении её пород.

Четвёртая стадия началась около 5 тыс. лет назад образованием борзых, гончих, молоссов и пастушьих пород, закрепивших за собой свои основные ареалы.

Пятая стадия, продолжающаяся пятое столетие, отмечена расцветом пастушьих пород и с борзыми и гончими, появлением декоративных пород и свёртыванием стайного использования собаки, с переходом к становлению подружейных пород легавых, ретриверов, спаниелей.

В конце первой половины прошлого столетия наша промысловая охота, потеснённая на пушном рынке клеточным звероводством и, не вернув после его упадка своих довоенных позиций, оставила не у дел массу промысловых лаек.

Форсированное освоение Севера, усилив засорение лайки иными породами, и создав в промысловых регионах массу метисов, в большинстве своём бесхозных, привело к их интенсивному истреблению под эгидой «санитарно-ветеринарных» мероприятий и «кинологического» обоснования разработок ВНИО «борьбы» с так называемыми лайкоидами за «чистоту лайки», поддержанную Главохотой РСФСР.

Однако в первые послевоенные годы, до привнесения в обиход пагубного для них названия «лайкоиды», их успешно использовали по разминированию на полях сражений и освобождаемых территорий.

Форсированное распространение снегоходного транспорта привело в упадок и ездовое собаководство. Но ездовые лайки,

также остающиеся не у дел, могут быть востребованы не только спортивными гонками, но и службой спасения в лавиноопасных регионах для поиска и транспортировки пострадавших.

Их метисы с местными породами могут создать генофонд собак спасателей на смену легендарному Сенбернару, ставшему в настоящее время очередным декоративным чудом.

Упадок спортивной охоты и повсеместное воцарение браконьерства приводят к отказу и от охотничье-спортивных пород, обрекая их на комнатно-декоративное прозябание и инбредное вырождение.

Из многочисленных в Европе пастушеских пород заслуживают внимания близкие к норме и ещё необременённые декоративными признаками коренное отродье Немецкой овчарки, а также лапландско-ненецкие отродья оленегонной лайки, ставшей в советское время циркумполярной породой нашей страны.

«Озабоченность» юристов непосредственным участием подозреваемых лиц в выборке с помощью СРС при дознании, нарушавшем соцзаконность, вызвала становление судебно-одорологической экспертизы, заменившей непосредственное участие испытуемых в кинологической выборке их ольфакторной идентификацией по образцам и пробам с применением в исследованиях лабораторных СД.

Применение паллиативных пород, а не выведенных для этого ШПБ, угрожает их существованию. Инспирируя к ним недоверие, протаскивая через учебно-методическую литературу своё негативное к ним отношение, любители «чистых» пород многие годы саботируют их внедрение в практику, несмотря на то что благодаря использованию ШПБ судебно-одорологическая экспертиза и достигла своей доказательственной силы.

Кинологи-любители, создавая волчьи отродья Немецкой овчарки, не находят их внедрению в практику научно-производственной базы, а кинологические структуры силовых ведомств отказываются использовать «волкособов» в таком «исполнении», где их F1, во всём уступая ОВ, при размножении «в себе» скупо передают его положительные психофизические качества своим последующим поколениям.

От спонтанной гибридизации ОВ с лайкой ощутимые результаты наблюдаются лишь в северо-восточных регионах страны, где подвиды ОВ менее антропофобны и, спорадически скрещиваясь

с ездовой и промысловой породами, оставляют в них положительный «волчий след».

В Северной Америке собаки-парии и пастушьи породы, скрещиваясь с ОВ и северным подвидом койота (*Canis latrans incolatus*) в Природе, засоряют койото-волко-псовыми гибридами популяции своих диких родичей, где такое засорение в середине прошлого века популяции койота достигало 20%.

В то же время реципрокная гибридизация в заводских условиях лайкоидов с евразийскими подвидами ОШ, в отличие от волкособов, в F1 и последующих генерациях с кровностью по шакалу не ниже 25% даёт пробандов, по основным психофизиологическим показателям превосходящих оба вида.

Этих, величиной с ОШ, быстрых и острочутых псов, как показали опыты можно применять стайками, что должно увеличить их воспроизводство не только для поиска ВВ и других запрещённых к обороту объектов, но и для использования в судебно-одорологической экспертизе.

В обозримой перспективе ШПБ востребует и служба спасения, где скорость обнаружения пострадавших решает всё. Однако пока ШПБ ждут востребования практикой, та, пользуясь услугами дилетантов, не спешит отказываться от их паллиативных пород.

К продуктивному использованию шакало-псовые гибриды становятся, начиная с F3, от повторных скрещиваний с собакой и ОШ, когда в результате рекомбинации признаков у части ШПБ выпадает доминантный признак антропофобии, что и снимает все проблемы их практического применения.

Во времена Дарвина английскую борзую для повышения у неё «злости к зверю» скрещивали с бульдогом. Такое по отношению к русской псовой борзой любители этой породы сочли бы святотатством, чего следует ждать от них и в отношении гибридизации других заводских пород, в корне меняющей их облик.

Наши знатоки-ценители традиционного облика пород именуют гибридов с ОВ не иначе, как «ублюдками». Можно вспомнить и претензионное заявление (в прошлом заводчицы алабаев) Е. Мычко в её статье: «Прощай, Белый Клык!», аналогично высказавшейся по этому поводу. Но у ШПБ с 25% «крови дикаря» получить желаемое улучшение породы реальнее, чем от межпородной метизации.

ШПБ 25% кровности по ОШ, имевших обоняние на порядок острее, чем у Немецкой овчарки, уже с середины 80-х годов настолько успешно использовали в судебно-одорологической экспертизе, что им она обязана своим признанием судебной практикой. В настоящее время они востребованы службой авиационной безопасности и прошли испытание в широком климатическом диапазоне, там, где традиционные овчарки без охлаждающей сухой льдом экипировки работать не в состоянии.

ШПБ, обладая высокой гетерозиготностью, став непревзойдёнными СПС ВВ с ростом профессионализма, работающих с ними кинологов, дают в каждом новом поколении, повышение рабочих качеств, чего не приходится ждать от старых заводских пород.

Гибридизация заводских пород в целях их омоложения и повышения рабочих качеств возвращает им полезные свойства, утраченные в результате узкой специализации и снижения гетерозиготности и ведёт не к потере того, что дала собаке порода, как полагают оппоненты гибридизации, а по меньшей мере к её двукратному усилению. Это происходит в результате наложения рецессивных в норме вида породных признаков на те же признаки, имеющиеся и у родича, но скрытые доминантными «признаками-антагонистами», уравновешивающими их, но утраченными породой в результате искусственного дестабилизирующего отбора при её образовании.

Это позволяет «рецессивным признакам» дикаря, объединившись у гибрида со своими аналогами, культивируемыми в породе, проявиться с удвоенной силой.

То есть породные признаки, сложенные с рецессивными признаками дикаря, удваивают своё проявление за счёт отсутствия у псового партнёра доминантных признаков-антагонистов.

Но позитивного отношения к утрате бастардами декоративных признаков породы у любителей не найти. Лишняя гибридов декоративной атрибутики породы, какой бы сомнительной она не была, у тех, кому она мила, можно вызвать лишь негодующий «крик охотничьего сердца». И хотя после омоложения породы разведение бастардов «в себе» возвращает и её декоративные признаки, как это, в частности, произошло с реверсией облика оленегонной лайки Лапхунд при разведении ШПБ, полученных гибридизацией ОШ с её ненецким отродьем.

Но на это уходят годы с отказом от других целей гибридизации.

Вместе с тем повышение продуктивности собаки лежит через возвращение ей гетерозиготности и нормы вида.

Однако заниматься этим в отсутствии научно-материальной базы, какая была в школе «Красная звезда» МО, с её штатом учёных с мировыми именами и дивизией технического персонала, обслуживавшей питомник, в настоящее время не представляется возможным.

Но поскольку также невозможно и заменить физико-химическими методами, какими бы «тонкими» они ни были, идентификацию индивида по его запаховым следам, остроту обоняния СД, без которой не обойтись судебно-одорологической экспертизе, будут в обозримом будущем повышать гибридизацией, вопреки безапелляционному мнению оппонентов с их устаревшей аргументацией.

Если целью работы «технократов» служит замена приборами обоняния собаки, то главной задачей прикладной кинологии является раскрытие её новых возможностей.

Чем больше учёные и инженеры заняты разработкой «Электронных носов», тем глубже их убеждённость в том, что без изучения возможностей СД решение ими их главной задачи будет далеко неполным.

Для решения общих задач тех и других необходима научно-производственная база, оснащённая не только современными приборами, но и питомниками родичей домашней собаки, а также полигонами для апробации рабочих качеств получаемых гибридов.

Тестирование остроты обоняния собаки, никогда не терявшее актуальности, став велением времени, требует разработки более совершенных ольфактометров, и наряду с «Электронными носами» станет у технократов и кинологов общей проблемой № 1. Ольфактометрия позволит отбирать СПС более пригодных для поиска ВВ, наркотиков и в других целях, а СД для производства судебно-одорологических экспертиз на более высоком методическом уровне.

Бесхозные псы с их беззатратным самовоспроизводством заслуживают иной доли, нежели их истребление или «гуманный» геноцид в виде «стерилизации» и кастрации.

Ими можно покрыть дефицит СПС для поиска ВВ и других запрещённых к обороту веществ без издержек на приобретение за валюту дорогих пород, но специализированных для иных целей.

Надо лишь изжить высокомерное к ним отношение. Наладив их гуманный отлов и низкозатратную, но зоотехнически грамотную передержку с их отбором для использования и подготовкой, подходящих к тому или иному конкретному применению.

Организовав работу на грамотной коммерческой основе, можно с прибылью окупить затраты и на гуманное к ним отношение, ставшее практически не решаемой проблемой городского коммунального хозяйства, хотя государство даёт на это деньги. Проблема в том, как их расходуют.

В последнее время с стране появились частные пансионаты, которые в благотворительных, альтруистических целях спасают собак определённых пород.

Хендлеры-волонтёры, работая в них, в основном заняты поиском заботливых любителей этих пород, а по существу хосписов для старых и больных животных.

Поскольку современные питомники и пансионаты для передержки собак уже не могут иметь тот штат технического персонала по уборке вольер, самой затратной части содержания собак, какой был в школе «Красная звезда» МО во времена генерала Г.П. Медведева, питомникам нужна и самая низкозатратная её технология, не требующая того ручного труда, какой был тогда.

Но не смотря на то что такая (самая современная) технология разработана в нашей стране и функционирует с 1968 г., имея патент на изобретение (см. приложение № 5), она мало кому известна. А те, кому она предназначена, из-за своего неполного служебного соответствия, не готовы на «подвиг» её внедрения в практику.

Литература

1. *Азбукина М.Д., Корытин С.А.* Материалы по обонятельному поведению млекопитающих // Тр. ВНИИОЗ. Вып. 25. Киров, 1975.
2. *Аксел Р., Бак Л.* «Открытия обонятельных рецепторов и организации обонятельной системы» // Материалы IV междунар. конф. «Химическая коммуникация животных. Фундаментальные проблемы». М., 2006. С. 82–85.
3. *Алан Мурхед.* Дорога через безмолвие. М.,: Наука, 1988. 208 с. С. 145.
4. *Андреев Л.А.* Службное собаководство. М., 1945. Ч. 1. 260 с.
5. *Астанин Л.П.* Органы тела млекопитающих и их работа. М., 1958. С. 98–99, 101–107, 110–113. 352 с.
6. *Бадридзе Я.К.* Волк. Тбилиси: ТГУ, 2003. 116 с.
7. *Баскин Л.М.* Поведение копытных животных. М., 1976. 297 с.
8. *Батаева Е.Л.* О пусковой роли ведущего зрительного стимула в рабочем поведении собаки-детектора запаха. // Т. 2 М., 2005. С. 280–282.
9. *Безруков В.В., Винберг А.И., Майоров М.Г., Тодоров Р.М.* Новое в криминалистике // Соц. законность. 1965. № 10. С. 74–75.
10. *Беляев Д.К.* Генетические аспекты доместикации животных. // Проблемы доместикации животных и растений. М. Наука. 1972. С. 39–45.
11. *Бехтин И.Н., Сулимов К.Т.* Скрещивается собака с шакалом // Природа. 1985. № 3. С. 65–71.
12. *Бобринский Н.А., Кузнецов Б.А., Кузякин А.П.* Определитель млекопитающих СССР. М. Наука: 1944. С. 140–142, 405–406.
13. *Боголюбский С.Н.* Об аналогичных признаках в черепе собак // Русский зоологический журнал. М., 1928. Т. 8. Вып. 3. 32 с.
14. *Боголюбский С.Н.* Происхождение и преобразование домашних животных. М., 1959. С. 504–534.
15. *Богословская Е.С.* Ненецкая оленегонная лайка // Друг. М., 2000. № 4. С. 6–11.
16. *Богословская Е.С.* Ненецкая оленегонная лайка в городе.// Друг. 2000. № 6. С. 34,35.
17. *Богословская Л.С., Сулимов К.Т.* Аборигенные породы собак в современном мире // Мир коренных народов. М., 2000. № 4. С. 65–69.
18. *Брейтшер И.Л.* Роль возбуждательного и тормозного процессов в центральной нервной системе рысистых лошадей // Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Боровск, 1967. 20 с.

-
19. *Брем А.* Жизнь животных. М., 1941. Т. 5. С. 378–384.
 20. *Вартанян Р.С.* Кавказские овчарки Северной Грузии // Владикавказ, 2006. 200 с.
 21. *Вахрушев И.И., Волков М.Г.* Охотничьи лайки. М.: Заготиздат, 1945.
 22. *Верещагин Н.К.* // Стандарты лаек СССР. Тр. Арктического ин-та. Л., Главсевморпуть, 1936. Т. 56.
 23. *Верещагин Н.К.* Происхождение и эволюция белого медведя // Белый медведь и его охрана в советской Арктике. Л., 1969. С. 25–53.
 24. *Винберг А.И.* Новое в криминалистике // Соц. законность. 1965. № 10. С. 74, 75.
 25. *Винберг А.И.* Судебно-одорологическая экспертиза. 1987. № 10 (636). С. 60–63.
 26. *Винберг А.И., Малаховская Н.Т.* Словарь специальных терминов судебной одорологии. М.: ВНИИСЭ МЮ СССР, 1983. 20 с.
 27. *Войлочников А., Войлочникова С.* Какая порода лаек лучше? // Охота и охотничье хозяйство. 1972. № 10. С. 30–31.
 28. *Волков М.Г.* Крик охотничьего сердца. // Альманах «Охотничьи просторы». М. Кн. 10.: Физкультура и спорт, 1958.
 29. *Волков М.Г.* 25-летие питомника // Охота и охотничье хозяйство. 1969. № 12. С. 24, 25.
 30. *Волков М.Г.* Промысловое собаководство Дальнего Востока // Охота и охотничье хозяйство 1970. № 3. С. 24–26.
 31. *Ганшин В.М., Фесенко А.В., Чебышев А.В.* От электронных моделей к «электронному носу». Новые возможности параллельной аналитики // Специальная техника. М., 1999. № 1–2. С. 1–3.
 32. *Гвахария О.Г.* Криминалистическая одорология. Информ. Бюллетень. Тбилиси: МВД Груз. ССР. 1974. № 1. С. 47–49.
 33. *Герре В., Цимен Э.* Пуво. Природа. 1972. № 5. С. 95–100.
 34. *Гибет Л.А.* Трагедия знаменитого питомника. Охотничьи собаки. 1998. № 1. С. 24–29.
 35. *Горелов Ю.К.* Аборигенные чабанские собаки Средней Азии и прочие прамолоссы. Аборигенные собаки Кавказа и Азии («АСКА») №2 (10) ООО «Издательский Дом Глобус». 2005. С 46–58.
 36. *Громов И.М., Баранов Г.И.* Каталог млекопитающих СССР. Л., 1981. С. 239–242.
 37. *Дарвин Ч.* Происхождение видов. М.Л. 1935.
 38. *Дарвин Ч.* Изменение животных и растений в домашнем состоянии. М.; Л. 1941. С. 35–52.
 39. *Де Приско Эндрью, Джонсон Б. Джеймс.* Атлас пород собак. М., 1992. 477 с.

40. *Дерда В.* Использование банок с законсервированными запаховыми следами для дифференциации запаха – эффективный способ в борьбе с преступностью // Тез. докл. на 2-м Международном конгрессе кинологов. НИКК ДНМ. 1976. С. 24–28.
41. *Дунаев В.П.* Применение СРС для идентификации личности // Материалы научн. конф. по проблемам криминалистической одорологии. М.: Юрид. лит.-ра. 1968. С. 98–108.
42. *Дмитриев Б.В.* Гончие. М., 1987. 207 с.
43. *Дормидонтов Р.* Опять убивают собак // Охота и охотничье хозяйство. 1970 № 6. С. 26–27.
44. *Железнов Н.К.* Где ты, друг оленевода? // «Магаданский оленевод». Магаданское книжное изд-во. Магадан., Вып. 39. 1987. С. 49–50.
45. *Гумтал З., Найманова Д.* Атлас пород собак. Прага., 1983.
46. *Жуков М.А.* Биолого-ресурсная оценка популяций дикого северного оленя приенисейской тайги // Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2000. С. 14, 15.
47. *Загорский А.* Когда собака – друг человека // «Правда». 1988. 20.08.
48. *Зарипов А.Г.* Биодетекторы на службе авиационной безопасности. Аэропорт. 2002. № 1. С. 20–22.
49. *Зарипов А.Г., Батаева Е.Л., Сулимов К.Т.* Применение метода дистанционного анализа воздушной среды для обнаружения взрывчатых веществ с помощью служебных собак (ОАО «Аэрофлот – Российские авиалинии»). Российская академия ракетных и артиллерийских наук. 1X Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы защиты и безопасности» СПб., 2006. С. 351–355.
50. *Зарипов А.Г., Сулимов К.Т.* Клетка для содержания собак-детекторов // Патент на изобретение № 2246825. Заявка № 2002128697. Приоритет изобретения 28 октября 2002. Зарегистрировано в Государственном Реестре изобретений РФ. 27 февраля 2005 г. Срок действия патента 28 октября 2022 г.
51. *Зарипов А.Г., Батаева Е.Л., Бондаренко М.М., Сулимов К.Т.* Устройство аккумуляирования газообразных компонентов взрывчатых веществ для последующего анализа биодетекторами. Патент на полезную модель № 70369. Зарегистрировано в Гос. Реестре полезных моделей РФ М. 20.01.2008.
52. *Зинкевич Э.П.* Физико-химическая модель узнавания обонятельных стимулов. В кн. 1: Всесоюзный биофизический съезд // Тез. докл. стендовых сообщений. М., 1982. Т. II., С. 94.
53. *Зинкевич Э.П., Ганишин В.М., Сулимов К.Т., Крутова В.И., Мальчевская Н.А., Суров А.В.* Обонятельная система собаки: практическое приме-

-
- нение, механизмы функционирования, моделирование биосенсоров. Высокие технологии, фундаментальные и прикладные исследования в физиологии и медицине. СПб., 2010. Т. 1. С. 119–123.
54. *Зинкевич Э.П., Минор А.В.* К механизму обоняния. В кн. 1: Всесоюзная конференция по структуре и функции обонятельного анализатора животных и человека и их моделированию. Тез. реф. докл. и сообщений. М., 1969. С. 42.
 55. *Зинкевич Э.П., Минор А.В.* Окисление пахучего вещества как необходимая стадия обонятельной рецепции: факты и гипотезы. В кн. 1: Механизмы сенсорной рецепции. Л., 1977. С. 177–182.
 56. *Зинкевич Э.П., Моисеева Т.Ф., Старовойтов В.И., Сулимов К.Т.* Индивидуализирующие вещества в запаховых следах человека. Экспертная практика и новые методы исследования // Инф. сб. ВНИИ СЭ. М., 1993. Вып. 11. С. 6–13.
 57. *Зинкевич Э.П., Требоганов А.Д.* Исследование химических превращений пахучего вещества на обонятельной выстилке // Механизмы работы рецепторных элементов органов чувств. 1973. С. 108–112.
 58. *Зубко В.Н.* и др. Службное собаководство. М., 1987. 382 с.
 59. *Казанский В.И.* Гончая и охота с ней. М., 1973. 310 с., С. 12, 121, 202–203.
 60. *Кириченко А.А.* Проблемы судебной одорологии. Харьков: Основа. 1997. 432 с.
 61. *Кисин М.В., Сулимов К.Т.* Методические рекомендации по проведению кинологической идентификации консервированного запаха. ВНИИ МВД СССР. М. 1986. 17 с.
 62. *Кисин М.В., Митин М.И., Старовойтов В.И., Стегнова Т.В., Сулимов К.Т.* Кинологическая идентификация запаха, извлечённого из следов крови // Внедрение достижений науки и технику в практику борьбы с преступностью. Вильнюс: НИИ СЭ МЮ Лит. ССР. 1986. С. 266–269.
 63. *Кисин М. В., Петранек Г., Сулимов К.Т.* и др. Использование консервированного запаха в раскрытии преступлений. ВНИИ МВД СССР М., 1983. 121 с.
 64. *Когунь Г.А.* Подражание у собаки как критерий отбора при выведении новой породы // Ежегодник Российского психологического общества. М. 2005. Т. 2. 400 с. С 286–288.
 65. *Корытин С.А., Азбукина М.Д.* Сезонные изменения остроты обоняния у животных и влияние на неё тренировки обонятельного анализатора // Химическая коммуникация животных. М., 1986. С. 287–294.

66. *Крейнович Е.А.* Собаководство у нивхов // Народы Крайнего Севера и Дальнего Востока России в трудах исследователей. М., 2002. С. 243–247.
67. *Крутова В.И., Зинкевич Э.П.* Узнавание собаками индивидуального запаха в смеси запахов многих индивидуумов. Докл. А.Н. М., 2003. Т. 386, № 2. С. 282–285.
68. *Крученкова Е.П.* Принципы отношений мать-детёныш у млекопитающих. Автореферат дис. ... биол. наук. М., 2002.
69. *Крушинский Л.В.* Взаимоотношение наследственных и индивидуально-приобретенных компонентов в формировании поведения животных // VII Всесоюзный съезд физиологов, биохимиков, фармакологов. Докл. М. 1947. С. 172, 173.
70. *Крушинский Л.В.* Наследование пассивно-оборонительного поведения в связи с типами нервной системы у собак // Тр. ин-та эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. М., 1947. Т. 1.
71. *Крушинский Л.В.* Формирование поведения животных в норме и патологии. М., 1960. С. 72–74.
72. *Крушинский Л.В.* Избранные труды. М., 1991. 259 с.
73. *Крушинский Л.В.* Записки московского биолога. М., 2006. С. 21–100.
74. *Курбатов В.В.* Если Вы охотитесь с легавой // Охота и охотничье хозяйство. 1962. № 7. С. 3–36.
75. *Курбатов В.В.* Как же всё-таки оценивать дальность чутья // Охота и охотничье хозяйство 1963. № 1. С. 36–37.
76. *Кустов А.М., Самищенко С.С.* Судебная медицина в расследовании преступлений. М., 2002. С. 420–423.
77. *Лавик-Гудолл Д.Г.* Невинные убийцы. М.: Мир. 1977. 176 с.
78. *Ларин А.М.* Криминалистика и паракрыминалистика. М.: БЕК, 1996. 192 с.
79. *Ливеровский А.* Анонс // Охота и охотничье хозяйство 1967. № 7. С. 20, 21.
80. *Линней К.* Система природы. СПб. 1804. ч. 1.
81. *Лобачёв С.В.* Введение. Верхнее-Вычегодская экспедиция. Охотничье-промысловое население. М., 1932. Вып.1.
82. *Лобачёв В.С.* Словарь собаковода. М., 1996. 233 с.
83. *Лоренц К.З.* Кольцо царя Соломона. М., 1970. 219 с.
84. *Лоренц К.З.* Человек находит друга. М., 1971. 224 с.
85. *Лоренц К.З.* Агрессия. М. 1994. С. 101–103.
86. *Мазовер А.П., Крушинский Л.В.* и др. Служебная собака. Домодедово, изд. «ВАПАР» 1994. 576 с.

-
87. *Мазовер А.П.* Четвероногие боевые друзья // Наука и жизнь. 1970. №5. С. 58–64.
 88. *Малаховская Н.Т.* Криминалистическая одорология эффективна в борьбе с преступностью // Соц. законность. 1972 № 3. С. 60, 61.
 89. *Мантейфель П.А.* Рассказы натуралиста. М., 1955. 176 с.
 90. *Мантейфель П.А.* О гибридах динго с охотничьими собаками // Охота и охотничье хозяйство 1957. № 10. С. 35.
 91. *Мачеварьянов П.М.* Записки псового охотника Симбирской губернии. М., 1876. 156 с.
 92. Министерство обороны. Памятка вожатому собаки минно-розыскной службы. М., 1975. 12 с.
 93. *Моисеева Т.Ф., Старовойтов В.И., Сулимов К.Т.* Анализ жирных кислот с помощью биодетекторов. Экспертная практика и новые методы исследования. М.: ВНИИ судебной экспертизы. 1993. Вып. II. С. 13–18.
 94. *Моисеева Т.Ф., Зинкевич Э.П., Сулимов К.Т., Батаева Е.П., Ковалева С.В., Габель Ю.Б.* Роль содержания олеиновой и стеариновой кислот в обонятельном узнавании собаками пола человека. Сенсорные системы. М.: РАН Т. 12. № 3. 1998. С. 288–292.
 95. *Моисеева Т.Ф.* Комплексное исследование потожировых следов человека. М. Городец-издат. 2000. 224 с.
 96. *Моисеева Т.Ф.* О некоторых проблемах «кримодорологии» // Материалы криминалистических чтений: Информ. бюллетень. № 15. Академия управления МВД России. М., 2001., С. 36–42.
 97. *Молодкина Л.Н., Сулимов К.Т.* Решение экстраполяцияционной задачи собаками при предъявлении пищевого и аппортировочного раздражителя // Журнал ВНД. 973. XXIII. Вып. 4. М., С. 878–880.
 98. *Московкина Н.Н., Соцкая М.Н.* Генетика и наследственные болезни собак и кошек. М. 2000. 446 с.
 99. *Мызников Н.М.* Чувствительность обонятельного анализатора собак и методы её повышения // Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Ереван, 1960. 24 с.
 100. *Некрасов Н.А.* Псовая охота. Соч. в 3 т. М., 1959. Т.1. С. 30–37.
 101. *Носов Н.А., Богословская Л.С.* Ненецкая оленегонная лайка. Клуб собаководства. М.: Патриот, 1991. Вып. 1.
 102. *Носов Н.А.* Кормление чукотских ездовых. Друг. М., 1999. № 6. С. 11.
 103. Одорология криминалистическая. Юридические Энциклопедические словари // Советская энциклопедия. М., 1984 С. 211; 1987 С. 269.
 104. *Осетрова З.П.* О кличках домашних и прирученных животных. Животноводство М., 1958. № 12. С. 116–118.

105. Павлинов И.Я. Жизнь животных. Млекопитающие Ч. 1: Хищные, копытные. ООО «Фирма Издательство АСТ». Назрань, 1999. С. 10–70.
106. Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. М.: Медгиз, 1951. 506 с.
107. Панфилов П.Б. Интонация в дрессировке собак // Научный сборник Российской Федерации служебного собаководства. М., 2002. № 3. С. 24–29.
108. Панфилов П.Б., Сергиевский Д.А., Старовойтов В.И. Допрос эксперта – форма получения дополнительной информации об исследовании запаховых следов человека // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений. Сб. научн. тр.: В 3 ч. М.: Академия управления МВД России. 2005. Ч. 3. С. 184–188.
109. Панфилов П.Б. Обеспечение достоверности ольфакторных исследований в судебной экспертизе // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 30 с.
110. Панфилов П.Б. Основные принципы обеспечения достоверности исследований запаховых следов человека с использованием собак-детекторов в судебной экспертизе. М.: Юрлитинформ. 2007. 264 с.
111. Пахомов Н.П. Гончие собаки и охота с ними. М., 1971. 88 с.
112. Пахомов О.А., Крутова В.И. О проблеме внедрения в широкую криминалистическую практику достижений исследований химической-коммуникации // Материалы IV междунар. конф. Химическая коммуникация животных. РАН ИПЭЭ. М., 2006. С. 67.
113. Пиварюнас Ю.С. Криминалистическая одорология и раскрытие преступлений. Бюл. МВД Лит. ССР. № 2(8). Вильнюс, 1988. С. 34, 35.
114. Платонов А.В. К вопросу о пустых стойках. Охота и охотничье хозяйство 1957. № 1, С. 34, 35.
115. Платонов А.В. К вопросу о прикусах у собак. Охота и охотничье хозяйство № 6, 1962. С. 37, 38.
116. Платонов А.В. Подбор в собаководстве // Охота и охотничье хозяйство. 1963. № 2. С. 31–33.
117. Платонов А.В. Разведение по линиям в собаководстве // Охота и охотничье хозяйство. 1963. № 4. С. 29–32.
118. Платонов А.В. Оценка производителей по потомству // Охота и охотничье хозяйство. 1963. № 8. С. 24–26.
119. Платонов А.В. Бонитировка и выставочная оценка собак // Охота и охотничье хозяйство № 12, 1963. С. 34–36.
120. Платонов А.В. Оценка собак по экстерьеру и конституции // Охота и охотничье хозяйство 1964. № 4. С. 28–30.

-
121. *Платонов А. В.* Стиль в работе легавой // Охота и охотничье хозяйство № 8, 1964. С. 28.
 122. *Платонов А.В.* Генетика в современном собаководстве. Охота и охотничье хозяйство 1965. № 10. С. 29–31.
 123. *Платонов А.В.* Что такое порода // Охота и охотничье хозяйство 1966. № 1. С. 30–32.
 124. *Платонов А.В.* Запах, обоняние, чутьё. Охота и охотничье хозяйство 1969. № 1. С. 22–24
 125. *Понугаева А.Г.* Импринтинг (запечатлевание) Л., 1973. 103 с.
 126. *Поцелуева Е., Озерова М., Чебыкина Л.* Ездовые собаки. 2002. Центрполиграф. 320 с.
 127. *Прайор К.* Несущие ветер. М., 1981. 302 с.
 128. *Прайор К.* Не рычите на собаку. М., 1995.
 129. *Райт Р.Х.* Наука о запахах. М.: Мир., 1966. 224 с.
 130. *Реймерс Н.Ф.* Популярный биологический словарь. М.: Наука, 1991. 544 с.
 131. *Рубайлова Н.Г.* Отдалённая гибридизация домашних животных. М., 1965. С. 123.
 132. *Руковский Н.Н.* По следам лесных зверей // Лесная промышленность. М.: Л., 1988. 156 с.
 133. *Русанов Я.С.* Не искажать положений оппонента // Охота и охотничье хозяйство 1967. № 4. С. 26, 27.
 134. *Рябов В. А.* Марийская лайка // «Охота и охотничье хозяйство» 1963. № 10.
 135. *Самищенко С.С.* Судебная медицина: Право и закон. 1996. М., С. 326–330.
 136. *Самыгин Ф.И., Гудкова Е.Н., Диденко А.В.* Подготовка кинологов и дрессировка служебных собак общерозыскного профиля. Ростов н/Д, 2007. 178 с.
 137. *Самыгин Ф.И., Гудкова Е.Н., Диденко А.В.* Подготовка кинологов и дрессировка служебных собак по поиску наркотических средств. Ростов-на-Дону. 2007. 135 с.
 138. *Самыгин Ф.И., Гудкова Е.Н., Диденко А.В.* Подготовка кинологов и дрессировка служебных собак по поиску взрывчатых веществ, взрывных устройств, оружия и боеприпасов. Ростов н/Д. 2007. 135 с.
 139. *Сергеев М.А.* Русские гончие // Охота и охотничье хозяйство 1963. № 9. С. 35–37.
 140. *Сергеев М.А.* О голосах русских гончих // Охота и охотничье хозяйство. 1970. № 11. С. 28, 29.

141. *Сергиевский Д.А.* Сравнительный ряд как инструмент лабораторного исследования запаховых следов человека // Криминалистика XXI век: материалы научно-практической конференции: В 2 т. ГУ ЭКЦ МВД России. М., 2001. Т. 1. С. 259–266.
142. *Сергиевский Д.А., Копыльцов В.Н., Панфилов П.Б., Саламатин А.В.* Выявление ольфакторной специфики образцов пота больных шизофренией с использованием собак-детекторов пахучих следов человека. Юридические науки. М., 2004. № 1 (5). С. 69–72.
143. *Сетон-Томпсон Э.* Рассказы о животных. Вулли. Минск. Мастацкая літаратура. 1980. С. 105–115.
144. *Слошим А.Д.* Животная теплота и её регуляция в организме млекопитающих. М.; Л., Изд-во. АН СССР. 1952. 167 с.
145. *Смирнов Н.А.* Основы стандартизации собак и стандарт ездовых по сравнению с другими лайками. Стандарты лаек СССР // Тр. Арктического ин-та. Л.: Главсевморпуть. 1936. Т. 56.
146. *Снетков В.А.* Кинологическая выборка. Использование консервированного запаха в раскрытии краж и преступлений против личности // Материалы Всесоюзного семинара-совещания. Рига: МВД Лат.ССР. 1984. С. 10–25.
147. *Собко Г.М.* Вероятностно-статистическое обоснование достоверности одорологической идентификации // Вопросы теории судебной экспертизы: Сб. научн. тр. ВНИИ СЭ М. 1977. № 31. С. 142–177.
148. *Соцкая М.Н.* Пудель. М., 2005. 156 с.
149. *Спицин В.В.* Открытое письмо министрам: МО, МВД, МЧС // Гражданская защита. 2000. № 10. С. 40.
150. *Старовойтов В.И.* Экспертиза запаховых следов человека. Юридическая литература. Российская юстиция. М., 2000. № 5. С. 48, 49.
151. *Старовойтов В.И.* Достоверность результатов в экспертном исследовании запаховых следов человека // Криминалистика. XXI век: Материалы научно-практической конференции: В 2 т. ГУ ЭКЦ МВД России. М., 2001. Т. 1 С. 267–273.
152. *Старовойтов В.И., Панфилов П.Б.* Кинологическая выборка и судебная экспертиза запаховых следов человека // Вестник МВД России М. 2002. № 5(64) С. 45–48.
153. *Старовойтов В.И., Шамонова Т.Н.* Запах и ольфакторные следы человека. М.: Лекс Эст. 2003. 127 с.
154. *Старовойтов В.И.* Методологические и процессуальные аспекты идентификации человека с использованием обоняния собак-детекторов // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2005. 24 с.

-
155. *Старовойтов В.И., Панфилов П.Б., Самыгин Ф.И., Гудкова Е.Н.* Основы судебной экспертизы запаховых следов человека. Ростов н/Д, 2008. 93 с.
 156. *Стегнова Т.В., Сулимов К.Т., Старовойтов В.И.* и др. Установление некоторых диагностических признаков человека по запаховым следам: Методические рекомендации. ЭКЦ МВД России. М. 1996. 16 с.
 157. *Строгович М.С.* О криминалистической одорологии // Тр. ИГУ. Иркутск, 1970. Т. 85. Вып. 10, Ч. 4. С. 119–139.
 158. *Сулимов К.Т.* К изучению некоторых доместикационных изменений у собак. Бюллетень МОИП. 1961. № 4. С. 150.
 159. *Сулимов К.Т.* Промысловой лайке единый стандарт // Охота и охотничье хозяйство. 1966. № 6. С. 24–26.
 160. *Сулимов К.Т.* Обнаружение некоторых наркотических веществ с помощью служебно-розыскных собак // материалы V международного криминалистического симпозиума. М., 1968. Кн. 1. С. 57–63.
 161. *Сулимов К.Т.* Подготовка и применение собак для поиска некоторых наркотических веществ. М.: ВНИИ МВД СССР. 1971. 44 с.
 162. *Сулимов К.Т.* Возможность использования обонятельного анализатора собаки в дифференциации индивидуальных запахов животных // Тр. ВНИИ МВД СССР. 1976. Вып. 39. С. 106–110.
 163. *Сулимов К.Т., Кисин М.В., Подушкин С.С.* Подготовка собак для дифференцирования индивидуального запаха человека путём выборки. М.: ВНИИ МВД СССР. Методическое письмо. 1980. № 37. 24 с.
 164. *Сулимов К.Т., Мухин В.М.* и др. Способ оценки обонятельного анализатора собаки-детектора. Авт. Свид. № 831194 от 21.01.1981.
 165. *Сулимов К.Т., Старовойтов В.И.* Использование запаховой информации с мест происшествий в раскрытии и расследовании преступлений. Методические рекомендации. ВНИИ МВД СССР. 1989. 48 с.
 166. *Сулимов К.Т., Старовойтов В.И.* Кинологическое выявление видового запаха человека. Экспертная практика. М.: ВНКЦ МВД СССР. 1991. № 1(31). С. 40–42.
 167. *Сулимов К.Т.* Кинологическая идентификация индивидуума по обонятельным сигналам // Автореф. дис. ... биол. наук. М. 1995.
 168. *Сулимов К.Т.* Кинологическая идентификация индивидуума по обонятельным сигналам // Автореф. дис. ... биол. наук. М. 1995. 24 с.
 169. *Сулимов К.Т., Старовойтов В.И., Моисеева Т.Ф., Полетаева И.И., Зинкевич Э.П.* Обонятельное различие собаками смесей трёх высших жирных кислот по их количественному составу. Сенсорные системы. М., 1995 Т. 9. № 2–3. С. 43–49.

170. Сулимов К.Т., Батаева Е.П., Ковалёва С.В., Кудрявицкая Е.И., Моисеева Т.Ф., Зинкевич Э.П. Разработка методики установления давности образования следов индивидуального запаха. Проблемы предварительного следствия и дознания. Сб. научн. тр. ГУ ВНИИ МВД РФ. М., 2000. С. 112–118.
171. Сулимов К.Т. Дикая родня // Друг. М., 2002. № 12(106). С. 20–24; 2003. № 1(107). С. 30–33.; № 2(108). 2003. С. 22–25.
172. Сулимов К.Т. Особенности гибридизации домашней собаки // Друг. М., № 5. 2003. С. 22–25; 2003. № 6. С. 24–27.
173. Сулимов К.Т. К вопросу об оперативном определении функционального состояния и особенностей поведения собаки. Ежегодник российского психологического общества. Спец. Выпуск. М., 2005. Т. 2. 400 с. С. 297–299.
174. Сулимов К.Т. Практическое использование возможностей обоняния домашней собаки. IV Международная конференция Химическая коммуникация животных // Фундаментальные проблемы. М., 2006. С. 73.
175. Сулимов К.Т. Врождённая антропофобия домашней собаки Севера. IV Всероссийская конференция по поведению животных. М. 2007. С. 565–566.
176. Уждавини Э.Р., Шепелева В.К. Очерки развития врождённого поведения М.; Л., 1966. 120 с.
177. Умельцев А.П. Ваша собака. М., 2004. С. 319.
178. Усов М.И. Собака, которая спасает. АСФ России. М., 2000.
179. Федосенко А.К. Уриал. М. 2002. С. 135–142.
180. Флуранс П. Об инстинкте и уме животных. СПб., 1859. 166 с.
181. Формозов А.Н. Снежный покров, как фактор среды, его значение в жизни млекопитающих и птиц СССР. Изд. МОИП. Новая серия. Отдел Зоологический. Вып. 5(XX). М., 1946. 152 с. 91.
182. Фуфыгин Б. Судебная одорология в следственной практике // Соц. законность. 1952. С. 74,75.
183. Чельцов А. Первое испытание // Охота и охотничье хозяйство 1968. № 6. С. 24–26.
184. Чумаков А. Пустые стойки легавых собак // Охота и охотничье хозяйство. 1956. № 7. С. 33, 34.
185. Шамонова Т.Н. Использование следов биологического происхождения, оставленных человеком, в расследовании преступлений насильственного характера // Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
186. Шамонова Т.Н. Следы человека на месте преступления, их роль в доказывании Московский университет МВД России. М., 2007. 152 с.

-
187. *Шаповалов П.* Промысловые борзые собаки тамбовской области. Тамбов, 1952. 119 с.
 188. *Шепелёва В.К.* Очерки функциональных свойств анализаторов диких млекопитающих. Новосибирск: Наука, 1971. 139 с.
 189. *Шиболет М.* Ханаанская собака: библейская порода, сохранившаяся до наших дней // *Ариэль* № 2. Иерусалим, 1990. С. 119–124.
 190. *Шиканов А.Р., Тарнаев Н.Н.* Применение служебно-розыскных собак при расследовании преступлений. Иркутск; Чита. 1973. 76 с.
 191. *Широкий Б.И., Широкий О.Б.* Оленегонный шпиц. М., Аквариум 2004.
 192. *Шубкина А.В., Ушакова Н.А.* К вопросу о возможных механизмах выбора жертвы. Проблемы химической коммуникации животных // *АН СССР. ИМЭЖ.* М. 1991.
 193. *Штильмарк Ф.Р.* Отчёт о прожитом // *Логата* М. 2006. С. 199, 263–268, 276, 299, 370, 388, 422, 423, 443, 445, 450.
 194. *Эггинс Б.* Химические и биологические сенсоры // *Техносфера.* М., 2005. 336 с.
 195. Энциклопедия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. М., 2005. 464 с.
 196. *Языков В.В.* Теория и техника дрессировки служебных собак. М.: Воениздат. 1932. 248 с.
 197. *Atkins David L., Dillon Lawrence S.* Evolution on the cerebellum in the genus *Canis*. «*J. Mammal*». 1971. 52. № 1, 96–107.
 198. *Feigin A.M., Zinkevich E.P., Wysocki C.J.* Decrease in human olfactory sensitivity some odors due to substitution of air in the nasal cavity by helium. *Chem. Senses.* 1991.
 199. *Feigin A.M., Zinkevich E.P., Wysocki C.J.* Human olfaction in an atmosphere of helium or nitrogen and odorant variation in the heed for oxygen. *Chem. Senses.* 1992. Vol. 17. № 5. P. 622–623.
 200. Senglaub. *K Wildhunde – Haushunde.* Urania.-Verlag Leipzig; Jena; Berlin, DDR. 1978. 240 s.
 201. *Sommerville B., Gee D., Averill J.* On the scent of body odour. *New Scientist*, 10 jly № 1516. P. 41–43.
 202. *Vetulani Tadeuzs.* Tarpan und polnische Landpferd (Konik). Beitrag zur Herkunft des europaischen Hauspferdes. *Biologia Generalis.* 1928. Bd. 4. Lfg. 5. Wien; Leipzig, 1928.
 203. *Yerkes R.M.* The mental life of mokeys and apes: a study of functional behavior *Behav. Monogr.*, 1916. Vol. 3. P. 1–145.
 204. *Zimen Erik.* *Der Hund.* Munchen, 1989. S. 38.

Научное издание

Клим Тимофеевич Сулимов

**Культура отечественного собаководства XX–XXI вв.
(комментарии, реплики, размышления)**

Утверждено к печати Редакционно-издательским советом
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С. Лихачёва

Художник *М.Ю. Маяков*
Оригинал-макет *М.Е. Заболотникова*

Подписано в печать 17.11.2016
Формат 60×90/16.
Гарнитура Times New Roman.
Бумага офсетная. Печать цифровая
Усл. печ. л. 13,1
Тираж 50 экз.

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2
e-mail: heritage@mtu-net.ru, cdn-nasledie@mail.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Костромской дом печати»
156000, Костромская обл., г. Кострома, ул. Мясницкая, д. 43А.